

ЛЕОНИД
ГУБАНОВ

Серый
Конь

ЭКСМО

Леонид
Губанов

•
Серый
конь

Золотая серия поэзии

Леонид
Губанов

Серый
Конь

•

Москва

2 0 0 6

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Г 93

*Лучшие стихотворения прошлого и настоящего
в «Золотой серии поэзии»*

Серия основана в 2001 году

Составитель *И. Губанова*

Оформление художников *А. Новикова и Е. Ененко*

В оформлении использованы акварель,
рисунки *Л. Губанова*, фото из коллекции *И. Губановой*

Губанов Л. Г.
Г 93 Серый конь / Леонид Губанов. — М.: Эксмо,
2006. — 384 с.: ил.

ISBN 5-699-15593-7

Русские гении второй половины XX века, существовавшие на социальной грани, часто за ней, вечно гонимые властями, но и навечно любимые Россией, ушедшие «в стан погибающих за великое дело любви», оставившие великие свои творения, — Венедикт Ерофеев, Константин Васильев... многие были выдворены из страны и получили официальное признание на чужбине, многие сгинули ни за грош, и имена их стихли.

Леонид Губанов (1946—1983) — основатель неформального поэтического объединения СМОГ, но прежде всего гениальный поэт, оставивший большое дивное наследие; каждый его сборник, в любом составе, — чудо.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 5-699-15593-7

© Составление, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

НА СВЕТУ И В ТЕМНОТАХ ЛИРИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Творчество Леонида Губанова задолго до своего обнародования (а может быть, именно в силу того, что столь долго было под спудом) как-то само собой сделалось легендарным. Предшествовавшие ему шумные поэты хрущевской оттепели читали в переполненных залах, их стихи выходили неисчислимыми тиражами — так что набранных тогда оборотов успеха им хватило на всю дальнейшую жизнь, и житейские пертурбации были для них не более чем зыбь на воде.

Не то Губанов. Он жил истово, безоглядно, несколько раз попадал в Кащенко, аудитории его ограничивались вместимостью столичных квартир и, гораздо реже, библиотек, и тем не менее в «мифологии» 60-х и 70-х годов у него собственное прочное место. «То, как он читал свои стихи, — свидетельствует Ю. Мамлеев, потрясало до самых первоисточков вашего существования. <...> Да, это был и авангард, и есенинская надрывность, и «священное безумие», и потайной смысл».

Авторская декламация Губанова по силе эмоционального воздействия была вполне сопоставима с исполнением лучших тогдашних бардов, несмотр-

ря на то что не могла брать за горло струнными переборами. И слушавшие его в ту пору ценители через всю серятину последующей жизни пронесли полученный от него заряд-огонек...

Теперь поэзия его в своем основном объеме стала общедоступна. А то, что там... «человек сгорел» — так то теперь холодный факт литературной истории.

Юный Губанов был неумолимый излучатель поэтической энергии. Помню, начинаешь подкисать, подсыхать, не пишется, на душе остылость, а встретишься с Леонидом — и обязательно подзарядишься его неукротимой динамикой. Однако, слушая его, им заражаясь и попадая в его затягивающую орбиту, я, помню, все же старался не отдаваться его чтению полностью, как какому-нибудь шаманству или камланию, но вживаться в губановскую образную систему, близкую, пожалуй, разом и Хлебникову, и есенинскому имажинизму. И вот ведь тайна: почему одни образы, каким бы крайним сюрреализмом они ни отличались, пронзительно бережат сознание, тогда как другие кажутся случайными и бьют мимо цели? Во всяком случае, эстетические ориентиры Губанова были для тех лет очень неординарны и сразу выводили его за пределы тогдашнего официального литературного поля. Поэзия Губанова была исключительно необычна. «Скоро, одиночеством запятнанный, / Я уйду от мерок и морок / Слушать зарифмованными пятнами / Тихие трагедии дорог». 1963 год на дворе — кто бы тогда так написал? Только семнадцатилетний Губанов.

Поколение до нас плохо мыслило себя вне печатания, даже Бродский при всей его тогдашней неординарности искал возможность публиковаться. Мы же страницами советских журналов брезговали почти изначально, правила социалистической поэтической жизни отвергали с порога. И это был, разумеется, не столько политический выбор — мы были тогда для него еще слишком незрелы и «неотмирны», — сколько *органичные установки свободной нашей эстетики*¹. И, встретившись в Москве с Губановым осенью шестьдесят четвертого, я, салага, провинциал, с ходу и навсегда примкнул к тому, что позднее начали называть андеграундом (который, увы, в посткоммунистические времена стал вдруг продавать себя со всех лотков и оптом, и в розницу).

Правда, в отличие от Леонида, я уже тогда глубессознательно понимал, что твердая литературная дисциплина необходима. Да и, как теперь говорится, «по жизни» надо быть аккуратнее, а то сгорим ни за фунт изюма и ничего не успеем сделать. Можно заморозить слушателя, довести его до калення, но, в конце концов, не запрещенный ли то прием? «Действовать» поэту следует все же не голо-

---

¹ «У меня разногласия с советской властью чисто эстетические», — обронил однажды Андрей Синявский. Меня, раскаленного антикоммуниста, эта его фраза, помню, шокировала. Теперь, когда в силу естественных причин такая раскаянность утасла, я лучше понимаю, что он имел в виду. И солидарны с ним могли быть многие литераторы, которых не печатали потому, например, что они не были «реалистами». (Прим. — Ю. К.)

сом, а — со страницы, даже если это страничка папиросной бумаги, а шрифт скачет и бледноват. ...И вот теперь, сегодня, стихотворение за стихотворением читаю Ленину книгу — и вновь звучит во мне порой его подзабытый голос. И когда звучит — вытягивает даже и слабый текст, а когда нет — остаешься с книжными столбцами один на один, и тут вступают в силу свои безжалостные законы: законы стихотворчества и временного устаревания. Обладал Губанов, повторяю, очень мощным воображением и отнюдь не спешил его обуздать. Нагромождение образов плюс коловращение языка заставляют его стихи сходствовать порою с импровизациями, которые, в свою очередь, кажутся рожденными чуть ли не в сомнамбулическом состоянии. И, как правило, на протяжении одного поэтического фрагмента есть попадание разом и в молоко, и в самое яблочко. И это не спишешь просто на творческую незрелость, но есть имманентная специфика дара, когда прозрение то перетекает в нелепость, а то вдруг фокусируется в замечательный образ: «Уснуть под красным одеялом / Ржаного теплого заката» — как хорошо. Или еще сильнее: «Как сладко зарастает черной клюквою / Заснеженный сюртук слепого Пушкина». И какая пронзительная лирика — это в восемнадцать-то лет, в 1964 году:

Только ты им не верь и не трогай с крыльца
В тихий, траурный дворик «люблю».
Ведь на медные деньги чужого лица
Даже грусть я тебе не куплю.

Снова лес обо мне, называет купцом,
Говорят, что смешон и скуласт.
Но стоит, как свеча над убитым лицом,
Серый конь, серый конь моих глаз.

...Понимаю, банально вопрошать: откуда? И все же невозможно не изумиться: и впрямь, откуда в среднеарифметической советской и московской среде, в «евтушенковские» 60-е годы такое чудо — с **таким** словарем, воображением, сложнейшими интонационными переливами от романса — до плача, **заговора** иль прибаутки?

Я за тобой не пойду,
Кончится, кончится, кончится...
Яблони будут в бреду,
В красных ботиночках творчества.

Вот тайна настоящей поэзии: даже и в голову не приходит удивиться — да почему? Почему яблони будут «в красных ботиночках творчества»? Будут — и баста. Лирическая правота в чистом виде. И надо не иметь поэтического уха, слуха, чтобы пытаться ее оспорить.

...Жить в 70-е годы так, как жили в 60-е, было уже нельзя: не выдержало б никакое здоровье. Уже и общество в эту пору где посерьезнело, а где поскучнело. Да и специфики дарований и творческих психологий, естественно, разводили в разные стороны. Вот почему и меня, да, думаю, и многих поздние стихи Губанова, опубликованные сегодня впервые не только обрадовали, но и заставили в значительной степени уточнить и ревизовать прежние

представления. Оказывается, Губанов вовсе не топтался на месте и отнюдь не превратился в некоего угасшего и образумившегося Артюра Рембо, как кому-то казалось. Его поэзия выиграла в прозрачности, детская душа его, душа самородка, отчетливее выступила сквозь текст на поверхность. Рубцов, Шукшин, Высоцкий — в старшем поколении они были ему ближе других — не по стилю, а по подспудной, полуукрощенной, неистовой анархической жилке. «Белая лошадь славы / Вздернула удила. / Месяц моей державы — / Розовые крыла. / Я к вам пришел дать волю. / И чаевые рощ. / Золота за собою / Много не увезешь. / Белая лошадь славы / Стала хрома, ряба. / Я — непутевый самый / Из твоего ребра!» — писал он в стихотворении памяти Шукшина.

И смотрите, как исподволь оспаривает он «Пиллигримов» Бродского, смолоду словно закодировавшего в эту лирическую пьесу всю дальнейшую психологию своего лирического героя: горьковатый скепсис и экзистенциальную оппозицию Божественному миропорядку. У Бродского: «И быть над землей закатам, / И быть над землей рассветам. / Удобрить ее солдатам. / Одобрить ее поэтам». У Губанова: «Родина, моя родина. / Белые облака. / Пахнет черной смородиной / Ласковая рука. / Тишь твоя заповедная / Грозами не обкатана, / Высветлена поэтами, / Выстрадана солдатами».

Губанов — талант очень национальный, русский до мозга костей. Россия, Родина ему и мать, и мачеха, и жена.

И поздняя его лирика — лирика поэта, знающего, что такое катарсис. В свинцово-безнадежном начале 80-х, оттесненный судьбой на периферию культурной жизни, он пишет стихотворение такой лирической силы, что невозможно не изумиться.

Твоя грудь, как две капли, —
Вот-вот — упадут.

Какое простое и замечательное перетекание единственного числа — во множественное: тут все — и соблазн, и тяжесть, и материнство.

Я бы жил с тобой на Капри —
А то — украдут.
Золото волос и очи —
Дикий янтарь. Я бы хранил,
как молитву к ночи.

Как алтарь.
Псов сторожевых разбросал букеты, —

поразительный «на грани фола» образ: цепные псы
рвутся с поводков в разные стороны

Чтоб знал всяк вор,
И перевешал бы всех поэтов
У ближних гор.

Безусловная точность эпитета: попробуйте заменить на «дальних» — ничего не получится. И дальше — так же прекрасно, тогда как у другого было бы безвкусно:

Я бы осыпал тебя цветами
Всех сортов.

Пока не стала бы ты — седая,
Как сто садов.
Твою невинность и невиновность
Боготворя,
Я бы приказал ввести как новость
В букварях...

Казалось бы, штамп на штампе, порой доходит до примитива, а все вместе свежо и сильно.

Тогда не знали мы еще таких понятий, как «энергетика» и «моторика», которые склоняются теперь критиками к месту и не к месту во всех падежах. Но как раз именно их-то, мнится, и не хватает современной поэзии, сплошь и рядом словно высосанной из пальца. И этого не способна прикрыть никакая критическая раскрутка. А у Губанова за текстом такая энергия, что нередко держит на плаву даже провальное. Держит часто, но, конечно же, не всегда. А потому чистота и захламленность у него соседствуют, увы, повсеместно.

Впрочем, а у кого этого нет? Плохих стихов не писали разве что Пушкин, зрелый Лермонтов, а в прошлом веке — Ахматова, Мандельштам; старался не писать Ходасевич. За что, Впрочем, и был бит Г. Ивановым, противопоставлявшим ему Блока: «Стихи Блока — «растрепанная» путаница, поэзия взлетов и падений, и падений в ней, конечно, в тысячу раз больше»¹. А у Ходасевича, мол, «пресное,

---

¹ Иванов Георгий. Собрание сочинений в трех томах, т. 3. Мемуары. Литературная критика. М., «Согласие», 1994, стр. 514. (Прим. — Ю. К.)

постижимое совершенство». Быть может, и так, но чрезмерная не... отцеженность текстов Блока по сравнению с вышеупомянутыми мастерами очень заметна, не хватало ему поэтической экономии, требовательности к из-под пера выходящему... И это при гениальнейших его взлетах.

Еще хуже — обилие «ватных» текстов в целях симуляции «эпического начёта» и укрупнения гонораров, чем сплошь и рядом грешили советские стихотворцы.

Но если обойтись без таких привнесенных из житейского моря крайностей, то это только кажется, что поэт выбирает, каким путем идти: «путем зерна» или вольной песни. Тип сознания не выбирают, и авторская поэтика — не выработанный волею стиль, а дело природное. Одни пишут, словно впадая в транс, и суеверно боятся последующей рационалистической обработки. Другие ставят создаваемое под контроль совершенства. В первом случае поэту грозит творческое хлыстовство, во втором — превращение в «мраморную муху». Лучшие стихи осуществляются все-таки на спайке вдохновения с ремеслом. Весьма редкая спайка, но потому и прекрасные стихи — вещь не частая. Хотя в любом случае настоящее стихотворение прежде всего продукт вдохновения, а не задействованного стихословательного умения. И накал вдохновенности, продиктовавшей стихотворение, остается при нем всегда и по большому счету не убывает во времени.

...После выхода книги Леонида Губанова нашлись новейшие литературные прокуроры, поспе-

шившие вздохнуть чуть ли не с облегчением: дескать, лопнул наконец и без того зажившийся миф о Леониде Губанове. Подавай им что-нибудь эдакое, пусть и с матерком, но выверенное рефлексией и культурным расчетом. Губанов для них — варвар: слишком дик, самобытен, и текст у него сырой. Это правда. Но правда и то, что его «путаница» — процитируем вновь Г. Иванова «вдруг «как-то», «почему-то» озаряется «непостижимым уму» райским светом. <...> Этому никакой ученик не может научиться и никакой мастер не может научить. Да, таким был для нас Блок и никогда не был, никогда не будет Ходасевич».

...Несмотря на массу реминисценций, губановская поэзия первична по сути. Казалось бы, о чем речь, и так понятно, что первичность, то есть преобладание лирики над конструкцией, — само собой разумеющаяся главная составная в творческом деле. Но так далеко ушло ныне стихослагательство от жизненно-сердечного опыта стихотворца, что первичность и впрямь выглядит порою экзотической диковиной и реликтом.

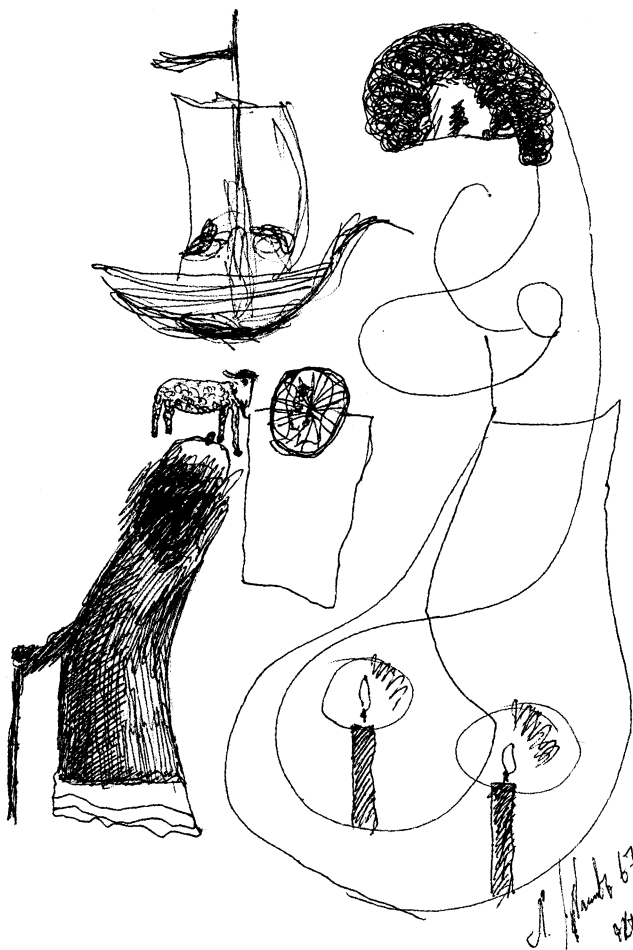
И именно таким лириком «на разрыв аорты» был для нас Леонид Губанов и никогда не были, никогда не будут постмодернистские ловкачи и искусники.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Кольчуга

...Считали глупые вещи:
глаза у вороны, концы у короны.
А оказалось, — есть Щит
КАЗАНСКОЙ МОЕЙ ИКОНЫ!

Леонид Губанов. «Серый конь». 64 г.

---

* * *

Холодный пар,
хоронят прах.
Не плачьте, горе запорошится,
на мраморную доску пав,
под желтым смехом пьяной рощицы.

Жизнь хороша, и ты, король,
за тир гроша могилу рой.
С лопатой падай и гребь,
тебе опять слезами ужинать.
Как мебель старую, ненужную,
Вывозят желтые гробы.

Сварганенный комок несчастья
Ваганьковским зовется кладбищем.
Все знают — я не рвусь на части,
и не хочу быть вашим классиком.

И та есенинская роль
на бархатный мой шарф не тянет.
Мне хорошо, что я король,
а буду нищим, лучше станет.
Я выпью водки на углу,
где церковь эта и ворота.

Я не на улице умру
среди бесстыдного народа,
а книжных полок посреди,
черновиков где рваный ворох.
А смерть Ходжою Насреддин
засыплет снегом поговорок.
«И панихиде грустной внемля»,
я вам скажу не так, а сяк —
Любил поэзию, не землю,
Как море истинный рыбак!

*Москва. Ваганьково.
13 ноября, 1963 год.*

ТЕБЯ ЛЮБИЛИ ПАЛЕШАНЕ

Тебя любили палешане
на знойном пузе пепелища.
Они глаза твои мешали
С ракизовой грустью нищих.
Ты нежность ищешь, весны ищешь
и ходишь к лешим по лишайникам.

ТЕБЯ ЛЮБИЛИ ПАЛЕШАНЕ.
А твой? Он был горяч и холост,
да вот пропал, от водки сгинул.
Июль, потерянный как голос,
серебряные клонит ивы.
Он ждет отливов и покосов,
как эпилога переписчик.
Без палеа тугие косы
внимая в пузо пепелища.

Но порешили парижане
тоску твою и боль родную.
Тебя любили палешане,
а к тем французам не ревную.
И красота твоя как ныне
в моей душе луною светит,

и что там Леонард да Винчи
в коряво-бархатном берете?

Неслыханная блажь на свете
твоя походка и улыбка.

Пора, пора забросить сети,
зову тебя, золотая рыбка!

Абрамцево. Сент. 63 год.

---

* * *

Темно-синей силой проповедь.
Но молчанью напоказ
я пророком шел из проруби
свежевыколотых глаз.

Было мартово,
распущенно...

И, всю ночь по снегу ерзая,
пели сани, Сани Пушкина
у Руси в сосках березовых!

И ветла в дороге кланялась,
ели были по бокам.

А на сердце тихо правилась
рукопись моим богам.

Пусть не хвалится, не хаетя
золотая жизнь твоя.

Пусть сентябрь, придя, не хватится —
Где же песни соловья?

Не монахи мы. Убогое
нам прискучило жилье.
Мы на бойкой тройке Гоголя
Пьем шампанское свое.

Души мертвые не лапаем.
А целуют, зная любим,
с электрическими лампами
пролетает херувим.

Не земля, а преисподняя
всем живым моим словам.
Где же ты страна Господняя,
Где же ты, Господний Храм???!!!

*Измайловский парк.
Зима. 1963 год*

---

* * *

Живем в печали и веселье,
живем у Бога на виду.
В петле качается Есенин
и Мандельштам лежит на льду.

А мы рассказываем сказки,
и, замаскировав слезу,
опять сосновые салазки
куда-то Пушкина везут.
Не пахнет мясом ли паленым
от наших ветреных романов?
И я за кровью Гумилева
иду с потресканным стаканом.
В моем лице записки пленника
и старый яд слепой тоски.
В гробу рифмуют кости Хлебникова
лукавых строчек колоски.

Но от Москвы и до Аляски,
когда поэты погибают,
еще слышнее ваши пляски,
еще страшнее стол с гробами!

---

* * *

Опять в душе, где сплетни и плетни,
где хуторком вишневым ваше слово,
вся ясность превращается в ледник,
которому раз плюнуть вёсны слопать.

Вдох — вдохновенье, выдох — нечистот
умерших слов отпетых вашим смехом,
ледник грозит и за плечо трясет,
а хмурится он инеем и снегом.

Он в серебре, он будет раскошелливаться,
и жутким хладом брать страну безверия,
где слово «лес» на слове «речка» женится,
и брак их, до проверки глаз, бессмертен.

Ах, ясность, мой ледник, с нескладным
сердцем.

Зачем тебе устам конца поддакивать?
Коричневые буквы, как туземцы,
бегут зимы и холодом подавлены.

И дальше, эй, ледник, давай отчаливай!
Сметая все, ты знаешь жизни — соль:
как будут руки в очаге Отчаянья
высматривать золу сожженных зорь.

В вишневый сад мистерии-истории,
не надо ледника, прошу, не надо.
Пусть Муза серым утром у «Астории»
Продаст меня за горстку винограда.

Пусть будет и лохматой и обидчивой,
немножко пьяной, и немножко нежной.
И, пуговицы на пальто отвинчивая,
Пусть у нее сдадут немножко нервы.

Нем. Ножку я поцеловал случайно.
Она была под скатертью, под скатертью.
Да здоровствует живое и печальное
лицо твое у памяти на паперти!

В ДОРОГЕ

Впустите Слово на ночлег Устиньи!
Впустили!
Проплесневшие дачи Стиля
сметала черствых строчек чернь.
Шел шалый, желтый снег, был красный,
и время называлось — осенью,
и вечер звезды в ночь выкашливал,
и звезды назывались прозою.
За прозою скрипели зимы,
и снегом сыпало презренье.
Но всю дорогу по России
я толковал перу про зелень.

Мои дороги были замужем
за каждым верстовым столбом,
они плели босою заумью
и говорили — Бог с тобой!
И сплюнул пруд, уставший берегом
и клясть, и ехать, и рожать,
и жался телом к роще беленькой
и жрался всей тоскою жаб.

О ЛЮБВИ

Плетнем впритык, туда где яблонно.
Где лодки — шелухой от семечек.
Молю — приди от Бога, дьявола ли...
Или от памяти осенней.

Мне не хватает той, что нехотя
ступает в предисловье лета,
с головок вишен сыпля перхотью,
которую прозвали — цветом.

С одной лишь мыслью пружин в ботинках
щемящих чувств, о вашей боли.
Мозоль, которая притихла
и называется — любовью.

Мне чувства не расшнуровать,
я завязал себя на узел.
И, опустивши рукава,
сады уходят, словно гуси.

Гуськом, туда, к большой воде,
где спит заря кусочком мыла.
Туда, где вам одной владеть —
что будет, оттого что было!!!

ЕЩЕ РАЗ О ЛЮБВИ

Вновь тишину на сердце пролили.
Зачем мне тишина? Скажите?
Во мне, как в клоуне за проволокой,
кричащих мыслей общежитье.
Но клоун тоже гладиатор,
мечом молчание нагонит.
И осень будет плагиатом
На красный смех рощ прошлогодних.
И снова вечер в поле выгонят,
пятак луны отдав для храбрости.
И так легко на сердце выгорит
промокший хворост вашей радости.
Отливом расплзутся губы
и ты, молчанью поперек
— я так и знала, так и думала,
опять, опять не уберег!
И ночью серой, ночью сальной,
Не сдавшись, но прокравшись в крик,
ты все слова мои Сусанином
заманишь в страшный мой тупик.
Я буду ждать тупик как плаху,
где жизнь не молят,
слез не льют.
А тупик звенеть и плакать
простое, словно боль, Л ю б л ю !!!

---

* * *

А мой Июнь, как тощий жеребец,
которого ведут к большому лету.
Он угловат и некрасив, как свет
на чердаке у нашего поэта.
А сам поэт худой, как мамин голос,
вынашивал стихи свои так правильно,
что пугало, руками сжавши голову,
пугало самой лучшей ролью трагика.
Я близ таланта, словно близь предместья,
Где пью студёну мысль, и хвалят ягоды,
где в лозняке тоски как белый месяц
молчанье гениальности проглядывает.
Где бабы льнут, а песня пропадает
до зорьки и, туманами умытая,
нас, молодых, так за душу хватает,
как будто бы цыганка знаменитая.
И пыль и прах... и всё одна мелодия,
и каблуки, и кабаки, и кражи.
Всё сладкий дым — и золотая родина,
которой ни теплее нет, ни краше.
И яблони, замазанные мелом...
И руки перевязанные, той
— которая бы Мысль — Москву сумела

объединить провидцем Калитой!
И дождь, и снег, и рукопись, что тужит,
скрывая обручальное кольцо
А муза? На нее все уже, уже
ножа замысловатое лицо!!!

Январь. 63 год

ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К ДРАМЕ «37»

Не придуматься, не вылиться
просто так, для постной рож.
Быть при улице-невиннице
огорошенным Гаврошем.
В баррикадах туш упитанных,
среди рваных ранцев сердца
пули Слов срывать с убитых,
выковыривать, где села в цель.
По безрыбью, по бесследью
Топать ножками в бессмертье.
И свинец строки прочитанной
в ваш лампадный лоб рассчитывать.
В золотом дворце поэзии
кровью окропить ступени
и ворваться, как полесье.

ТЕНЬ НА ПЛЕТЕНЬ

Старина обеднела.
И куда облетела, не знаю.
В передрогшее тело с низовья входили слезами.
Заглушая топор, что гудел над сосёнкою звонкою.
Заартачился хор под бурлацкой рубахою тонкою.
Эй, Дубинушка, ухнем!
Не уху мешать, а угли.
Не молодец мять, а вёсны.
Не колы ломать, а вёсла.

Эй, Дубинушка, ухнем.
Ай, зеленая сама пойдет.
От натуги пухнем.
От холеры голова поет.
Дёрнем, подёрнем, да ухнем —
в угли!

Пой! Заря уж распоясалась.
Боль уж точит нам балясы.
Нужно, дружно, ухнем!
Полдень.
Поднят,
глух, нем.

Эй, Балакирев, поусерднее, ох!

Вы — во — ла — кивай

на сердце эпилог.

...Из твоих низин, парень,

Золотых дай сил в паре!

Выходил крикун — через мили.

Нарекли реку — Миром!

Без конца она, без начала.

Не рубить канат от печали.

Не грести весне к пьяной роще,

а грустить, как снег или площадь.

...Вот и солнце, ясно солнце замаячило

на руке соснувших сёл болячкою.

Не тревожь его, как будто рану, —

Бурлаки ревут, как два бурана.

По жару, не ради жратвы вкусной,

вливаются в лямицу и тащат баржу Искусства.

Больно, больно... сердце перевязано.

Пой нам, пой нам про Степана Разина!

Легче, легче. Заноси пуще!

Печень певчих — Пушкин!

... Да, он.

Давай, наваливай, тащи

По валежнику поваленному

В ночи.

Сквозь уста твой кустарники, Наталья!

Эй, устали что ль, вставай, наддали!

37 лямок вошли в плечо,

причем

до крови, до каждой жилки сердца.

37 кричат грачом, как чёрт
вытираясь на рассвете полотенцем.
Не однажды, не однажды, погоди!
Перетерты будут лямки, перетерты.
Будет кровь, и вместо выжженной поддевки
будет бинт вторичной ляжкой на груди.

Бурлака назвали, кажется, поэтом.
Говорили — вот не выдержал, упал.
Был январь, а он кричал, врывался в лето
и морочился с морошкой на губах.
И приснилась ему и гроза, и волны,
и соленый грот, и сладкий рот.

А в прихожей кучера и воры,
и никто руки не подает!

---

* * *

А губы — босы.
А ожиданье Слова,
как ожиданье сердца снайпера.
В черновиках чернеет осень,
боясь перенесенья набело.

В черновиках есть Ивы в инее.
И в гололеде рифм подскальзываясь,
как поводырь в нем ваше Имя
мне нужную тропу подсказывает.

И я, вычеркивая звуки,
как смахивают снег с крыльца,
Всё вижу мраморные руки.
Всё слышу хохот без конца.

Январь. 63 г.

---

* * *

Я от репейников, от Репиных.
А мне б качаться на пари
зеленым Гришкою Отрепьевым
над красною Москвою лип.
Вокруг меня кипят боярышники.
О, Господи, они бояре же!
Любимые! А где корона?
На голове одни вороны.
Да ветер, сукин сын, как свистнет —
— «Смотри, честной народ, он в листьях!
Народ! Он пахнет чесноком,
плетень вокруг как частокол.
Ноябрь, пора опасть бы, братец,
бояре вон и те без платьев.
А ты, пройдоха, лучше что ли?
Вот погоди, мы наградим!»
И прут с иконою святою,
да и с кастетом на груди.

Распутница! Бахвальство. Смута.
И вот уж добрались до главного —
решили — в небе вместо уток
мои антихристовы грамоты.
Решили, хватит вору петь.

Смущать немых и безголосых,
когда и поле без колосьев,
и колокол идет на смерть.
Пора рубить, мы и стращали
и градом били, вроде, вдоволь.
А он без дома и без доли
в своей любви не истощает.

Зевак на казнь пришло навалом.
Плетень сломали, грядки вытоптав.
Глазея, как зеленым паром,
цвели глаза мои невыпитые.
Х о з я и н у не по душе
такой разлад, скандал на даче.
Он должен жить ероша шерсть,
без неудобств и без подачек.
Топор. И вот он, чернь ту теша,
во всем им угодить усердствуя,
с руки откормленной и тесной
как хряснет по припеву сердца.

Под корень, и не удивляться.
У слов льет кровь по переносице.
И даже слухи не толпятся,
за песнями убитых носятся.
Нет судей в этом страшном времени,
и по Москве в бряцанье Лир
ждут топоры октябрь Отрепьевых
чтоб справить свой кровавый Пир!!!

---

* * *

Трамвайная осень, опала
желто-красным.
Деревья в опале, а ветры и наглы и праздны.
И ходят калины к реке ожигаясь,
и в горле калитки твое ожиданье.
И фреска как фреска, и где эта ласка?
И резко, как леска, оборвана сказка.
И к черному хлебу слепых одиночеств
прикинут я небом для разных пророчеств.
Трамвайная осень, упала, опала.
Лишь светится просинь — след Божьего Дара.

— ● —

---

* * *

Рассвет как дойная коровушка.
Спасительница, молока!
А бабка — ты куда, соловушка?
Вот, мол, луга, вот, мол, Ока.
И Август в животах затонов,
и деревенское — зато
у нас, у батюшки за домом
малинник, барыни затон.
Отца за страшную запруду
Забили на террасе до смерти.
Не помогли моления чуду,
и тихо умер он на рóссвете.
Потом, потухшими глазами.
Попом, и крестик хилый, ржавый.
Но жрут малину в наказание
кому не лень, и даже жабы.

Пропали ягодки, пропали.
Тропинки к ним забило илом.
Влезая зелени в купальник,
Цвела вода над сладким миром.
А ночью плач — Аленушкой.
Ни свет, ни дом ему не мил —
Малина! Мачеха! Гуленушка!
Всплыви и грех с меняними.

Но тихо. Как глоток поверья,
где соль начала всех Начал.
Всё хлюпала вода за дверью,
Как будто бы тот кнут с плеча.
И, хлопнув, недоумевала:
ах, почему ее оставили,
и тех израненных ославили,
которых недоубивала?!

Я — Б о л ь. А боли не забудут.
Я — Б о й, за пролитых и праведных,
но не хочу лепить запруды,
как делали когда-то прадеды.
Я так теку, как при потопе.
Про тактику волны забыв.
Мещанство. Господи! — Ваше Преподобие,
я не хочу чтоб кто-то снова разбился о Быт.

Я не хочу катить себя к губам твоим,
чтоб ты как чуть: А Ленька где-нибудь в Твери.
Творит.

И звезды в нем, потом Казань.
Но все вверх дном пусть будут днем —
глаза, глаза, глаза.

Той бабы вон, которая полощет
неверность мужа у морщинок рта.
Той бабы вор, которая как площадь
плывет в небытие собой горда.

Я с ней плыву, стоянкой не мани меня,
нас не заткнут, нас не запрут.

И мимо губы, губы как малинники,
к которым не добраться без запруд.

Я так теку. Вас заградили? Что вы?!!!
Не может быть, ведь были рядом, рядом.
Но бродит застоявшееся Слово
у мысли под зеленой ряской яда.
...И дальше. Обожди. Теперь послушай —
как творчество в болотах совершается.
Как мысли безобразными лягушками
Поют о комарином содержании.

Не надо!

Не хочу тебя!

И речки, уходя, речки, всё забрав с собой
В защиту топи долго тянет речи —
сумбурный и несобранный собор.
И бабка покрестясь, уходит к дому.
Ей этой ночью спать вдвоем с Окой.
Внук прошлый раз с запрудой подола
разлил на Август чье-то молоко!!!

ИГРОВОЕ

Над красною Москвою белые кони звезд.
Я крался с тоскою в беглые полдни верст.
И пруд начинался запруженный в травах
и птичках.

И блуд зачинался за пузом лукавых опричников.

И пахло телятами, Божьими фресками, жатвой.
Кабак удивлял своей прозою — трезвой и сжатой.
И пенились бабы, их били молочные слезы,
как будто и вправду кормили их грудью березы.

Вставайте, Слова, — золотые мои батраки.
Застыла трава и безумны молитвы реки.
Сегодня спускаюсь как в погреб, где винные
бочки,
в хмельные твои, сумасшедшие, дивные очи.

Сегодня хочу за цыганскими песнями
на вечность забыться, и только вот разве
на клюкве губы ощущать твою Персию,
в которую верил и Дьявол и Разин!!!

---

* * *

Неровен час, как хлынет ливень
по сердцу чащ, по чашам лилий.

Неровен Час.

Задребезжит стекло у мамы,
заплачет в 33 ручья.

Ах, твоему сынку ума бы!

Неровен Час.

На даче холодно и пасмурно.

Но все равно часам к шести

я у черновика запазухой

пойду детей своих крестить.

И если черная гребенка

лихое слово не возьмет,

Пусть, как у мертвого ребенка,

И рифма-мачеха заснет.

Еще придет перо скандалить

и строчки черные чинить,

что в легких бегают сандалиях.

Не чинятся, презрев чины.

еще придут за отраженьем

и образы и Образа,

еще подкупят украшенья

все неподкупные глаза!

Но за спиной любого Слова,
где сероглазый рифмы лифт,
попросят губы — голубого
седьмого неба на двоих.
И тут уж сердце не обманешь
и медом не заговоришь.
И ты застынешь, ты застонешь
— в ногтях заоблачную тишь.

И станет сладко или больно.
И станет больно или сладко?
А ты — свидетель Древней Бойни.
А ты — участник пересадки
своей Души на новый берег,
где неземные письма
готовят вам, суровый пленник,
глоток чудесного вина.
Они сидят все в белом, первом,
и на столе у них горят
седые Пушкинские перья,
и Лермонтова гордый яд.
Какую Славу смертным дашь?
Ведь неизвестно, что случится?
И Мандельштама карандаш
в волшебном зеркале стучится.

Но знаю — что должны, получим.
Недаром в небе сняли угол.
Шумят Есенинские ручки
на мой разжалованный уголь.
Но книгу жизни полистав,
устал устами перемалывать.

В 6.30 будят поезда.
Без малого... без мамы.
Ну как поэма? Не проси ее,
тщеславны наши караси.
Поэма в платье парусиновом
шатается по всей Руси.
Уже довольно сердце билось,
и алою подушкой стало,
для всех, кому сестра — немилость.
Для всех — кому жена, усталость.

Мир вспоминает о Нероне,
а я о хлебе не дослушал.
Неровен Славы Час, неровен,
и этот день и дождь досужий.
Ни первый, ни последний...
Н о в ы й!
Так выпьем, весело лучась.
Неровен Час как хлынет Слово,
Неровен Час!!!

ВОСПОМИНАНИЕ

Берёзы Батыя — кумыса бутыли.
Кобылица! Кабы в лицо, умылся.
Сто двадцать недель спина горела.
Сто двадцать недель пинал гарем я —
Жарой, золой, услугой.

Батый с одной
— «У Сука!»

Как евнух рот плеча,
поет в народ пицаль.
Стрела с лебяжьей усталю,
откуда ты — из Суздаля?!

Где Вареньки, вареники.
Где ялики да ельники.
Где в глине грядок вспоротых
есть имя девок всполотых,
Из страха глаз не выводить,
и, как на кладбище, уже
на белом теле попадъи
горят кресты кривых ножей.

Батый! Постели стелят стрелы,
а ты подушкой сделал степи.

А ты на старость лет, пройдоха,
малиновую Русь прооухал.
На плечи грабленной церковки
слетают вороны всей Вологды.
А там и Август на цыновках, — голода.
А там все мысли на постой
и сердце грустью, болью полнится.
И снится бабе русский стон
и пол с горячей кровью половца.
И чьи-то ржут во ржи,
и поле копыя ворошит.
И щит на теле трех берез...
Ищи, потей, гроздь слез,
гони погоню беспризорную,
где по колени горизонту
огни, да не огни, пожалуй,
а те Великие Пожары.

Все семь столетий прогорели,
и на обугленных коленях
деревни воят, как при Невском, —
Вернись миленок мой, Иван.
Любить мне не с кем, жить мне не с кем,
и не с кем слезы проливать.

Рассвет, пропойца красок неба.
И были половцы и не были.
А бабу взяли ту на мушку:
три пули в грудь, а ей все кажется —
что рубит половцев меч мужа,
и кровью на ромашки кашляет!!!

БОЛДИНО

До опаденья можно в Болдино.
До обалденья можно в Болдино.
Когда ты листьями разболтана,
когда распутицею болен я,
А осень снова хочет в избранное,
переменив размер и почерк.
Холенные холерой избоньки
и баб заплаканные очи.
Свеча! Встречай меня, сличай
с тем старичком с дорожной станции,
который завтра, может статься, и
меня и с прозой повенчает.
И чашка чая, как в Твери,
и белые березы крестятся,
а у меня без Натали
промчались три медовых месяца.
Гостили радостно подолгу
слова досады и любви.
Я Музам задираю подолы,
я самокруточки курил.
И слов на ветер не бросаю
у белоснежного пера,
я — тосковал, тоска босая

меня к бессмертию вела.
Потом от бабы отлучила.
Все поджидала, все подглядывала.
И уходить нас научила,
По первым строчкам, первым грядкам.

Как я позвал ее, с тех пор
мне снилось ночью красно-черной,
как умирал в снегах топор
познавший шею Пугачева.
Как шли селенья батраков,
Крича печально-обреченно:
«А Пугачев-то был таков,
а ты не знаешь Пугачева!»
Он жив, он носит эполеты
И скоро, скоро наяву
листовкою — «На смерть Поэта»
откроет первый свой триумф.
И после нас, да, Саша, после...
Он встретит тот же пистолет,
и скажет — здравствуй, как ты поздно!
Как ты, бедняжка, постарел. —

Я просыпаюсь... поздно, пусто.
Я на бумаги облакачиваюсь.
Петля Холеры над Искусством
кулем взволнованно покачивает.
Ан, не возьмет, свой нос не сунет.
Ведь я сестру ее рисую.
Чума! Чумой воняет Свет.
Чумою пахнут чемоданы,

когда вывозит осень данью
чумазый и чумной поэт.

Деревня ныла и хирела.
О, до свидания, холера.
О, до свиданья, девки Болдина.
О, вспоминайте Сашку Пушкина.
Пока! Измена слова пройдена.
Грехи отпущены!!!

ДОЖДЬ – ПОЭТ

А дождь уже не ко двору.
В ливрях золотом осины.
Эй, уши тучи оборву
Иль сапожком сафьяным в спину.
А у него лицо прозрачное
И до смешного хрупки пальцы.
Он в келейку мою просачивается
И от обиды отсыпается.
Дождь! Милый мой должник, опять
ты закрываешься ресницами,
и все же с головы до пят
тебе не спится, да, не спится.
Ты видишь, сердцем не смиряясь,
как ветлы, подоткнув подола,
полощут в речке-Несмеяне
права по Царству и по дому.
И шепчутся: мила ушкá!
Тоскою мужа не заморим.
Но если выходить, милавушка,
то обязательно... за Море.
Опять же, и солидный пост.
А связи, Господи, а связи.

И по кладовкам дна обоз
и серебра, и сербской вязи.
Ну а еще, велел царь-батюшка,
а Несмеяна, — не хочу.
— Но море описал сам Батюшков
и получил за то харчу. —

И вот уж лиственная Дума.
И дьяки, хищные как вороны,
девчонке-реченьке у дуба
Мозги городят уговорами.
А Несмеяна ждет лишь дождик.
Он не Змея ведь, выйти должен.
По лукоморьям и посадам,
где руки моют волосатые
ее дядя, ее пророки.
Смородинные скоморохи.

Но он придет, устами призванный.
Ах, он придет, я слышу в сыр —
как он усердно переписывает
начало из поэм Грозы.
Как он березы перечеркивает,
как он берется перед чертом
метать бессмертьем Слова, бисером.
Ах, писарек,
любимый писарь мой.

И он приходит, Дождь взახлеб.
Тот, писаришка в серой дымке,
и золото осин и ветл
срывает с голубых мундиров.

Он расправляется с казной,
чтобы по умершему Царству
охрипший ветер и сквозной
с червонцами судьбы мотался.
И липы, отдавая Дух,
скрипели б с поржавелой рожей —
а ветер деньгами все дул,
а мы и до дождя не дожили.
Ах, все разбил он. Расколол.
Я вижу из окошка низкого,
как голубеет разговор
царевны-речки с ливнем-писарем.

Как, позабыв про смертный люд,
она шепнет ему: — Прощен,
целуй еще, еще, люблю!
Целуй еще!!!

О ТВОРЧЕСТВЕ

М. Врубелю

Над серыми глазами улицы
спор допотопных башмаков.
Изнемогая как натурщица,
В кувшине бродит молоко.
А там, внизу, карета подана,
перчатки, кони горячи.
По лестнице ваятель тронутый
Всю слякоть тела волочит.
Дошел и сел. Давай до кладбища,
там поворот в предместье мести,
где каждый ландыш умирающий
вновь на холстах моих воскреснет.

Я только что из смерти, парень.
Я умер с краской нестерпимою.
Вот рук не покладая память
то боль, то детство перестирывает.
Вон там был Август, рукомойник.
А там вон на чердачном сенце
я выкамаривал гармонию
каморки собственного сердца.

Там, пот ладони разбояривая,
у жутких замыслов в жару
просили кисти подаяние
на Вознесенье и жратву.

Был холст и робок и велик.
И страх начала стыл и стаптывался.
И ожидание белил росло,
как ожиданье станции.

И вот тогда, как под пинками,
мазок за каждый крик свой клялся.
Я душу покрывать венками
и надписями не стеснялся.
И начиналось то, что в осень
изменнику простой земли
и невозможно было бросить,
и невозможно объяснить!!!

МАСТЕРА

Мастера уходят.

Кашлянув на свечу.

Мастерам сегодня — кашка лишь по плечу.

Но кричат их руки в мисках слепых, слепых, —

Ах, поверьте, люди!

Надо б собор слепить.

Принесем раствору, леса да кирпичу...

Только клич расторгнут

вследствие слива чувств.

Мастера обиду спаивают по кабакам.

Вспоминают битвы, горький донос врага.

И сгорают свечками под рыжим огнем кудрей.

Мастера! Вы вечно так, ничего путней.

Отпевают церкви вас рук ваших.

Сказочные, целенькие, в рубашках.

Причитают папертью — кружев след.

Поминают памятью лучших лет.

И стоят сиротками будто бы грозя.

И рукою рот прикрыв, — голоса.

И от всех словоблудий

выше синего бора

куполами как грудью

кормят русского Бога!!!

---

* * *

Саврасову

Лес опал, как просто, лес опал.
Словно сбросил свой роскошный фантик.
Лес такою свежестью пропах,
словно детство или мамин фартук.
Живописец мазал зло и ветрено.
Будто бы не полотно, а простынь.
Пролетали над главою лебеди,
всплескивали крыльями — как просто.

А стояла серая тоска.
Окаянно-серая тоска.
И скупой морщинкою мазка
под глазами рек легла Москва.
Тихий говор шел у кабака
с похудевшею сумою странника.
— Обокрал художник, обогнал
и пророков и наставников. —

Стал он пить и горе заливать.
Девочек бить и деньги занимать.
Был как прежде скован небосклон
И грачи еще не прилетали.
Осень, осень с траурным венком,
и на босу ногу лишь сандалии.

Был художник — сложный человек,
После кисти дернет чарки две
и пойдет чудить да бунтовать.
Грубовато душу грунтовать.

А потом закаты закудахтали —
кисти, дорогие, ну куда же вы?
Ваш отец качаясь, на карачках,
белый снег с полотен выколачивает.
Прилетели вороны в подвал,
каркали там на багаж сложенный, —
ты опал, как просто ты опал,
человек сложный! —

Не бери белил моих цинковых.
И решетку охрой окрась.
Тихо ходит смерть с древним циркулем,
как бы ей меня не украсть.
Я молоденький и хорошенький,
а она страшна и стара.
Мы художники, мы вельможники,
мы — заложники топора!
А она сидит, восторгается,
кровью поит и землю ест.
Не сгибается, так спивается
Тот, кто носит искусства крест.

---

* * *

ШУМ! Отгорожены столы.
Шут из гороховой страны.
.....
.....

Там, где девки зелены,
не глаза, а зеньки!
Там, где толки с насморком
смотрят только на сторону.
Там, где, если любят —
сердце брагой рюмят.

Душу
    благо

    полнят.

П о л н о, Ш у т, понят!!!

Кабаки на якоре.
Каблуки наяривали.
Смех — осколками
в мех оскомины.

...Шут!

    Шут! (шум шуб)
— Ясный, новоявленный,
переспи с боярыней!

Ох, несла меня жена,
приговаривала.
А холодная страна
прикарманивала.
Сколько будешь брагу жрать?
Лезть на крепости?
Лучше теплая кровать,
чем все нехристи.
Опрокинулась глава, съели навыки,
и железные слова сели на руки.
На соломе страшен я, а до смеха ли?
Вышла молодость моя за доспехами.
Может, скрою боль души
Водкой, картами.
Посмешил да поспешил —
кровью харкаю!!!

ПЕРВАЯ ПРОСЕКА

С. Есенину

Я — Д а р Б о ж и й.
Я, дай Боже, нацарапаю.
Улыбнутся ветлы — на царя поди?
И заплещут — берег наш любимый.
И за плечи белые обнимут.

Скоро теплый ливень красных губ.
Подставляй лицо, гори под струями.
Скоро, скоро теплый ливень губ!
Скоро, одиночеством запятнанный,
я уйду от мерок и морок
слушать зарифмованными пятками
тихие трагедии дорог.
Замирать. И бить в ладоши с гусем.
Ждать, когда же наконец от горя
пастухи, беременные Русью,
стадо слов к моим устам погонят?!!!

ЕЩЕ РАЗ О ТВОРЧЕСТВЕ

Как в рубашке тифозной,
я в рубашке стиха.
Воспаленью березок
в белом теле стихать.

Только бредить устами:
ночи нынче кочуют...
Получать неспроста
— очи почерк корчуют.

(... А с чернильностью рек
Лес нехоженных лет.
Чья опушечка якает
детством Пушкина, ягодой.)

Я в тифозной рубашке стиха.
Ты тиха!
Ты за мною сквозь строфы как щели.
Ты замолишь мой пот, как второе
крещение,
или имя дашь на века.

Мне не долго еще,
бред как брод (в полюбившемся месте)
...когда месяц,

и твой вздох задует свечу,
и один на один я с кончиною чувств
...когда месяц.

А на утро, как выпал на ивы туман,
первопутки строфы заследили чужими
глазами.

Во мне умер поэт, и кричали грачи: — От ума
Невезенье твое, наказание.

Ах, тебе рыжим мальчиком в будни стекать,
полно мучиться дурью, полно.

На столе голубеют рубашки стиха —
ни одна мне не в пору.

Ну а тем, кто надел мою страшную робу,
заражаться поэзией

и всю ночь, как получится,
биться лбом перед образом вечного гроба
и с последнею рифмой под ладаном

мучиться!!!

---

* * *

Девчонку сглазил. Ай, монах!
Ты в белой лодке, ну а далее?
Спит спелый пруд, как альманах,
где вирши о таком скандале.

Спит пруд. Да Бог с ним, с прудом, ладно.
Вот только бы она простила.
У белых губ тумана-ладана
горят кувшинки как просфиры.
Быть розе, значит быть грозе,
не с гадом, так наверно с градом,
и по слезам, как по росе,
не трудно новый день угадывать.

Плачь, нецелованный Рублев.
Воркуй старушкам, белым вербам —
я даже в Бога не влюблен,
я в Веру!

Ах, воровато не косись,
ведь здесь не в монастырской улочке,
где деньги, словно караси,
всем косяком на свечки-удочки.

Тих, как кувшин при обожжении,
ты ждешь, покуда очи празднуют,
влюбленных рук Преображения
и поцелуя первой Масленицы!!!

О ПОИСКЕ

Твой хмурый поиск занедужил.
Он видел — сорванный и сонный:
как опускались над подушкой
совсем больные руки Слова.
Толпилась ясность у беспамятства,
орала несмышленным медиком:
товарищи-слова, без паники,
выздоровленье очень медленно.
Лекарство принимать раз в сутки.
Вообще, не редкое уж дело.
Рассадой мыслей цвел рассудок,
теплица тела полетела.

И всё. Ноябрь залускал грустью,
и с неба снег загоношил.
Как будто Бог над тихой Русью
затачивал карандаши.
Не воскресить любое творчество,
которое разрушил поиск.
На белых рельсах одиночества,
художник! Ты попал под поезд!!!

БЫЛО
(Проба № 1)

Тобой моя душа окатится.
Звездой окупится, где синь,
и похудевшие акации
цитируют труды осин.
И заспанные как деревья,
которых не окутал дым,
бредем мы в дикую деревню,
цыганку с именем твоим.
Как было глупо, рядом губы,
но тих ты, тих и даже пьян
от намалеванных так грубо
малиновых ее румян.
Не тронуть и не заикнуться,
да и дорога трын-трава.
И за ромашкою нагнуться
так тянет, что одни слова
не лезут в горло, словно кость там,
другие просто не идут.
Была бы прихожанка, гостья,
и вся бы недолга и тут...
И косы трогать и посмеиваться,
потом считать ее веснушки.

Ах, рядом наша мельница,
да только я, увы, не Пушкин.
Ах, Музы где? И где те грации,
которых столько на Руси?
С акцентом осени акации
мне говорят, как я красив!!!

БЫЛО
(Проба № 2)

Ах, виноват, я снег миную.
Мне линовать тоску июлем.
И у заглавных букв двояких
Сажать на звук все кляксы ягод.

Уйти, в березы перекраситься.
В пути рыдая первокласником,
который у Зари при родах
Залил собой букварь природы!

---

* * *

Тоску сундучить.
Су — дачить с Дачей
о прохуdivшемся кафтане,
когда плечо больное тучи
губами грязными хватают.
С любимой ночь всегда в обрез,
и вот уж слышно петухам —
как соловьиный благовест
блажится под окном стиха.
Выходят маленькие буквы,
когда совсем рассвет невмочь
глухими рифмами аукаться
и в ступке ритма грусть толочь.
В бессмертье им идти с постели,
сколоченной у Мысли в сенцах,
когда их наделить посмеют
землей невспаханного сердца!!!

— ● —

---

* * *

Любуюсь липами и вами.
Елейным, липовым Иваном.
Ах, в осень только на стихах
Такие чувства настигать.
Но ваше сердце Вечность, кремень.
Я подсмотрел судьбу и знаю —
Как тяжко крестит рот свой Время,
Чепец соборов не снимая.
Старушка мучается дурью.
О, Время! Лапти промотав,
На пальцах деревень бандурят
Твои тугие провода.
Да, кто сильнее, тот выживает.
И выжигает старый след.
Но как чудесно вышиванье,
Которое рождает Свет!

—●—

---

* * *

Поговорим о городах,
вы — горожанки, горожане.
Мне в них по лесу голодать,
Как по поэзии в Ошанине.

Ах, современность мне до лампочки,
смотри — угрозам вопреки
как обнимаются на лавочке
мои интимные стихи.

Как, заглуша твою распутицу,
роняю я такое с уст,
что останавливаю улицу
с толпою разношерстных чувств.

И слышу хруст костей, и мяса
тот одичало страшный крик.
А говорили: точит ляды,
подвешен хорошо язык.

И все сбегается, сбегается
народ, который не урод.
А на спине — «Оберегается.....
Фу! Слава богу, не взорвет!!!

НА ОКЕ
(Поленово)

Бока пророчиц и паромщиц.
Малиновый закат при окнах.
Ока, белье, бабье по рошицам,
и я в траве ее притоком.
Приди и в ямбы загляни мне.
Приди по тропке, по стиху...
не угощая земляникой
поспевших для насмешек губ.
Смотри! Я продираюсь в ложненьких
размерах речек и основ.
Как промокашки, подорожники
на непросохших ранах Слов.
И в рукописи огорода
за красной, маковой строкой
опять коробится горохом
сожженный стих о нас с тобой.

А помнишь? Полдень дал в росточке,
и здесь же, здесь, шумя про ягоды,
жевали мы стручки, как строчки,
и зерна сладких слов проглатывали.
Лупились летом, ели ягоды
И звезды по лицу размазывали.

И мой блокнот, мой старый ябедник
бессонницы отцу рассказывал.
В Пост Слова превеликим грешником
я всасывался и вникал
в само решение орешника,
в самую наивность ивняка.

И почерк неказистый радовал,
душа рыдала и смеялась.
А слово словно с неба падало
и свечкой в кухне озарялось.
До одуренья, боли, вдосталь
утапывал строфы крыльцо.
Стихотворенье было просто
как около твое лицо.
Мне детство видится, как сказка, —
в которой и Ока, и ты.
В которой мог я опускаться
до сероглазой простоты!!!

ПИСЬМО С ПОДРОБНОСТЯМИ

Опять, березы,
                                опять уберегся,
ни летом, ни Светом не предан!
Земля — потаскуха в плохой одеженке,
и светлые мысли при этом.
Земля откровенна
от крови, от, верно, забытых не зря.
У скольких ты губ навсегда отгорела —
  Земля?!!!

Откликнись, аукнись,
                                приникни к окошку...
дай вволю тебя залюбить, заласкать,
болтают болота в зеленых кокошниках
что ты не со мной на руках,
                                не лукавь!
Вон там, где пруды, как плуты, где стада еще,
что толком не влезли в рассудок росы,
коробится некто, обжорством страдающий,
и носит свой нос черноречкам на сырь!
Я вижу! — Я — Вишня, я каждое деревце.
Я, видишь ли, хрипа его горизонт.
куда же он денется, куда же он денется,
когда я за ним как его колесо.

...За толстыми стенами, где столько не сделали
и не сочинили тепла,
жизнь ваша с паскудными сделками, стервами
довольно прилично текла.

Не плачьте. Я вижу вас:
вы выжраны так невежливо
и вылизаны до дна,
спрячьте язык, Невежество!
Трусость ваша жена.
Опять ей толстый зад нести
у сплетен по жару толковой,
сгораю я от зависти

по жене такой.

Изнемогаю, как яд, и мама не велит,
и просто колется,
покупаю у Вранья молодые кольца.
Ты ходи, ходи, каблук, выкаблучивай.
Ты внучат своих, каблук, бить выучивай.
Постучался каблук — Поэту капут!
Концы отдал перед Одой. —
Ах, каблук, мой горбунок
во крови малинной, эт!
кабы лишних пару ног,
замолили б целый Свет.
Не хочу осиротеть, самое главное,
стать серостью.
Вон, тот! Кажется, любит петь,
пойду, пройду по сердцу.
Что? Завыл окаянный!
А тебя о края бы, клеветы.

На губах окровавленных
мои песни повалены на цветы.
Эй, на том берегу
Страх, стыд-рөтозей
быть начеку, не пускать друзей.
Вот! Есть же хорошие люди.
Хочу быть хоть один раз подлецом.
Эй, домработница Груня,
чтой там на втором блюде,
и ктой там под венцом???

Грязь — хорошая вещь,
больше гадостей, точка.
— Вот и сом я, и лещ,
щука старая с почты. —
Чтобы день был наш светел,
не забудь купить в нашей булочной
пару свеженьких сплетен.

Что? Закрыта? А будущее???!
Федя! маленький,
Бери повкусней, да без крошек.
Побольше этих, как они называются, —
ложью.

Да, да... эти клейменные,
медовые, мятные — одноименные.
Ух, ох, угощу!
Говорят, кощунствую.
Ничего, придет он, это я как чувствую.
Или вот приглашу Сашу Поливина,
правда, ему туго платить за подарок
да за проезд.

Ну, да ничего, вот приедет,
так мы его, наливкою.
А потом и пряники — хоть поэт, а поест.
Обожаю таланты! Молодые, зеленые,
как апрель.
Ах, потом, потом ты сядешь на товарный,
а сначала ПЕЙ!!!
Хорошая вещь — водка с пивом,
Почитаешь еще стишки.
(...а когда придет голубушка-полночь)
я ножом тебе в спину, сволочь!
Что? Думаешь, заморозил?
У меня давно уже нет заварушки с совестью.
Я убил ее, сороконожку замороженную,
покрыл сольцей.
Вот так-то, братец.
Такие вот дела!
Кому-то надо и урезать, и резать,
кому-то намордники надевать,
кому-то пресность прессы.
Я вообще-то тихий человек,
Славный малый!
Ну что, что называют подлецом,
Зато мама, говорит мама —
красный цвет тебе к лицу,
пускаю кровь, да, да, приходится,
у меня ведь не мозги, а морг,
разные мысли водятся.
С разными знался.
Поэтов, слава Богу, хватало,

раз, приехав с севера,
подарил я тот ремень от чемодана
Е с е н и н у.

Он тогда вроде писал —

«...ты меня не любишь,

не жалеешь...»

и ворочался от боли белый сад, веришь?

А вообще мне страшно, помолчав:

— понимаешь, мне приснилось, мальчик,
молча шли за гробом палача
с калачом любви твои палачики.

Пьяно улыбаясь, шли по следу

и кричали у разбитых окон —

— БЕРЕГИТЕ, ПАЛАЧИ, ПОЭТА
КАК ЗЕНИЦУ ОКА!!! —

---

* * *

Сирень сыреет самосадом.
Махровая махра. Дым.
Тугие пальцы Мопассана,
мохнаты.
Тугие пальцы набивают сирень,
и, наливаясь, засыпают в семье.
Сирени снятся, дождь и май, осенний
заборик, скисший, как сукно кисета,
и полдень-пасынок, хромой мальчишка,
и подле глаз ее крамольны книжки.
Он потихоньку меня прогуливает,
он полегонечку сирень покуривает.
Сирень. Махровая махра.
Сирень! Что сделать ты смогла?
Как ночь, от карт и куртизанок
хозяин твой спешит на бисер
тех слов, что снова партизанят
у изголовья душных писем.

Из сборника
«Серый конь»

МОЛИТВА

Моя звезда, не тай, не тай,
Моя звезда — мы веселимся,
Моя звезда, не дай, не дай
Напиться или застрелиться.
Как хорошо, что мы вдвоем,
Как хорошо, что мы горбаты
Пред Богом, а перед царем
Как хорошо, что мы крылаты.
Нас скосят, но не за царя,
За чьи-то старые молебны,
Когда, ресницы опала,
За пазуху летит комета.
Моя звезда, не тай, не тай,
Не будь кометой той задета
Лишь потому, что сотню тайн
Хранят закаты и рассветы.
Мы под одною кофтой ждем
Нерукотворного причастья
И задыхаемся копьём,
Когда дожди идут не часто.
Моя звезда — моя глава,
Любовница, когда на плахе
Я знаю смертные рубахи

Крахмаленные рукава.
И все равно, и все равно,
Ад пережив тугими нервами,
Да здравствует твое вино,
Что льется в половине первого.
Да здравствуют твои глаза,
Твои цветы полупечальные,
Да здравствует слепой азарт
Смеяться счастьем за плечами.
Моя звезда, не тай, не тай.
Мы на шумели, как гостиница,
И если не напишем — Рай,
Нам это Богом не простится.

1965

НА ПОВОРОТЕ

Может, мне вниманье уделите,
Я для вас, что для Христа купель,
Сам закат багрово удивителен
На моей разодранной губе.
И, взбираясь выше новоявленным,
Где в морщинах выломали лаз,
Брови-ветви дарят вам по яблоку
Прошлогодних переспевших глаз.
Вот я весь, от корки и до корки,
Фонарем горит моя щека,
И меня читать, как чтить наколки
На спине остывшего ЧеКа.
Переплет сей ноженьками били мне,
Я сейчас валяюсь в чайной века
Самою правдивейшею библией
С запахом и плотью человека.
А во мне, заискивая с листьями,
Чертыхаясь на балах порочных,
Первые дожди над первой истиной.
Первый всхлип березовых пророчеств!

---

* * *

Когда глазами овдовею
И не снесу твою слезу,
Уйду к другой, как нож к оленю,
И как к Копернику поленья,
Пока вершится Божий Суд.
Ну что же медлишь ты, копуша,
Не бойся, не сорвешься вниз,
Я душу превратил в кормушку
Для очень одиноких птиц.
Ютись во мне, мое прозренье,
Щедрей кроши горбушку боли,
Она напомнит вам про землю,
А белым птицам и тем более.
Воистину приходит снег,
И пахнет ветром и крещеньем,
В твоей груди совсем ослеп
Заплаканный щенок прощенья.
О, несмышленный мой подкидыш,
Когда ты мать свою покинешь?
Давай с тобой к другой уйдем,
Ты так, а я поводырем,
Давай в сиреневые губы,
В глаза невидящие эти,

И богомазами под купол
Той белокаменной тоски.
Смеешься ты — «Вы не у тети,
Куда вы от меня уйдете?»
Прости меня, прости заику,
Что я с косою твоей заигрываю,
Смешные анекдоты гну,
А сам робею и тону.
Твоею вспугнутой душою
Клянутся лебеди за хатой,
Я чистоты твоей не стою,
Я зацелован и захаркан.
Уйду к другим губам и прорубям,
К другим на горе и на диво,
Любимым буду, буду проклятым,
Заплаканным или счастливым.
Ты даришь поцелуй спросонья,
И в этот миг, смахнув слезу,
Я даже на любовь способен,
А на стихи имею зуб!

ВЫСТРЕЛ

Остриженным апрельчиком не выстоял,
Поддакивая кляузам леска,
Я выслан, дорогая, словно выстрел,
В таежную провинцию виска.
Конвойные хрустели, словно пальчики
У тихого шлагбаума — курка:
«Уходят вот... зачем уходят мальчики,
Когда и так дорога коротка».
Потом хлебали чай из медных кружек,
Ругали стол и, щупая жильё,
Засовывали пулю в чью-то душу,
Как белку желтоглазую — живьем.
Я — выстрел. На меня сегодня клюнули.
Я вижу сам за мертвою опушкою,
Как сладко зарастает черной клюквою
Заснеженный сюртук слепого Пушкина.
А дальше там... где мазанки и лебеди,
Где я платочком беленьким машу,
Конечно, лето, и, конечно, Лермонтова
Я навещаю под горой Машук.
Я славный парень — дымоглазый выстрел
В рубаше красной с русского плеча,
Я столько милых по России выстриг,

Что даже стыдно новеньких встречать.
Ну, а придет в Москву апрель пристыженный,
Рябую морду к ветру приколотит,
Я подарю себя тому остриженному,
Которого зовут — Володя.
И после всех себя немного балуя,
Вняв всем молитвам... и сестре, и брату,
Усну я тихо на плече Губанова
И, может, пропущу его по благу.

---

* * *

О Матерь Божия, помолись
о здравии Михаила,
Этот подпоручик маху дал.
Как бы ты его ни хулила и ни хвалила,
На одной бы пуле он не похудал.
Похудел бы он, надел китель рваный,
Натошак обжегся бы моим пуншем,
И летали бабочки по чужим ранам,
И ходил бы в гости седой Пушкин.
На губной гармошке сыграл бы Моцарт,
Отрубили голову кому-нибудь другому,
И лежали б трупы по азбуке Морзе,
И Сальери — пуделем был под рукою.

---

* * *

Я — та окраина, где вы
Седые головы снимали
И ничего не понимали.
Я — та окраина, где был
Снег и крестьянка головы
Не поднимала к векам Сталина.
Я — та, которая оставила
Рисунки права и молвы.
Я — та окраина, где вы
Не усмехались, фарисеи,
Где Слава Божия, увы,
Покачивалась, как Есенин.
Где подходила туча дел,
Где нам кадила проститутка.
Где я на ржавый нож глядел.
Я — та окраина, где жутко.

---

* * *

Сегодня и завтра — волóс рыжéй,
Лампада, платок, Шуберт.
Сегодня и завтра чужой душе
В промокшей сидеть шубе.
Сегодня и завтра кольцом на лбу
Горит золотое — чу.
Сегодня и завтра лежать в гробу
И слушать твою свечу.

— ● —

---

* * *

Сколько б в грудь свою гвоздей ни забивал,
Сколько б грусть свою вином ни запивал,
Не поправлю, не поправлю облака,
И, по правде, лучше пудру парика
Мне на голову остывшую надеть
И увидеть под дешевым небом — смерть.

Ереван, апрель 1969

---

* * *

Я останусь сам собой,
Да... во что бы то ни стало,
Пусть откроет ваша боль
Фиолетовые ставни.
Я останусь сам — себе,
Одинокий куст сирени,
И не страшен мне репей,
И смешны мне чьи-то перья.
Меня брови берегут,
Я ресницами кочую,
Сердце просит перекур —
Голубую блажь почуяв.
Не волнуйтесь, мои губы,
Не тревожьтесь, мои флейты,
Ведь любая пропасть — убыль,
Ну, а горы пахнут смертью.

—●—

---

* * *

Я здесь один, я здесь один,
Я заворóжен, нелюдим,
Принцесс золоти́ких дым,
Я здесь один, я здесь один.
Меня от почерка знобит,
Любимой женщи́ной забыт,
Холодный дом письмом забить
И гнезда вить, и в звездах пить.
У грусти воскресенья нет,
О, дай вам Бог великих бед,
О, дай вам Бог великих благ,
Веселых крох... случайных плах.
Но рюмки падают из рук,
Цветы пеняют на разлуку,
И снова нет прохода злу,
И ревность лоша́дью по кругу.
И дыбом волосы... чалма
Описывает всех чума́зных,
Заря, как Золушка, черна,
Судьба — как запове́дь чулана.
Натянет черные чулки
Моя печальная обида,
Я здесь один, ты мне черкни,
Какие корабли разбиты.

Ереван, 1969

НЕОЖИДАННАЯ АКВАРЕЛЬ БОРИСОВУ-МУСАТОВУ

Ты наденешь платье темное,
как стрелецкие казни,
Подает нам завтрак старинный актер,
Мимо, мимо, мимо акварельский праздник,
В синей шляпе шляется желтый ноктюرن.
Отпустить бы вечер в плен конокрадам,
Голубые свечи зажечь над лицом,
Постучаться в ставни распятого брата,
Угостить надежду зеленым винцом.
Проскользнет котенок за дамою пик,
Кипу новостей принесет гроза,
И в лиловом платье лиловый старик
Выкинет на память четыре туза.
Отряхнусь от ужаса, от страха и сплетен,
Подойду к Марине, как к окнам слюда,
Ты ответишь тихо — старик перед смертью
В этой самой комнате прелестно гадал.
И окатит правда холодной водою,
Побегут мурашки — незримые муравьи,
Ты наденешь платье, ты скажешь святое —
Нищий принц намылился в короли.

Это просто лето, это просто загород,
Зацелован я, залапан я предчувствием:
Ах, старик, старик, не хватайся за голову,
И четыре туза бывают с причудами.

15 апреля 1969

ЖЕЛАНИЕ

От легкой жизни мы сошли с ума:
С утра вино, а вечером похмелье.

О. Э. Мандельштам

Пригласить бы на завтрак Фауста,
Где салфетки и пыльных рюмок вздор,
Положить бы на рожу паруса
Дальних стран золотое юнкерство.
Застегнуться до понедельника
Рукомойником с молоком,
И вишневое поведение
Лихо выпрямить молотком.
Перейти бы границу— грусти
И попасть бы в страну — желание,
Где турецкой серьгой гуся
Вышивают свое свидание.
Пережечь бы мосты у гения,
К Пасхе елочку нарядить,
Завещание в день рождения
На заборчики налепить.
Сахар свой за окно поставить,
В сковородку налить вина
И серебряными крестами
Вызвать медного колдуна.

В школу наглости не опаздывать,
Все цветы голубям крошить,
Бегать тропочками опасными,
Драгоценным не дорожить.
А когда с головой тяжелой
Анекдот разогнет педали,
Отнести себя в дом к чужому
И всю ночь играть на гитаре.
А наутро напиться неба,
Пойти в церковь лиловым берегом,
И как будто тебя и не было:
То, что черное, стало беленьким.
По дороге свирель мучать,
Синий щавель в тиши лопать.
Скинуть карты и сбросить тучи
Как шестерки, на туз — грома.
И когда разойдутся по небу
Наши мысли медленной медью,
С черноглазой дикаркой в погребе
Твои кольца я буду мерять!

Армения, 17 апреля 1969

---

* * *

Зеленые чернила глаз
И красные чернила губ,
Очаровательный приказ
Прийти на безымянный луг.
На подбородок положить
Ромашку белой головой
И волосы не ворошить,
Ведь станут волосы — травой.
Кукушка столько пропоет,
Сколь хочет осень, хочет Бог.
Перед глазами проплывет
Воспоминаний дивный мох,
Но в шлеме будущего дня,
В кольчуге ласковых утех
Пусть вспомнит слава про меня,
Как плач припоминает смех.

—●—

---

* * *

Я пью серебряную речь
И слушаю старинный почерк,
Хрустящие страницы встреч
Мне свадьбу раннюю пророчат.
Еще не брезгает парча
На плечи броситься худые,
Еще не требуют врача
Мои седые запятые.
Еще не вырос тот поэт,
Который бы сыграл на флейте
Мотивы всех моих побед
У белой ведьмы в кабинете.
Зовет могильная плита...
Не клянутся дела с любимой...
Фужер, похожий на кита,
Наполни спиртом и рябиной.
На вашей даче крепко спят,
На чердаке у сердца спорят —
Чья смерть меня беспокоит
И что венки наговорят?
На кладбище души ищу
Могилу неизвестной дамы...
Что похоронена не даром
И со словами — отомщу!

---

* * *

А если вам последней проповедью
Уставший галстук Мандельштама,
А если вам сапог над прорубью,
Где Гришкина судьба дышала,
А если вам последней исповедью
Картавая печаль пророка —
То значит жизнь ушла за выстрелом,
А тишина в кармане Бога,
А я за медные копейки
Морозным утром буду петь,
Чтоб в голубом шарфе Коперника
На черной славе околеть.
И мне не нужно инквизиции,
Когда и так на Страшный Суд
Стихи с растерзанными лицами
Предсмертный крик мой отнесут!

—●—

---

* * *

Любви последней тихий ужас,
Не муж я там, а званный гость,
И с каждым днем, как листья, кружит
Нас обжигающая злость.
В моем стакане кровь и пепел,
И на затылке кличка — вор.
Но по ножу гуляет лебедь,
По топору сучает бор.
Перебинтованною водкой
Стоит бутылка молока,
И серыми глазами волка
Пугает ангел в облаках.
Меня не трогает облава,
Отчизны красные флажки,
Я понял, что такое слава,
А слава — это только слово — жги.
Ну в общем, это — воскресенье,
Где в кандалах ведут тоску!
И это Гоголя презренье,
Есенина слепой разгул.

---

* * *

Наша жизнь испугана этим небом,
Это небо испугано нашей жизнью,
Хорошо быть памятником с железными
нервами,
Плохо человеку с мягкими жилами.
Падают, падают мертвые листья,
Ничего нет слаще траурной лести,
Вам бы на прощание Агату Кристи,
Мне бы на прощание агатовый крестик.
Вот и все... помилуйте офицера,
И семь пятниц страсти, и белый китель,
Взвод переживаний мимо церкви,
Батальон царапин — мимо... спите!
Я не угадал ни имени, ни камня
Родового вашего кровавого страха,
Снова ты ко мне жадными руками,
Словно органист к молитвам Баха.
Притворился... умер я... ты не смейся,
Вот уже на цыпочках привстал ненависть,
Чтобы посмотреть — какая грусть по Цельсию,
Для таких, как я, одно лишь это небо есть.
Все цыганки маются за оврагами,
Черный бор храпит... Надежда каркает,

Сколько бы на озере ивы ни плакали,
Все волной покроется... фальшивыми картами.
Вся душа потрескалась... отчаянно высохла,
Но мою ладонь помнит вся Ладога,
В стеганом халате молния высекла
Только пару слов — «помнит» и «рада мне».
Почему так просто... сыграли бы Листа,
Испекли пирог — пролог воскрешения, —
Моя роль досталась другому артисту,
Больше не играть получил разрешение.
Как приятно стать нам самим собою,
Не лукавить больше ни в злости, ни в благости,
Наконец-то где-нибудь за собором
Погребем суфлера и выпьем на радостях!

ОСЕНЬ

Масло

Посв. В. Алейникову

Здравствуй, осень — нотный гроб,
Желтый дом моей печали,
Умер я — иди свечами,
Здравствуй, осень — новый грот.
Если гвозди есть у баб,
Пусть забьют, авось осият
Перестать ронять губами
То, что в вербах износили.
Этот вечер мне не брат,
Если даже в дом не принял,
Этот вечер мне не брать
За узду седого ливня.
Переставшие пленять
Перестраивают горе...
Дайте синего коня
На оранжевое поле!
Дайте небо головы
В изразцовые коленца,
Дайте капельку повить
Молодой осине сердца!
Умер я, сентябрь мой,
Ты возьми меня в обложку,
Под восторженной землей
Пусть горит мое окошко!

ОСЕНЬ
Акварель

В простоволосые дворы
Приходишь ты, слепая осень,
И зубоскалят топоры,
Что все поэты на износе,
Что спят полотна без крыльца
Квартиросъемщицами тени
И на субботе нет лица,
Когда читают понедельник.
О, Русь, монашенка, услышь —
Прошамкал благовест на радость,
И вяжут лебеди узлы,
Забыв про августину святость.
А за пощечиной плетня
Гудят колокола беды,
Все вишни пишут под меня,
И ты!

---

* * *

Не рекрут — так олово буйное льют.
Не век тут пусть баба в ромашках останется,
Проснувшись от камня, запрашивал пруд:
«Кого утопили... и с кем смех состарится?»
Все звали на ласку, а дали кваску,
Острил мой острог над такою печалью,
И два анекдота, напившись в лоскут,
С кривою улыбкой меня повстречали.
Я в желтом закате бреду по пятам
Упреков твоих и — поверьте, поверьте —
Я вижу могилу, где стынет плита
Надгробная глаз твоих... с датой смерти.
Кого-то мечтают понять и спасти,
Но губы забрать окровавленным маком.
Другая — ни Ада, ни Рая... прости,
Что с неба седьмого мы сняли рубаху!

— ● —

В ЭТОМ МИРЕ

В этом мире пахнет крышами,
Мертвецами, гарью с тополя,
И стоят деревья бывшие,
И царят лицом истоптанным.
В этом мире камень горбится,
Распрямяются в гробу,
В этом мире мне приходится
Пять шагов печальных губ!
В этом мире — грубом, временном —
Все сгорит, как в божьих срубях,
Покрестясь на лик приклеенный,
Нас, как вербу, к небу срубят.
В этом мире кто-то кается
И, в сентябрь глаза роняя,
Злым настройщиком купается
В недорезанном рояле.
Что он хочет — лебедь красный,
Белый колокол истомы?
Или маску, или Пасху?
Воскресение Христово!
Я хожу к промокшим девам
С грудью траурной резьбы,
Я кричу им — мажьте телом

Черный хлеб моей избы!
В этом мире участь певчего —
Только в сумерках локтей,
В этом мире красть мне нечего,
Кроме собственных затей.
Все светлее... все щекотнее
Из разбитых ртов корят,
Где вы, баба прошлогодняя,
Муза русая моя?!
В этом мире вам не латано
Платье-вечер, платье-путь...
Ваши пальцы пахнут ладаном,
Как одеть вас, как обуть?

Москва, 20 октября 1964

Я беру кривоногое лето коня,
Как горбушку беру, только кончится вздох.
Белый пруд твоих рук очень хочет меня,
Ну а вечер и Бог, ну а вечер и Бог?

Знаю я, что меня берегут на потом,
И в прихожих, где чахло целуются свечи,
Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которую не в чем.

Я стою посреди анекдотов и лас,
Только окрик слетит, только ревность
  притухнет,
Серый конь моих глаз, серый конь моих глаз,
Кто-то влюбится в вас и овес напридумает.

Только ты им не верь и не трогай с крыльца
В тихий, траурный дворик «люблю»,
Ведь на медные деньги чужого лица
Даже грусть я тебе не куплю.

Осыпаются руки, идут по домам,
Низкорослые песни поют,
Люди сходят с ума, люди сходят с ума,
но коней за собой не ведут.

Снова лес обо мне, называют купцом,
Говорит, что смешон и скуласт.
Но стоит как свеча над убитым лицом,
Серый конь, серый конь моих глаз.

Я беру кривоногое лето коня...
Как он плох, как он плох, как он плох,
Белый пруд твоих рук не желает понять...
Ну а Бог?

Ну а Бог?

Ну а Бог?

Осень 1964

СТИХОТВОРЕНИЕ О БРОШЕННОЙ ПОЭМЕ

Посвящается А. Галичу

Эта женщина недописана,
Эта женщина недолатана.
Этой женщине не до бисера,
А до губ моих — Ада адова...

Этой женщине только месяцы,
Да и то совсем непорочные.
Пусть слова ее не ременятся,
Не скрипят зубами молочными.

Вот сидит она, непричастная,
Непричесанная, ей без надобности.
И рука ее не при часиках,
И лицо ее не при радости.

Как ей хмурится, как ей горбится,
Непрочитанной, обездоленной.
Вся душа ее в белой горнице,
Ну, а горница недостроена.

Вот и все дела, мама-вишенка!
Вот такие вот, непригожие.
Почему она — просто лишенка.
Ни гостиная, ни прохожая?

Что мне делать с ней, отлюбившему,
Отходившему к бабам легкого?..
Подарить на грудь бусы лишние,
Навести румян неба летного?!

Ничего-то в ней не раскается,
Ничего-то в ней не разбудится,
Отвернет лицо, сгонит пальцы,
Незнакомо-страшно напудрится.

Я приеду к ней как-то пьяненьким,
Завалюсь во двор, стану окна бить,
А в моем пальто кулек пряников,
А потом еще что жевать и пить.

Выходи, скажу, девка подлая,
Говорить хочу все, что на сердце...
А она в ответ: «Ты не подлинный,
А ты вали к другой, а то хватится!»

И опять закат свитра черного,
И опять рассвет мира нового,
Синий снег да снег, только в чем-то мы
Виноваты все невинные.

Я иду домой, словно в озере
Карасем иду из мошны.
Сколько женщин мы к черту бросили —
Скольким сами мы не нужны!

Эта женщина с кожей тоненькой.
Этой женщине из изгнания
Будет гроб стоять в пятом томике
Неизвестного мне издания.

Я иду домой, не юлю.
Пять легавых я наколол.
Мир обидели — как юлу —
Завели... забыв на кого?

Москва, 11 ноября 1964

МОНОЛОГ АРЛЕКИНА ИЗ ПОЭМЫ «КОСТЬ»

Ах, какая пустая голова у грома,
Ах, какая мудрая голова у грима,
Но самая теплая — у моего грога,
А самая жаркая — у сигареты «Прима».
Ах, хорошо бы грянул гром,
Павела бы марафет моя последняя баба.
Я бы выпил теплую... закурил другую потом...
А свою безумную завернул в бархат,
А потом бы выгнал прилив и бабу,
Положил бы голову на топор...
У него, у топора, самая рябая,
Самая холодная голова, потом —
Опьянели бы вместе с этим щербатым,
Я бы хлопал его по деревянному сердцу.

Животом на солнце плавала баба,
И соски торчали алым перцем.
Была она мертвая и синяя,
Море было Черное и теплое.
В этой прекрасной... в этой веселой России
Хорошо живет нищим и вздернутым!

---

* * *

Вот шарик заколдованный... а вот
Все те же мысли старенького неба,
И тучных туч таинственный приплод,
И молнии — автографами нерва.

Слепой монах, малиновый кисель,
И снова чертом перечеркнут вексель,
По коему я должен бы висеть,
А я румян, да и чертовски весел.

Куда смотреть карандашам, когда
И библию я выучил по солнцу,
Я примеряю рифмы, словно кольца...
Чем меньше тень, тем царственной звезда!

ЛЮБИМОЙ ВМЕСТО ОПРАВДАНИЯ

Еще и губ не выносили,
Но кашляли в платок тайком.
Мы пол-России износили,
Колоколами отпоем.

Но наши тихие молебны,
Ареста сладкий перезвон,
Как мальчики, смеются нервы
И крутят желтый горизонт.

Креститесь долгими руками,
Пока подраненное — зря...
Пока нам весело на камне
С тревожным именем — земля!

Туда, где сад отпустит ногти,
Ступают белые кресты,
У каждой родины в блокноте
И поцелуи, и бинты.

О, позолоченная память
Над позвоночником коня.
Я — у собора под глазами,
Ты — под глазами у меня.

Жить так, оборванным Гаврошем,
И преисподню возлюбя,

Мы на любимых руки крошим,
Накладываем — на себя!

Но что нам делать до обедни,
Когда и парус не распят,
Когда, как долечки, отдельно —
По черным слободам казнят.

У бабушки моей зимы
Нашлись зеленые погоны.
По горло мне любовь страны,
До лампочки — ее погода.

Меня прошло совсем немного,
Ах, все равно я выйду — за —
Там начинают звезды трогать,
Там начинаются глаза!

Москва, 7 мая

Из сборника
«Преклонив
колени»

---

* * *

Я — патриарх, и мне позволено
В румяных соснах удавиться.
Такое небо опозорено,
И под созвездием волчицы

Цветут фиалки наших взглядов,
Где, убежав с черновика,
Опять несет стаканы с ядом
Все зачеркнувшая рука.

И кружевная рвань мелодий —
Все тот же вальс: «Люблю ли вас?»
Там, где мой крик одет по моде,
А по манжетам кровь лилась.

Одно и то же сердце билось
И разум хладно затихал,
Когда нам по морю ходилось,
Не воровалось, а хвалилось...
И шторм со славою играл.

---

* * *

Голова ль моя, головушка,
Губы — порох, медь — язык,
Вновь избитая молодушка
За моей слезой бежит.
Ходят вороны, покаркивают,
Ходят голуби, клюют,
Синяками, словно картами,
Мне на молодость сдают.
Где-нибудь на черной паперти
Под лукавый перезвон
Вы мою же Музу грабите,
Что готовит вам погром.
Не печальтесь, девки белые,
Не смущайтесь, мысли черные,
Скоро сердце переделает
Черновик Любви чертовой.
Восемь клякс поставит утро
Там, где подпись сатаны,
Ну а вам поможет пудра,
Если щеки солонь!

ГРУСТНАЯ ФРЕСКА

Посвящается А. Б.

Я не мечтаю о былом,
Мои воспоминанья — лом,
Но я себя на том ловлю,
Что до сих пор тебя люблю.
Все поросло таким быльем,
Что ни проехать, ни пройти,
Но за кровавое белье
В любой гостинице плати.
Я никогда вам не был — муж
И никогда вам не был — брат,
Я — покупатель мертвых душ,
Свою живую дал в заклад
За ваш один зеленый взгляд,
За ваш бессмертно-наглый смех,
Но понял вдруг, что это зря,
Что это — пыль, что это — снег,
Что это — дым за словом «дам»,
Что это — ты, но где-то — там.
И я клянусь надежде в том,
Что этот тон похож на стон.
Есть телефон, но он — палач,
Площадка лестничная — плаха,

Есть сорок восемь разных «дач»
В Москве под желтою рубахой.
Есть девяносто девять баб...
Они умоют, успокоят,
Есть, наконец, кривой Арбат,
Где от любой печали поят.
Есть сорок юношей лихих,
Знакомая луна в подвале.
Есть гениальные стихи,
Которые не продавали.

Но нет тебя... и нет тебя,
Как нацарапала Марина...
Меня графины теребят.
За мной ухаживают вина.
И водка — старая жена
Приходит в гости каждой ночью —
Узнать чужие имена
Необходимо ей заочно.
Я полонен великой бандой,
Но только гнев держу в ногах,
Где распечатывают карты
И весело звенит наган.
Но, понемножку успокоясь,
Я попрошу своих шутих,
Чтоб бросили тебя под поезд —
Железный все-таки «жених».
И черных слез не выдавая,
На тот откос приеду сам —
Лежишь и смотришь как живая,
Упрек бросая небесам.

Кори звезду иль не кори,
Любовник сдох, пора бы мужу
Дать телеграмму, что в крови
Нашли заплаканную Музу!

ПЬЯНАЯ ЦЕРКОВЬ

Я уже хожу по тому свету.
Знайте, знайте, что умер-то я по благу.
Над моей башкою порхает лето
Молодых безбожников алым матом.
Я хочу сегодня опять напиться
Вместе с Дьяволом там, за уютным
столиком,
Где вы грустно можете подавиться
Непутево-смешной моей историей.
Горбоносю жизнь свою в музее
Я искал под стеклом, но вдруг порезался
О чужие глаза глухой газели,
Что в кабак ушла с другим повесою.
Заколдованно ранен такой обидой —
Подмигнула молодость, не заметил.
Ах, и жизнь моя, как кусок отбитый
От того колокола, что бессмертен!..

ОБЪЯСНЕНИЕ В ОБИДЕ

Растаяли, а может быть, расстались,
Лицо — темница всех моих вопросов.
Сокровище, все острова состарились
И нерушимых клятв сожгли обозы.
Растаяли, а может быть, простились,
Остыли на земле простоволосой?
Каким же мы отчаяньем мостились?
Душа — темница всех моих вопросов.
Когда я нажимаю на перо,
Как будто на курок я нажимаю —
Снегурочкино счастье намело:
Расстрелянные годы оживают.
Как много крови, а потом воды —
Все утекло, но не подайте вида,
Я весь перебинтован, ну а ты,
Моя беда,

победа

и обида?!

Я знаю, что в кольчуге старых слов
Бессмысленен наш робкий поединок —
Шрам глубже стал, он превратился в ров
И сплетнями покрыт, как паутиной.

На дне его я видел ваш портрет,
Два-три письма, забытое колечко,
И разговор, которому сто лет:
«Простимся? — Нет!
Расстанемся? — Конечно!»
Я к вам уже навеки не приду,
А если и увижу, вздрогну тихо,
Как будто на могильную плиту,
Где фото есть, знакомое до крика.
Злорадно, как подвыпивший палач,
Шепну на ушко проходящей жертве:
«Не верьте мне, моя душа из жести,
И казнь была одной из неудач!»
Я уши от допросов залепил
Лиловым воском, головою бился —
Ведь я свою же бабу зарубил,
Попутал в темноте, видать, ошибся.
Мне кажется, мне кажется, с тех пор —
Проходит где-то рядом, в шарфик кутаясь,
Забыв тот окровавленный топор,
Моя свобода, а быть может — мудрость.
Растаяли... но мы с тобой не снег,
Скорее, мы стремительно упали,
Как две звезды, целуя все и всех
Своими раскаленными губами.
А кто-нибудь на нас смотрел в тиши,
Загадывая хрупкое желанье,
Чтоб только для его слепой души
Осталась ты хоть капельку — живая!

В жестокий век убийц, а не святых
Прости мне, ангел, мой угрюмый почерк.
Но мне милей увядшие цветы,
Как звезды те, что умирают ночью!

ЧЕРНАЯ БАБОЧКА

Ну что еще подарит нам вино?
Дешевые страдания маргаритки?!
Две сплетни, что горят на маргарине?
Сирень, что повернулась к нам спиной?!
Клянущая любовь на книжке записной —
ковчеге проституток из пивной.
Глаза мои не подрастут в слезах
и горло голубой ремень не стянет.
Ну что еще подарят небеса,
когда под небесами нас не станет?

ЭХО

Памяти М. И. Цветаевой

Есть ценности непреходящие,
Есть где-то руки нецелованные,
Есть любящие, но пропащие
Лишь потому, что разворованы.

Есть тихий риск и громкий выигрыш,
Царицы есть с испугом Золушки,
Есть мир, который ты не выгладишь, —
Он в перламутре, лжи и золоте.

Есть капитаны — поражения,
Крушения — учителя.
Разврат святого отрешенья
И святость разного зверья.

Есть спившиеся в мире трезвенники,
Непьющие — такая пьянь,
Есть нищие — дворцам наместники,
И есть блистающая рвань.

Есть правда, что с фальшивых матриц,
Есть ложь в слезах последней славы.
И сиротою Божья Матерь,
И Сатана в венке из лавры.

АВГУСТОВСКАЯ ФРЕСКА

А. Б.

И грустно так, и спать пора,
Но громко ходят доктора,
Крест-накрест ласточки летят,
Крест-накрест мельницы глядят.

В тумане сизого вранья
Лишь копны трепетной груди.
Голубоглазая моя,
Ты сероглазых не буди.

Хладеет стыд пунцовых щек,
И жизнь, как простынь, теребя,
Я понял, как я много сжег —
Крест-накрест небо без тебя!

ОТКРЫТКА АСЕ МУРАТОВОЙ

Я надену вечернее платье моего легкого почерка,
Посажу на голову белого голубя,
А потом отнесу на твою почту
Афоризмы своего разрезанного горла.

Я давно не волновался в каторжный свист.
И давно меня не мучит царская лесть.
На крапиве растянулся мой последний горнист.
И на теле у него всех царяпин не счесть.

Не пришел еще, наверное, прелестный срок —
Взять ромашку с его губ и открыть глаза...
Будет пить он и гулять, пока хочет Бог,
Пока гонят лошадей ко мне четыре туза.

Застегнусь ли я опять на алмазные пуговицы,
Буду водку с кем-то пить, дерзкий и мраморный,
Ничего я не хочу в вашей жуткой путанице —
Я давно уже не ранний, но все же раненый!..

---

* * *

Кони, кони, кони, кони:
Синяки секунд семьей.
Кормят,
          кормят,
                  кормят,
                          кормят
Желторотый гроб земель.
Все небесное за мной,
Грех с тобой и Бог с тобой...
Царство ли небесное?!
Цаплям неизвестное.

—●—

---

* * *

Не грусти обо мне на пятый день
И тревожных свечек у глаз не ставь,
Потому что мне и подняться лень,
Потому что лень мне судьбу листать,
Потому что будет нам и буфет,
И в антракте жизни — такой шальной,
Где острил каблук и стрелялся Фет —
Я в кредит помахивал головой!

ЖЕЛАНИЕ

Подарите меня тому камню,
Чтобы не он подо мной, а я под ним.
Но у камня глаза карие
И не в масть моим голубым.
Я лежал бы под ним, поругиваясь,
Что опять от Москвы и до Вытегры
Кто-то пальчиком водит по рукописям,
На которые кровь моя вытекла.
Кто-то грязными мямлит губами
Божью милость и царскую смелость...
Подарите меня тому камню —
Мне на нем загорать захотелось!..

ШУТОЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Я встретил вас, к чему скитаться,
Теперь мне ни за что не спиться,
Но жаль, что вам не восемнадцать,
И жаль, что мне еще не тридцать.
И эта истина простая
Вгоняет душу мою в жар —
Пока б вы тихо подрастали,
Я бы с Дантесом водку жрал.
Я знаю — может все случиться,
И буду я с другой в Раю,
Но в ставни сердца вопль стучится:
Я вас любил,

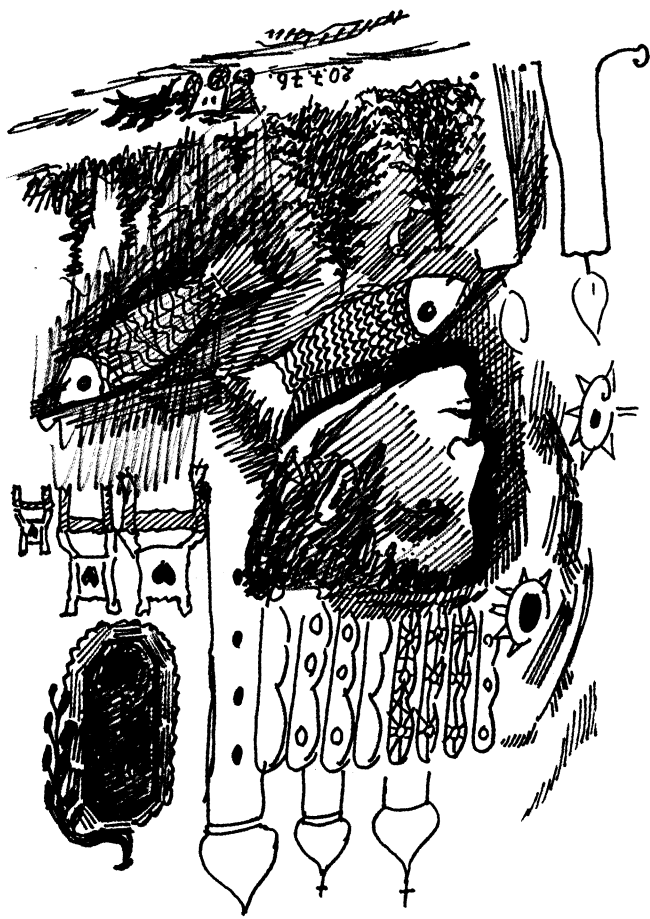
люблю,

люблю!

И если я помру, то знайте —
Что на есенинских лугах
Стоит мой памятник на карте
И прячет козыри... в рукав!

Из сборника
«Иконостас»

مصطفى
2023

ШЛЯПА ПОПРОШАЙКИ

Мне бы только лист и свет,
мне бы только свет и лист,
неба на семнадцать лет,
хлеба на полночный свист,
мыслей траурную рвань,
с рифмой роковую связь,
чтоб она, лесная лань,
по моим пятам плелась,
ножницы, чтоб розы стричь, —
о, лжецы наивных встреч! —
и тепло в той жизни личной,
которую беречь,
марку на седой конверт,
синий ящик в переулке,
где колотятся ко мне
письма теплые, как булки,
гневом выпрошенный йод
и под правым глазом шрам —
сатанинский переплет
всем божественным стихам.

А еще хочу снежок
неизвестной дамы в спину,
а еще хочу флажок
красный лишь наполовину.

Больше нечего желать,
я — домашнее задание,
обо мне переживать —
в августе брести садами.
Не взошел еще горнист
золотых моих ошибок,
мне бы только свет и лист,
свет и лист за сто улыбок,
но зевает чья-то тень,
и за пазухой ее
нашей славы лютый день
и кровавое белье.
Непонятым — не понять,
неустроенным — устроить,
и колокола звонят
от малиновых настоек.

Мне бы только лист и свет,
мне бы только свет и лист,
это мой насущный хлеб,
это мой насущный риск.
На растерянной земле
там, где певчим жить прохладно,
буду в бронзовой семье,
а поклонницы — охраной.
Ты за плечи грусть возьми —
не заплечных дел ведь мастер.
Я вернулся в мир казнить
всех, кто был фальшивой мастью!

ЭКСПРОМТ НА ПОДНОЖКЕ СОБСТВЕННОГО СПОКОЙСТВИЯ

Бог велел — был Верлен.
Бог болел — был Бодлер.
Бах настал — бух любой.
Я в кострах, как Рембо.
Я с тобой день и ночь.
Я с тобой ночь и день —
как синяк, как ретушь, —
получилась тень.

Прочь, прочь, прочь!
Выматывайтесь, да бодрей!
Сперва потресканный Бодлер,
В губной помаде и с колен
встает напудренный Верлен.
Пошатываясь, как прибор,
обиженно уйдет Рембо.
Все выпил, выпер и орган,
исчез, как сахар, Иоганн —
его, наверно, все простят —
иди по стенке, Себастьян!
Нет Верлена, нет Бодлера, — вздох,
нет Рембо и нету даже Баха.
Только есть

Бог

Бог

Бог.

И моя белая рубаха!

---

* * *

Все переплыл, все переплавил
и с красной нитью переплел,
от непонятных слов избавил,
а все понятные — извел,
истосковал, избыл, измерил,
и йод заката наутек
пустился, перепутав берег,
где я тебя всю жизнь берег.

Но после всех волхвов и порок
от ржавых ножниц горьких губ
ты убежала с книжных полок
понюхать порох там, где люб
твой властелин или властитель
в кольчуге всех скандальных лет.
О, муза милая, простите,
ведь там, где кровь, лучился свет.

Истосковал, избыл, измерил...
ты по стеклу босой пошла,
с улыбкой открывались двери
вплоть до небесного посла.
А после, сиротою, разве
испытывала гнев и боль,

ведь останавливали казни,
чтобы послушать голос твой.
И выше был костер и ветер
трепался с Сатаной в ночи.
И шепот был в народе — ведьма!
Святая — пели палачи!..

---

* * *

Кого украдкой расскажу?
Кого помилую внезапно?
По шумным улицам брожу
визитной карточкою в завтра.
Нет ни двора и ни кола,
но всё равно счастливой тенью
звоню во все колокола
растерянному поколенью.
Я знаю — это ни к чему,
но как в пустыне вопиющий,
из всех святых скрутив чалму,
век пьяный гонит век непьющий.
Дракон приветствует распад,
а что любить? К чему стремиться?!
Когда звезда уходит спать,
спать... чтобы с горя не напиться.
Ее каморка так темна,
что и найти довольно сложно.
Ведет нас рюмочка вина,
дрожит, оправдываясь слезно.
Я за нее в тиши молюсь
и за нее в ночи сверкаю.
А подо мною пляшет Русь
и плачет вот уже веками!

---

* * *

Была б жива Цветаева,
пошел бы в ноги кланяться,
пускай она седая
и в самом старом платье.
С собой взял водку белую
и пару вкусных шницелей,
присел бы зорким беркутом —
знакомиться?! мириться ли?!

Пускай была бы грустная,
а скатерть даже грязная,
но только б слышать с уст ее
то — розовое, разное.
Но только б видеть глаз ее
фиалковые тени
и чудо челки ласковой
и чокнуться в колени.

Жила на свете меточка
курсисточкой красивой,
в бумажном платье девочка
петлю с собой носила.
Писала свитки целые,
курила трубку черную,

любила спать за церковью,
ходить в пацанских чеботах.

И доигралась, алая,
и потеряла голову.
одно лишь слово балуя,
ты засыпала голая.
Один лишь стол в любовниках,
одна лишь ночь в избранницах.
Ах, от тебя садовнику
навек не избавиться!

Небесному — небесное,
земному лишь земное,
и ты летишь над бездною
счастливейшей звездой.
Все поняла — отвергнула,
поцеловала — ахнула,
ну а теперь ответа жди
от золотого ангела.

Пусть сыну честь — гранатою,
а мужу слава — пулей,
зато тебя с солдатами
одеи и обули.
Ни милости, ни благости —
божественная ягода,
ты удавилась в августе
над табуреткой Дьявола.

И ничего не вспомнила,
перекрестилась толечко.
Налей стаканы полные,

заешь все лунной корочкой.
Здоровье пью рабы твоей,
заложницы у вечности,
над тайнами разрытыми
страстями подвенечными.

Какое это яблоко
по счету, своевольное?
Промокшая Елабуга,
печаль моя запойная.
Была б жива Цветаева,
пришел бы в ноги кланяться,
за то, что не святая,
а лишь Страстная Пятница.

И грустная, и грешная,
и горькая, и сладкая,
сестрица моя нежная,
сестрица моя славная.
Дай Бог в аду не горбиться,
седые патлы путая,
малиновая горлица,
серебряного утра!..

ПЕРВАЯ КЛЯТВА

И буду я работать, пока горб
не наживу да и не почернею.
И буду я работать, пока горд,
что ничего на свете не имею.
Ни пухлой той подушки мерзкой лжи,
ни жадности плясать у вас на теле,
ни доброты — похваливать режим,
где хорошо лишь одному злодею.
Ни подлости — друзей оклеветать,
ни трусости — лишь одному разбиться,
ни сладости — по-бабьи лопотать,
когда приказ стреляться и молиться.

И буду я работать, словно вол,
чтоб все сложить и сжечь, что не имею.
И как сто тысяч всех Савонарол
кричу — огня, огня сюда немедленно!
В плаще, подбитом пылью и золой,
пойду лохматый, нищий, неумытый
по пепелищам родины другой,
как тот веселый одинокий мытарь.

И буду я работать, пока гор
не сдвину этих трупов, что зловонят,

и буду я в заботах, как собор,
пока все человечество зло водит
за ручку, как ребенка, и шутя
знакомую дает ему конфету —
ах, Бога нет, прелестное дитя,
и Бога нам придумали поэты.

Но есть, есть Страшный Суд, и он не ждет,
не тот, который у Буонаротти.
а тот, что и при жизни кровь с вас пьет,
по щечкам узнает вас при народе.
Ах, что вам стыд, немного покраснел,
но кровоизлияние — не праздник.
Да, на врачей вам хватит при казне,
как вам хватило дров при нашей казни.

Но буду я работать, пока гол,
чтоб с царского плеча сорвать мне шубу,
когда уже зачитан приговор
и улыбается топор не в шутку.
Но буду я работать до тех пор.
пока с сердец не сброшу зло и плесень.
Ах, скоро, скоро вас разбудит горн
моих зловещих, беспощадных песен!..

ПАСТЕЛЬ ДЛЯ СОБСТВЕННОГО СЫНА

Смерть! где твое жало?
ад! где твоя победа?

Осия 13, 14.

Сын — моя прелесть,
жаль, что не встретились.
Сын — моя жалость,
что помешалось?
Сын — мое тело, сплю,
видеть бы тень твою.

Ты лихорадится,
сын, лиха разница,
мама не ранится,
незачем раниться.
Переглянулись? Нет!
В петли согнули след,
сын сплюнь арест лицу,
наперерез отцу
или назло рукам
будь поставщик лугам.

В мире ни груш, ни крыш
там, где лежишь и спишь.
В мире ни стук, ни град
там, где земле не рад.

В мире ни плед, ни плит,
там, где совсем зарыт,
но не забыт, а наоборот весна.

В мире ни рук, ни мак
там, где перу — кулак
кажешь...

В мире, где мимо бед,
В мире, где мира нет!..
А вдруг...

Если сын — то каток, да смех,
Если сын — то потом, до всех,
Если сын — покупай щенка,
проскулит нам его щека.

Если сын — то будите в шесть
и гоните из дома в семь.
Если сын — значит, ждите мести,
если сын — раздевайте всем.

Если сын — значит, в полночь стук,
если сын — значит, помощь сук,
если сын — значит, ровно в пять
белый-белый склероз ремня.

Значит, в школе с ним мел молчит,
все карманы без мелочи.
Если сын — значит, проще бал,
если сын — значит, в рошу — баб.

Первой женщиной для сына — улица.
Второй женщиной для сына — лестница.
Третья женщина для сына пудрится,
а четвертая молчит да крестится.

Если улица не любит лестницы,
дура-лестница не любит улицы.
Их царапает обеих та, что крестится,
а смеется надо всеми та, что пудрится.

Господи! Зачем ты послал сыну таких женщин?!

Будет первая любовь у сына — вольности,
а вторая — чтоб его одного слушали.
И при первой — поцелуй — поправить волосы,
а при второй — поговорить ногами с лужею.

А при третьей — запросить о смерти бабушки,
чтобы к ночи завалить и дернуть кольца,
а четвертая, конечно, — баю-баюшки —
успокойся, успокойся, успокойся...

Господи! Зачем ты послал сыну такую любовь?!

Он оставит свое лицо на лестнице
и с безукоризненно красивой шеей
поднимается на четвертый этаж.

Она откроет ему дверь и скажет:

— Но что тебе надо?

— Дай что-нибудь на пиво, — скажет он.

— Но ведь все еще закрыто, — скажет она.

— Ах, не все ли равно... — скажет он.

Она пойдет по коридору в белых чулках,
белой кофте, белой юбке...

во всем белом, —

ах, это я обронил белила на улице Горького.

Цепи, цепи, а что потом?
Будет он ненавидеть дом,
признавать лишь чуму до снег,
выбирать по плечу ночлег.
В мире астр он и сам остряк,
первой аз он всегда в гостях,
ни швея он, ни шут, ни шах,
но всегда на правах ножа.

Будет он ненавидеть мать.
Педагог его мять.
(Семь копеек до тех калош,
будет он, как сентябрь, хорош).
Если небо подсохнет, он —
состоянье в подсолнух, звон.
Мама, шарфик надейся сшить,
будет он как на рельсах жить,
но не вянуть, поигрывать
над царями, поминками.
Кто-то встретит за лесом стон
и заплатит за беса в нем!

К этому времени — демонстрация волка.
Пес ждал лица и Конца Света,
но спокойно, как на телефонный звонок
графини,
выбегали семечки Замятина...
и, шелушась, орали: «Мы знаем, знаем!»
Они действительно всё знали,
потому что были детьми
и у них даже были морщины.

Некому! Смоется подпись провидца,
в зеркало смотрится самоубийство.

Как по ягоды-весы,
как по ягоды-весы,
как по ягоды-весы
на том свете ехал сын,
на том свете ехал сын,
на том свете ехал сын...

Эх

эх

эх

эх

Ох

ох

ох

ох

Не смех,

а грех —

дал Бог,

взял Бог!..

ВОСПОМИНАНИЕ

Напекло припевом
скулы у крыльца,
я — клинок при первом,
я — белок стрельца.

Намело бывалых
в шпорах да погонах.
Горсть монеток старых
на мою погоню.

Не водилось в доме
из-за баб давиться,
а рядилась в пояс
и вдова-вдовица.

А бывало, камнем
за перила бросит
взгляд румяно-карий,
взгляд — ломайся после.

За платком ли черным,
да за юбкой алой
станет ангел — чертом,
черт — ангелом.

И на руки белые
сядут кольца красные.

И не грудь, а пекло,
и не пекло — праздник!

И не праздник — Моцарт!
Реквием — правильно?
А она все — мой царь!
Царь мой маленький!

Сорок солнц скатилось,
сорок раз был август,
Сатане кадила,
эта баба, пакость.

Босиком ходила,
мужиков пробовала.
Стало тело — тиром,
стало тело проклятым.

И неужто челку мою
полюбила, сволочь!?
Я все ночи вычеркиваю...
еще ночь!

Слушай, ты мне в матери,
наверное, можешь...
Губы, что ли, спятели,
Боже мой... Боже!

Сохранил бы око
и сходил бы к знахарю,
что же ты не окаешь,
что же ты не ахаешь!?

Волосы мне путаешь,
губы мне мозолишь,

подбородок пудришь,
именами поишь.

А потом, как девочка,
а потом —
пришиваешь денежку
к моему пальто.

Грех мой самый первый,
грех мой самый сладкий,
вспоминай же пену,
пену на лопатках.

Запах йода, юга.
Спит в могиле, вешняя...
Где ты, моя юность
гениально-грешная?!

Где все звезды ваши
и мечты убитые?
Кто теперь донашивает
платье знаменитое?!

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ГРУСТИ

Моя тоска устала жить
за деревянной той скамейкой,
где крик веселый — Эй, налей-ка! —
и надо мелочь гоношить
в карманах порванных и клейких.
Тоска моя устала жать
уже безвыходные мысли,
вспотел я юность провожать,
упавшую в опавших листьях.
И по подвалам пьяных дев
считал, одной не досчитался —
с которою бы, грусть презрев,
веселым навсегда остался.
И друга тоже не нашел,
хоть было имя — легиона,
вот потому хожу с ножом,
печальный, как монах влюбленный.
Что трапезы?! Была бы кость
да хлеб спасающего взгляда,
да пара рюмок нам на гроздь
беременного винограда.
Да тишина полусвятой
любви — утраченной, единой,

где жалость головой седой
и молчалива, и невинна.
Так промотавшийся купец,
в ломбард закладывая перстни,
припоминает наконец,
что кончились цыганок песни.
Так золотушный, завитой
студент, что нищенством прославлен,
хранит в кармане золотой,
чтоб на него всю жизнь поставить.
Что ж, не горюй, пора к перу,
ведь золотая роща тоже
уступит место серебру,
а бархат рек — гусиной коже.
Морозы приберут к рукам
недавно пьяные березки.
Все реже, реже к зеркалам
подходят розовые ножки.
Где ручейки, которым Ад
не страшен был, — мертвы за храмом,
и даже грозный водопад
преобразился в грубый мрамор.
Где женщины, которым несть
числа бывало в наших спальнях?!
Все честь по чести... или весть,
что мужиков в подвалах спаивают.
Где хохотушки, что на ушки
любили вешать побрякушки?
Совсем ушли, совсем пропали,
над ними крест иль новый барин!

Где первые мои друзья,
с которыми в снежки когда-то...
Ответа нет, и мысль сия —
грусть неизвестного солдата.
Ну что ж, пора смириться нам.
Что ж, осень, значит, осень, — внове ль
спешить к заутрене в свой храм
и на бумагу брызнуть кровью?
Что ж, тишина, пора к перу —
на поле боя мертвых опись,
смертельно раненный, беру
один спасительный твой образ.
И муз заплаканных гоню
тропою горною к вершинам —
благодарить судьбу свою
что онеметь не разрешила,
не разрешила потушить
огонь мой славный, пламень пленный.
Моя тоска устала жить
и поронула сердцу вены.
Что кровь, которая без крова?
Что без хозяина ваш дом?
Пойми — вначале было Слово,
и тайна тайн моих — потом!..

ПОПУТНЫЙ ВИТРАЖ

Испуганные адреса.
Предчувствую, что телефон мой
звенит, как дикая оса
меж сочных трав вечнозеленых.

Он в паутине, он в пыли,
но мне звонят, звонят от скуки —
я на другом конце земли
к нему заламываю руки.

Бокал разбитый, пять гвоздик
у головы его клейменной,
а я уехал погостить
меж дивных трав вечнозеленых.

И, как слепой слепому, мы
не можем высказать все муки,
под ним семь километров тьмы,
а надо мною арфы звуки.

Под ним подземные моря,
погибшие навеки страны,
а у меня в ногах кальян
и два кило марихуаны.

Звенит, звенит мой телефон,
сегодня он опять в ударе,
а солнце греет мой балкон
и шнур висит на мне удавом!..

---

* * *

Без повеления любви,
без пожелания разлуки
лови холодные, в крови,
неокольцованные руки.
На плечи белые твои
без приглашенья, без молитвы
они торжественно легли,
как те кладбищенские плиты.
И стерты надписи на них,
и неизвестно, что под ними —
кто погребен, но на двоих
одно и то же всходит имя.

И вспоминается печаль
измен моих — тенет невольных.
В горячке мечется свеча,
все подсмотревшая, ей больно.
С одышкой топится камин,
а на душе, вы правы, — камень.
И я кричу себе: Аминь! —
а колокол мне — Каин! Каин!

С улыбкой страшною привстав,
любовь грозит уже из гроба,

и под материей в крестах
мне слышится — виновны оба!
Я рад назад, как пешеход
после аварии случайной,
но в сердце страх — какой же год
носиться с вами за плечами?

И бьется сердце палача,
то, что воспитано для водки,
в ночи — для лунного луча,
в лесу — для бархатной молодки.
Я снова узнаю себя,
пока топор не опустился.
Мне жаль — я с вами не простился,
зато ушел я, вас любя.

Без пожелания любви,
без повеления разлуки
под красной дудочкой зари
прошел я черные науки.
С невинным грешница лицом
и девственница с ликом грешным —
я приглашу вас на крыльцо
там, где разлука неизбежна.

Но, вас казнив, скрывая боль,
всю ночь я спрашиваю Бога —
ах, где ж он, где он, ангел мой?!
Мне плохо

плохо

плохо

плохо!..

---

* * *

Я с тихой мельницей дружу,
слов для тебя не нахожу,
но знаешь ты, что я неожиданный,
негаданный и первозданный.

Пойду пожалуйюсь ручью,
что ты ручная чересчур,
но мне ответит звон ручья,
что ты — ничья, ничья, ничья.

За что платить, зачем бродить?
Слов для тебя не находить...
Пусть скажет и тебе ручей,
что я — ничей, ничей, ничей.

Но вот настала наша ночь,
Настала ночь, и ты не плачь —
ничей, ничья... чем нам помочь?
Тем, что ты — жертва, я — палач!..

---

* * *

Я дам тебе сегодня голубей
и угощу тебя вишневым соком.
Но ты упряма, нет тебя верней —
звезде печальной и звезде далекой.

Откланиваясь бархатным плащом,
берешь ты шляпу в лебединых перьях
и тихо говоришь — что я прощен,
а я не верю, слышишь, я не верю!

Узорчатое красное окно
открыто, и два голубя сомкнулись,
и крылья их в веселое вино
моей зари невольно окунулись.

Как хорошо им в небе голубом
кружить и на лету лишь целоваться —
как две души, познавшие любовь, —
им ничего на свете не бояться.

Вот так же я, отвержен и угрюм,
глядел, как разбивали мне корону,
но все равно я прокричал — люблю! —
и сам поцеловал топор холодный.

Венец из лавра будет мне к лицу,
как красная рубаха злему кату.

A.G.
24.6.76.

Я дань несу Небесному Отцу —
свои стихи в серебряных окладах.

И рядом я не вижу никого,
кто бы принес еще хотя бы слово,
а ты — луч солнца в царстве вековом
моей души, где яблони и совы.

О, Муза! Полевые мы цветы,
кто пьет с нас, тому сладко, сладко,
сладко...

И в этот миг молитвою святых
у сердца зажигается лампадка!

---

* * *

Пять чувств, пять пальцев, пять утрат
и пять утрат, пять чувств, пять пальцев.
И снова хочется удрать
и ненависти скинуть панцирь.
И снова хочется зайти
в какой-нибудь оглохший тамбур,
курить и вспоминать в пути —
что наконец оставлен табор.
Что пусть другим цыганки врут,
что пусть другим девчонки плачут,
а мне бы строчки — пьяный кнут
по морде выхоленных прачек.
А мне бы кепку набекрень,
а мне бы на ночь стог лохматый,
чтоб утром встретить черный день
визитной карточкою мата.
Я убежал от этих рож,
где все прелестное дымится,
коптит, и сероглазый нож
мне в руки попадать боится.
Я убежал от этих губ,
как от гробов двух повапленных,
и, новоявлен, как Колумб,
Святую я открыл Елену.

Мне хорошо на островке
своей души неизмочаленной.
Как Бонапарт, я налегке
ношу лицо свое печальное.
И нараспашечку глаза,
в них — Божий Дар и удивление,
что я не все еще сказал
растерянному поколению,
что я не все еще пропел
двум ангелам с глазами юными, —
по горной тянутся тропе
стихи с ухмылками преступными, —
что я не все еще пропил —
трепещет, как осина, совесть,
и дождь, как миллион рапир, —
на записную книжку, то есть
на всех знакомых и друзей,
на дам, обычно незнакомых,
как будто бы на мой музей,
где столько всяких бестолковых.

Но я оправился, забыл,
шваль маскарадную сметая,
глагол своей святой судьбы,
где в кольцах Муза золотая.
Где ждет дворец или чердак —
нам все равно и все едино,
поэмы в розовых чулках
другие мне поставят вина.
Другую мне зажгут свечу,
и в упоении негласном

я буду гладить по плечу
ту строчку, что в сапожках красных.
Вот вам макет и вот модель,
мы неплохих девчонок взяли,
как нравится вам мой бордель,
где я властитель и хозяин!?
Как нравится вам белый бинт,
что накрутил на лоб заглавия?
Там проступает кровь молитв,
что мы не тех собой прославили.
Но, может быть, и эта рвань
всех медных слов угрюмо стоит?
Кто раздевает догола,
тот, как обычно, тихо стонет.

Пять чувств, пять пальцев, пять утрат,
ах, ничего, перезимуем.
У лебединого пера
лукавый профиль нарисуем.
Галлюцинация души.
И, захмелев в своем чулане,
ты скажешь: «Рифмы хороши,
а женщин — женщин я чураюсь!»

И, закоптелый, как монах,
остекленевший в келье слова,
ты тихо скажешь: «Тлен и прах,
всё суета сует», — и снова
откроешь библию свою
на той заветнейшей странице,
где я закованный пою:
«На небесах и да святится!..»

---

* * *

Посвящается Лие Бернес

Чертог моей тоски и ласки.
Везут охрипшую сирень.
За Мандельштамом на коляске —
моя троюродная тень.
Пьют клей разнузданные годы,
когда печалится почтамт
и до востребованья моды
в плаще разорванном — мечта.
На голубых висках каприза
две мысли, словно голубье.
Познав предательство твое,
они считают жемчуг ризы.
Спешит потрескавшийся люд
по долгожданным жалким склепам,
и, потянувшись, поддают
сии надсмотрщики света.
Желанный ворон к ним спешит,
ползет червяк, и гнида звонит.
Им на ночь глядя сплетни солят,
они — горчичники души.
Татуировок не считая
и шрамы в сердце не тая,

по всем неслыханным читальням
усмешка горбится моя.
Она трезва, как стрекоза,
и, как листовка, — нелегальна.
Ее зеленые глаза
уже не Авеля, а Каина!
Так дети шепотом — «шалаш»,
так плети клеткотом — «шалишь»,
так пьяный Пушкин — на шабаш
с кивком — у нас договоришь.
Он голубую шляпу мнет,
он голубую славу мнит,
он так нелепо красным врет,
а сам у белых все гостит.
Моя продрогшая рука
его пророчества не смажет,
он — черный Бог черновика
и крепостной небесных пашен.
Ему в его иконостас
я рад забить пять — восемь строчек
там, где цилиндр его как точка
и бакенбарды напоказ.
И если б дал Господь взглянуть
на толмача в подземном царстве,
я прошептал бы старику,
что Русь нуждается в лекарстве.
А о поэзии потом —
такая падаль арфы гробит,
что и не выручит потоп, —
пиявки не боятся крови.

Чертог моей тоски и ласки
и телеграммы без конца.
Я — проданная плоть Аляски,
я — золотой подшипник сказки
и бабье лето сорванца.

Увы! Любимая моя,
прощай! Грачи кричали... Занавес.
А пьесу в стиле сентября
показывать не стоит заново.

---

* * *

И вечности изменчивый поклон,
и вежливая ложь — не пить ни грамма,
и сорок тысяч сторбленных икон,
что в очереди по подвалам храма,
волнуясь, встали в трещинах, в пыли,
перебирая ризы, как платочек.
Ах, чтобы написать вам смысл земли,
мне не хватает лишь двенадцать точек
тех звезд блаженных, где душа моя
студит виски и с неподдельной грустью
к последней церкви шлет, боготворя,
слез неземных земное захоlustье.
Цепочкою юродивых мой почерк —
в железах буквы и в крови колена,
а на губах фиалковых пророчеств —
надменно угрожающая пена.
И вечности изменчивый поклон,
и то ли крышка, то ли просто фляжка
через плечо... и колокольный звон,
что одевает в белую рубашку!..

---

* * *

Я остался на всю жизнь красивым.
Это все равно, что крапивой или вечерней,
горько перевязанные керосином,
разбивали губы мои приключенья.

Засохшие речи потребовали мебель,
на которой выпалась Екатерина.
Ей-богу, бабы, нет времени,
надо мною тучи из пластилина.

Я свой дивный лоб закрою на челку,
чтобы не заглядывался телефон-автомат.
Пусть меня трамваи не подчеркивают,
не звенят колесами — Ата-ман!

Я ушел в неслыханно длинные ногти.
Приближаюсь к «паруснику», значит —
ноктюрн..

О, прилежный шепот: «Что с тобою,
плохо тебе? —
Заломивши руки, так бегут из тюрем.

Мне сегодня выпало четыре туза.
Я иду на площадь, я срываю галстук.
Целый день пускаю под откос — глаза,
да, я просто кнут, но не Гамсун...

Эта женщина за один звук моих ногтей
переменит танец ресниц и ошибок.

Кувшинки кончают самоубийством в воде,
а я кончаю самоубийством в кувшинках!..

ЗИМНЯЯ ПАСТОРАЛЬ

Ни веры, ни надежды, ни любви,
стеклянные свидания в пыли.
Лицо свое на зеркале возьми.
Казни меня, казни меня, казни.
Наверно, это в черных городах
с монетою и челка молода.
Наверное, но только не покой —
с того бы света я ушел к другой.
Ты знаешь, ты сегодня — береста.
Последнюю прическу перестань.
У гробика иконы убери.
Ни веры, ни надежды, ни любви!
Я на рассвете жуткого письма,
но утром, к четырем часам, весьма...
Я вспомню прорубь в трех верстах от глаз,
и эта проблядь мне не даст отказ.
Я завяжу на шее гордый шарф,
я попляшу, я поплюю на шар —
на шар земной, который груб и скуп,
где спят зимой и где весной умрут,
на шар земной, где у больных мука,
на шар земной, где у здоровых — мука
на шар земной, где мне твоя рука

напоминает уголок и уголь,
где спят, как жнут, перебегая ять,
где яда ждут, как ждут любимых мять,
где день и ночь в халате пьянь и лень,
где тень, как дочь, а если дочь — как тень,
картонный раб, и на ресницах тушь,
в конторах драк служивых десять душ,
в моментах птиц — еврейская печаль,
в конвертах лиц — плебейская печать.
Работай, князь! Дай Бог вам головы,
всё та же грязь — управы и халвы.
Надейся, раб, на трижды гретый суп,
оденься, наг, и жди свой Высший Суд.
Солите жен, дабы пришлись на вкус,
над платежом не размышлял Иисус.
Я наклонюсь над прорубью моей —
«О, будь ты проклят, камень из камней!..»
Где вечно подлость будет на коне,
а мы, как хворост, гибнем на огне.
Когда, земной передвигая ход,
разучатся смеяться и плошать,
я — то зерно, которое взойдет,
не хватит рук, чтобы меня пожать.
Ну а пока крепи меня, лепи.
Ах, как же тянет спать, да спать в гробу —
ни веры, ни надежды, ни любви —
я написал на белоснежном лбу!..

---

* * *

В обратный путь моих молитв
не сохранил я дружбы смеха,
и брови гордые мои
обсыпаны золой и снегом.
И на оранжевой груди
опять справляют новоселье
креста, который разбудил
лень анекдота и веселья.
Месть прошлогоднего пера
и лживые слова в гостинной
ты, как детей моих, вела —
так, как детей моих, прости мне.
Жаргон отбрасывает тень,
и фаворитки лепят танец,
седые девы деревень.
Со мной заигрывал румянец,
а кони мундштуком хрустят,
погони чую злые лица,
но и столетие спустя
вам обо мне, чернила, литься.

В архиве-погребке найдут
все виноградные стремленья,
и гипсовые пальцы тут
закрошатся от удивленья.

Куда поклонницы мои
намылят розовые платья?
В обратный путь моих молитв,
на дневники в крестах да мате?!
Целую ручки у ручья
и волосы у водопада,
когда готовится ничья
греха с заплаканной лампадой.

Прости, пушистая шпана,
измену от ножа к перу.
Прости, шипучая страна,
что я шипучих не беру.
За этот шрам, за этот смех,
за эту дьявольскую маску,
за этот хлам, что храм для всех,
пошли мне смерть и жизнь на Пасху!
Я узаконю черный гроб,
который скоро открывался,
где каждый раб и каждый клоп,
увидев мертвого, смеялся.

Иерусалим! Слепая речь,
слепая жизнь, слепая вера!
Но я оставлю тонкий меч
во всех посередине тела.
И тот, кто крови убежит,
мои желания напишет
на ребрах, где шуршат ножи,
всех, кто обманут и обижен.
Мой камень не попросит голову,
ухаживаю, как гроза.

И бабы, словно черви, голые
откроют голые глаза.

Прости, задумчивое слово,
прости, остывшая земля,
что молния живет без грома,
как одинокая змея!..

АКВАРЕЛЬ

Труби, победоносный рог,
и, непослушный, вейся, локон,
Пусть на уста снисходит Бог,
а на плечо садится сокол.
А мы с тобой еще в опале,
глаза в чернилах и грозе,
зато по кровавой росе
мы серые глаза купали.
Жгут и подвалы, и дворцы,
меняют парики народы,
и нищие идут в купцы,
как на фальшивые колоды
карт меченых, от слова — меч!
На королях лихие клейма.
Нас как по маслу гонит время
и шулера седая речь.
Я посох взял от слова — после
меня — потоп хоть, но гляди —
как выбитые стекла, козыри
звонят на мраморной груди.
Кудрявая печаль, как мальчик,
с улыбкой спустится ко мне,

жить до сих пор еще заманчиво
среди надгробий и камней.

Но в шляпе сплетничают перья,
и легкомысленная грязь,
в лукавых креслах развалясь,
диктует радость нам и пенье.

Я презираю нуль петли
и голубую двойку рельс,
но тут хитри и не хитри —
одно спасенье — рыжий лес
и соколиная охота,

и соколиная печаль,
и от жемчужного похода
хрусталь веселый на очах.

Я плачу? Нет, не плачу, рок,
твоя фатальная фата
подскажет, что царапнул Бог
для нас на царские врата.

На зацелованном приказе
я казни красоту постиг.

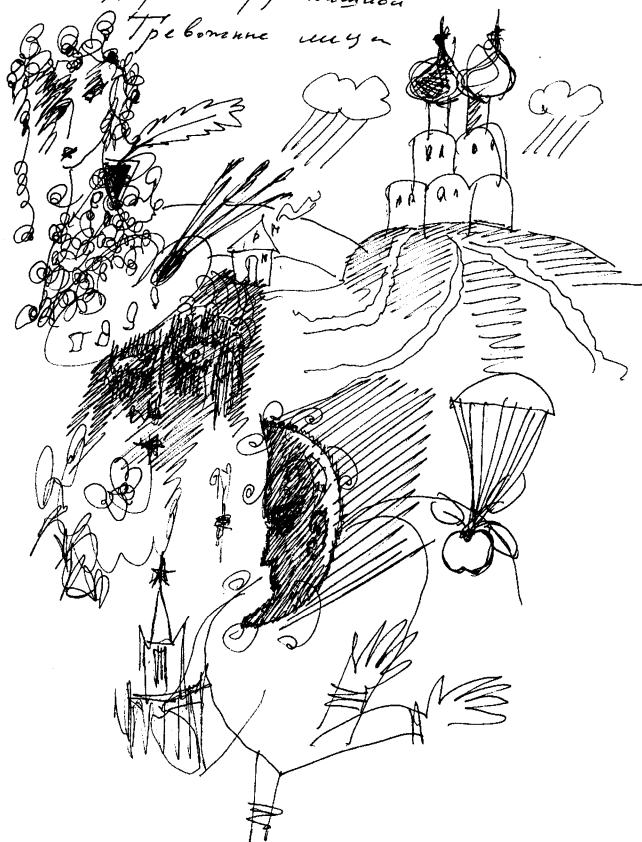
Останься, месяц, ты прекрасен,
а все прекрасное грустит
как песня русская, как небо,
когда середина сентября,
как ломоть брошенного хлеба
за казнь Небесного Царя!..

Из сборника
«Волчьи ягоды»

Чем пахнет граница,
Морой - рукопашной,
Тревожные муча

---

* * *

Опять заката киноварь —
пришло мне время колдовать,
пришло мне время сладко пить,
пришло мне время слезы лить,
пора бы руки наложить!

Но казнь бывает раз в году;
и смерть бывает не навек —
мне класть поклоны на ходу
черемух и слепых калек.
Мне каждый новый день встречать,
как будто ждать от вас пощечины,
вот так же белая свеча
одета у судьбы по-черному.
Вот так же юнга молодой,
увидя байроновы скалы,
закинет в море золотой
на темно-синий завтрак шквала.
Он на ногах не устоит,
и седина на губы ляжет,
когда взбунтуется гранит
отверженных насмешек ваших.
Но если этот мир картав,
я поправлять не собираюсь...

Пусть уничтожится в бинтах,
я плачу, я не улыбаюсь.
Мне дорог только вешний луг,
когда земля чуть-чуть дымитя,
но верная из всех наук —
наука — «что-нибудь случится...»
Но гвозди на ладони ждать
смешно для принца и паяца,
пришло мне время колдовать
и безнаказанно смеяться.
И как бы нас огонь ни жег,
и как бы Дьявол ни морозил,
я этой жизни эпилог
за сто рублей продам березе
и если камня не найду,
как Пушкин на Тверском не встану,
а похвалю свою звезду
на лбу Елоховского храма!

БЛАГОДАРЮ

В. Лашковой Посвящены

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

...Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

Сергей Есенин. Август 1925

Благодарю за то, что я сидел в тюрьме,
благодарю за то, что шлялся в желтом доме,
благодарю за то, что жил среди теней
и тени не мечтали о надгробье.

Благодарю за свет за пазухой иглы,
благодарю погост и продавщицу
за то, что я без паюсной икры
смогу еще полвека протащиться.

Благодарю за белизну костей,
благодарю за розовые снасти,
благодарю бессмертную постель,
благодарю бессмысленные страсти.

Благодарю за серые глаза,
благодарю любовницу и рюмку,
благодарю за то, что образа
баюкали твою любимую юбку.
Благодарю оранжевый живот
своей судьбы и хлеб ночного бреда.
Благодарю всех тех, кто не живет,
и тех, кто под землею будет предан.
Благодарю потерянных друзей
и хруст звезды, и неповиновенье.
Благодарю свой будущий музей,
благодарю последнее мгновенье!

ПАЛИТРА СКОРБИ

Я провел свою юность по сумасшедшим домам,
где меня не смогли удавить, разрубить пополам,
где меня не смогли удивить... ну, а значит, мадам,
я на мертвой бумаге живые слова не продам.

И не вылечит тень на горе, и не осветлит храм,
на пергамент старушечьих щек оплывает свеча...
Я не верю цветам, продающим себя, ни на грамм,
как не верят в пощаду холодные губы меча!

ОТКРЫТКА ВАМ НА ПАМЯТЬ

Знаю, я банален, как смертельно-раненый,
в вашем балагане для меня нет места,
души разворованы, все сердца украдены,
в сатанинских масках все мои невесты.
Неужели нужен мне лишь кусочек мяса,
чтобы согрел, называл по имени?
Ненавижу вас я, словно нищих касса,
теребят на свет только глазки синие.
Да, я выпил все — и вас, извините,
пропустил тройным одеколоном с ваточкой...
Не хотите ли купить тот вырезатель,
чтобы завладеть моей фотокарточкой?!

---

* * *

Мои губы — багряной улочкой,
да только ты на ней — еврейской лавочкой...
И стукачи сидят, дымят трубочкой,
и постовые свистят, свистят... ласточке.
А я покачиваюсь в проходных дворах,
на память окна бью, гитары щупаю...
А мне бы бронзою давным-давно пора
стоять на площади, на солнце щуриться!

В КОЛЬЧУГЕ ТРЕЗВОСТИ

Льву Рыжову

Не знаю я, что мне дороже:
слепая правда или ложь?
Но мне бы бархат Царской ложи,
но мне бы в руки — царский нож.

Я — самый главный угловой
и уголовник неба вечный,
где Бог счастливой головой
шакалит грусть судьбы беспечной.
В пивных ларьках надежды вышколены,
не продают нас, а меняют,
и птицы в небе пахнут вышками,
и крылья в смерти обвиняют.
Я снова жду отряд карательный
в душе разнузданной своей,
где лик Казанской Божьей Матери
и на знаменах — соловей.
Где белый стих не приземлится,
где черный стих не подведет,
где родина, как продавщица,
оценит голову вперед.
Наложит что, венок из лавра?

Или терновый даст венец?
Мне все равно, какая слава,
и все равно — какой конец.

Я только знаю — поздно, рано ли,
познав другую благодать,
я буду бронзовый и мраморный
под тихим солнышком стоять.
Другое знамя будет виться,
другие люди говорить,
и поумневшая столица
мои пророчества хвалить.
Погаснут вещие рубины,
дожди у ног моих кляня...
Простые горькие рябины
пускай цитируют меня.

Не треплет бронзовую челку,
душа не требует вина,
а за спиной портреты черта
дерет веселая шпана!

ЗОЛОТАЯ ФРЕСКА

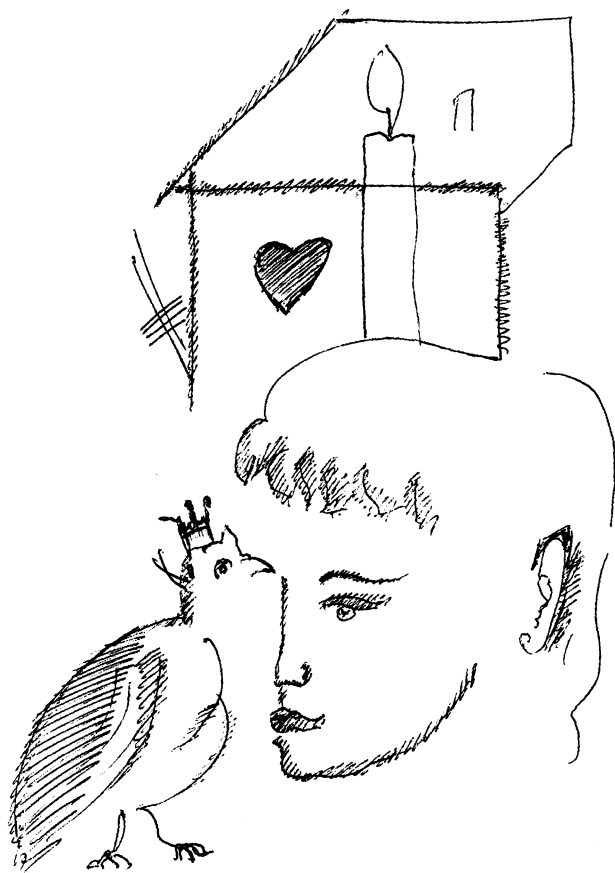
Вадиму Делоне

Проскрипело где-то имя
на обложке итальянской,
словно черный ноготь веры
и надежды сладкий приступ,
красный снег боится плакать
на чертог тоски и ласки,
в кандалах табак глотая,
ходят рифмы-декабристы.
Из морозного оконца
крик и хохот, запах танца,
на хрустящие червонцы
ветер сбрасывает пепел,
только бабы у колодца —
наглеца и оборванца,
сорванца и полководца
золотые песни лепят.
И подмигивает факел
в винном погребке удачи,
и румяные пастушки
губы пьяные дают,
и расстегивают шубы,
и берут ночлег впридачу,

и в серебряные чаши
                                молодую брагу лют.
О, страна — позубоскалить,
                                о, надежда — посмеяться,
за кордоном подозренья
                                слезы карие пролить,
топорами заласкали,
                                пригласили постреляться,
а мечтам, что повзрослее,
                                дали трубку докурить.
Белокаменное утро,
                                отпусти меня молиться,
батраками или пудрой
                                скрою гневное лицо,
колокольчик века мудрый,
                                бунтаря и ясновидца
я повешу двум победам
                                на похмельное крыльцо.
Сапогами поминая
                                рюмки всклянъ избитой сказки,
не карету я, а душу
                                скоро, скоро заложу,
где-то ждет меня пивная
                                в размышлениях о маске,
и красотка расписная
                                в юбке, словно парашют.
Скоро-скоро ваши двери
                                я открою, словно вены,
горько хлынет кровь пророчеств
                                по потресканной душе,
пейте, птицы, пейте, принцы,
                                пейте, бабочки и звери,

все, что было заколочено
и спало в карандаше.
Ржавый гвоздь в беседке плачет,
кость Христа любимых нянчит,
верба гнется и юлит.
То, что Бог однажды начал,
золотым ключом батрача,
дети дьявола свели.
Но и все же в брачный сумрак
топоров лихая сумма
с пачкой сумасшедших пил
нам подскажет пепел урны
в день твой светлый, в день твой судный,
кто любил, а кто рубил!
И сквозь зубы имя вора
по небесным коридорам
на коленках поползет,
словно сахар, спят соборы,
их без лишних разговоров
дьявол весело грызет.
Кто теперь тебя прославит
и набухшими устами
к новой жизни позовет?
Там, где истина простая
позолочена крестами,
как Завета переплет.
Неужели в мире нашем
только войн угрюмый кашель,
только лужи мерзкой лжи?
Вся вселенная в продаже,
дешевеет небо даже,
и в ломбард уходит жизнь.

Но гудит на этом месте
                    бесов траурная месса
и нечистых чистый хор...
                    И разыгрывают крести,
интриганы нашей чести,
                    дыма — едкий приговор.
Я таких забот не стоил,
                    я с Архангелами вздорил
и в веснушках состоял,
                    но проворное гнездовье —
падших ангелов раздолье —
                    сманивали кустаря.
Те, кто снова в дом игорный
                    принесли свои иконы
и страстей старинный мел,
                    будут загнаны, как кони,
и изрублены в законе
                    диким хохотом химер.
Ну, а я в прекрасном склепе,
                    ангел жизни, ангел смерти
буду пить свое вино...
                    Не заботится о хлебе,
царских глаз священный лебедь,
                    и ему разрешено —
в светлых душах появляться
                    и в пещерах поминаться,
и к соборам выходить,
                    в полночь к Богу подниматься.
за любую песню драться,
                    со святыми говорить!..

2.76r.

---

* * *

Наталье Полторацкой

Моя свеча, ну как тебе горится?
Вязанье пса на исповедь костей.
Пусть кровь покажет, где моя граница,
пусть кровь подскажет, где моя постель!
Моя свеча, ну как тебе теряется?
Не слезы это — это вишни карие,
и я словоохотлив, как терраса —
в цветные стекла жду цветные камни.
В саду прохладно, как в библиотеке,
в библиотеке сладко, как в саду...
И кодеин расплатится в аптеке,
как Троцкий в восемнадцатом году.

—●—

---

* * *

Жизнь — это наслаждение погоста,
грубый дом дыма,
где ласточка поседевшей головою бьется
в преисподней твоего мундира.
Жизнь — это потный лоб Микеланджело,
жизнь — это перевод с немецкого...
Сколько хрустала серебряные глаза нажили?
Сколько пощечин накопили щеки прелестные?
Я буду стреляться вторым, за наместником
сего монастыря... то есть тела,
когда твоя душа слезою занавесится,
а руки побелеют... белей мела.
Из всего прошлого века выбрали лишь меня,
из других — Разина струги, чифирь Пугачева.
Небо желает дать ремня,
небо — мой тулуп дорожный парчовый.
Раскаленный кусок золота, молодая поэтесса —
тоска,
четыре мужика за ведром водки...
Жизнь — это красная прорубь у виска
кареюю раздавленной кокотки.
Я не плачу, это наводнение в Венеции,
и на венских стульях моих ушей

лежит грандиозная Библия моего величия,
и теплые карандаши.
Темные карандаши всегда Богу по душе.
Богу по душе с каким-нибудь малым
по голубым распятиям моих вен,
где, словно Пушкин, кровь ругается матом
сквозь белое мясо всех моих белых поэм!

---

* * *

Захотела вора научить Богу молиться,
это не пройдет, как зимой — радуга,
кто-нибудь умоется, чтобы измениться,
радуйся!

Я живу на рельсах четвертый день,
поезда не спрашивают моего имени,
и мне с ними тоже разговаривать лень —
вылинял.

Я найду стакан, разбитый вдребезги,
выпью водки той, что в четвертой секции,
люди — лепестки, а я люблю верески,
а я люблю вырезки о собственном сердце.

Мне бы любоваться на свою тень
и носить цветы к своему памятнику,
а я живу на рельсах четвертый день —
пра-виль-но?

Ох, не надо пачкаться о столько морд,
даже разговор приносит честь...
А если человечество перейти вброд?!
Значит, с человечеством мне не есть?!

Есть такая партия, где сразу ничья
после двух или трех гениальных фигур...
Предлагаю рай, где проститутка — свеча,
предлагаю ад, где Ангел в снегу!

10.10.1970

МОЙ МАНИФЕСТ

В. Достоевскому

Если бы меня начали учить жить,
я послал бы к черту бархатную кровать —
от нее слишком пахнет одеколоном Шипр,
а конец простыни давно кровав.
Если бы меня начали учить жить,
я пошел бы по рельсам, прямо на поезд...
Это дети скрипят — жи... ши...
ну а я написал гениальную повесть.
Если бы меня начали учить жить,
я бы прыгнул в колодец, чтобы умыться,
рассмешил бы лягушек в такой тиши —
может, ваша шпаргалка им пригодится?
А по мне — вскрой вены, напиши соседке —
приходи, любимая, ко мне завтракать,
а ненужные бинты порви на салфетки
и, когда нальешь вина, не держись за руки...
А когда уже отлюбишь, отпляшешь как надо,
для любимой выбегай к самосвалу
и закинь ему в кузов кусок шоколада,
а шофера угости лихим самосадам.
Расскажи ему, младенцу, как надо жить,
лишь бы адрес не попутал — рыжий бес,

пусть сверлит к тому подъезду, где невесты шик,
где последний, как повеса, у окон лес.
Шоферня, как и шпана, народец свой...
Да и выпить не дурак, в кабине прям,
он-то видит сквозь стекло, где мед, где соль,
да и руль его давно, как сапожник, пьян.
Мы по спинам мостовых спешим к той тени,
что дурацкие советы нам дала,
ох, как звезды дребезжат к нам на колени,
и луна, наверно, нынче поддала.
Ох, и стала разносить Венер и с ними
тех хрустальных потаскух, что вечно сбоку.
Только с утренней звездой шепталось имя —
моего черновика, моего пророка.

В шатком кузове потрескивал шоколад,
в коммунальной кухне неба шел базар,
моя пьяная судьба догола
раздевалась где-то в Кунцеве, на глазах
всех любовниц, стукачей, поликлиник, бань,
почерневших кабаков и КГБ.
У нее ночной рубашкой вышла — брань:
«Что сказали вы — скажите себе!»
Темпераментною бабой оказалась судьба,
и когда горели свечи, мы посплетничали...
Нашептала мне на щеки, что любые гроба
я в тиши переживу, а меня наследники
понесут, крестясь на солнце левой рукой,
а за их спиной — фургон книг и икон...
и зловещий год — две тысячи тридцать второй.
Без меня, своими ножками, в церковь, бегом.

МОЙ МАНИФЕСТ

В. Достоевскому

Если бы меня начали учить жить,
я послал бы к черту бархатную кровать —
от нее слишком пахнет одеколоном Шипр,
а конец простыни давно кровав.
Если бы меня начали учить жить,
я пошел бы по рельсам, прямо на поезд...
Это дети скрипят — жи... ши...
ну а я написал гениальную повесть.
Если бы меня начали учить жить,
я бы прыгнул в колодец, чтобы умыться,
рассмешил бы лягушек в такой тиши —
может, ваша шпаргалка им пригодится?
А по мне — вскрой вены, напиши соседке —
приходи, любимая, ко мне завтракать,
а ненужные бинты порви на салфетки
и, когда нальешь вина, не держись за руки...
А когда уже отлюбишь, отпляшешь как надо,
для любимой выбегай к самосвалу
и закинь ему в кузов кусок шоколада,
а шофера угости лихим самосадам.
Расскажи ему, младенцу, как надо жить,
лишь бы адрес не попутал — рыжий бес,

пусть сверлит к тому подъезду, где невесты шик,
где последний, как повеса, у окон лес.
Шоферня, как и шпана, народец свой...
Да и выпить не дурак, в кабине прям,
он-то видит сквозь стекло, где мед, где соль,
да и руль его давно, как сапожник, пьян.
Мы по спинам мостовых спешим к той тени,
что дурацкие советы нам дала,
ох, как звезды дребезжат к нам на колени,
и луна, наверно, нынче поддала.
Ох, и стала разносить Венер и с ними
тех хрустальных потаскух, что вечно сбоку.
Только с утренней звездой шепталось имя —
моего черновика, моего пророка.

В шатком кузове потрескивал шоколад,
в коммунальной кухне неба шел базар,
моя пьяная судьба догола
раздевалась где-то в Кунцеве, на глазах
всех любовниц, стукачей, поликлиник, бань,
почерневших кабаков и КГБ.
У нее ночной рубашкой вышла — брань:
«Что сказали вы — скажите себе!»
Темпераментною бабой оказалась судьба,
и когда горели свечи, мы посплетничали...
Нашептала мне на щеки, что любые гроба
я в тиши переживу, а меня наследнички
понесут, крестясь на солнце левой рукой,
а за их спиной — фургон книг и икон...
и зловещий год — две тысячи тридцать второй.
Без меня, своими ножками, в церковь, бегом.

На земле-то отпоют, а в Аду отлают...
Журавлиным косяком пошлю телеграмму —
не учите меня жить, мне не надо Рая,
все написанные книги отдайте храму.

Ой, что будет тут твориться — и смех, и слезы,
десять тыщ колоколов поднимут голос,
потом руки упадут, опадут березы,
но нальется тайным золотом тайный колос!..

ЖДИТЕ

Наташе С.

Ждите палых колен,
ждите копать солдат
и крахмальных карет,
и опять баррикад,
ждите скорых цепей
по острогам шута,
ждите новых царей,
словно мясо со льда,
возвращение вспять,
ждите свой Аллилуй,
ждите желтую знать
и задумчивых пуль,
ждите струн или стыд
на похмельном пиру;
потому что просты
и охаять придут.
Потому что, налив
в ваши глотки вина,
я — стеклянный нарыв
на ливрее лгуна,
и меня не возьмет
ни серебряный рубль,

ни нашествие нот
ни развалины рук.
Я и сам музыкант,
ждите просто меня,
так, как ждет мужика
лоск и ржанье коня.
Не с мошною — так раб,
не с женою — так ладь,
ждите троицу баб,
смех березы ломать.
Никуда не сбежать,
если губы кричат,
ты навеки свежа,
как колдунья-свеча.
О, откуда мне знать
чудо, чарочка рек,
если волосы взять,
то светло на дворе!..

---

* * *

Стою у изголовья слова
и знаю, знаю — месяц слева,
и, право, слава ходит снова
тем, окровавленным же, следом.
Стою у изголовья славы
и знаю, знаю — месяц справа,
правы великие державы,
что только Русь меня держала.
Стою у собственного из-
головья, ни луны, ни месяца.
Жив! Вот еще один сюрприз,
чтобы до завтра не повеситься!..

—●—

НЕИЗВЕСТНОЕ

Елене Третьяковой

Сочините ему эту смуглую шаль,
офицеры... грему — чей? губами не шарь.
На богатых ногах умирает собор,
я бегу в балаган, и тюльпаны — с собой.
Вечер дивных Петлюр, вечер семечек, самочек...
Как настроить петлю? Мальчик сам учи, сам учи!
Семинарии спят, в семи армиях — жуть —
ведром черпают яд, бедром, черепом жмут.
Я живу впопыхах, как свеча в передней,
мои любовницы набухают, изменяют деревья.
Ты мне в брови колотишь, прелесть, тварь
перелетная,
я похож на колодец, что завален лишь мертвыми!..

ПЕТЕРБУРГ

Иосифу Бродскому

А если лошадь, то подковы,
что брызжат сырью и сиренью,
что рубят тишину под корень
непоправимо и серебряно.
Как будто Царское Село,
как будто снег промотан мартом,
еще лицо не рассвело,
но пахнет музыкой и матом.
Целуюсь с проходным двором,
справляю именины вора,
сшибаю мысли, как ворон
у губ с багрового забора.
Мой день страданием убелен
и под чужую грусть разделан,
я умилен, как Гумилев
за три минуты до расстрела.
О, как напрасно я прождал
пасхальный почерк телеграммы,
мой мозг струится, как Кронштадт,
а крови мало, слышишь, мама?
Откуда начинается грусть?
Орут стихи с какого бока,

когда всюду пылает Русь
и Бог гостит в усадьбе Блока?
Когда с дороги перед вишнями
ушедших лет, ослепших лет,
совсем сгорают передвижники,
и есть они, как будто нет!
Не попрошайка я, не нищенка,
прибитая злосчастной верой,
а Петербург, в котором сыщики
и под подушкой револьверы.
Мой первый выстрел не угадан,
и смерть напрасно ждет свиданья,
я заколдован, я укутан
санями золотой Цветаевой.
Марина! ты меня морила,
но я остался жив и цел,
а где твой белый офицер
с морошкой молодой молитвы?
Марина! Слышишь, звезды спят,
и не поцеловать досадно,
и марту храп до самых пят,
и ты, как храм, до слез до самых.
Марина! Ты опять не роздана,
ах, у эпох, как растерях, —
поэзия — всегда Морозова
до плахи и монастыря!
Ее преследует собака,
ее в тюрьме гноит тоска,
горит, как протопоп Аввакум,
бурли-бурлючая Москва.

А рядом, тихим звоном шаркая,
как будто бы из-за кулис,
снимают колокольни шапки,
приветствуя социализм!..

ЧЕТВЕРТОГО ЧИСЛА

...вишни, четвертый день,
и никоторый год.

Марина Цветаева

Откуда благодать
воскресного листа,
короной хлопотать —
не слезете с креста.
Четвертого числа
случится мой престол,
не пятками в леса,
а писарем за стол.
Сиреневый простор,
простыло, не люблю,
всем грушам лет по сто,
а платью по рублю.
Четвертое в ноту —
такое накрутил —
как по миру — по льду,
лишь крестик на груди.
Колодой на весах
молитвенник зимы,
четвертого числа
мы дети без сумы.

Мы — дети без надежд,
о, Господи, за зов
калитки нам нарежь
и подари засов.
Чтоб никакая блядь
за норов наш и прыть
не смела звезды мять
и стеклами стелить.
Мы — те еще грибы,
которых не собрать,
ах, лифчикам судьбы
не с молоком ли спать?!

Я знаю, что смешон,
что волосы в поту,
но елкой наряжен
который раз в году?!

Вам свечи мне нести
и рты не разевать,
когда придут — прости,
до майки раздевать.

Итак, твоих имен
седая резеда,
итак, любовь уйдем,
не надо ни следа.

Затылок ли чесать?
По лестницам грешить?

Четвертого числа
Повеситься... и жить!..

БАНДЕРОЛЬ СВЯЩЕННО ЛЮБИМОМУ

Александру Галичу

Молись, гусар, пока крылечко алое,
сверкай и пой на кляче вороной,
пока тебя седые девки балуют
и пьяный нож обходит стороной.
Молись, гусар, отныне или присно,
на табакерке сердце выводил,
и пусть тебя похлопает отчизна
святым прикладом по святой груди.
Молись, гусар, за бочками, бачками
на веер карт намечены дуэли,
да облака давно на вас начхали,
пока вы там дымили и дурели.
Молись, гусар! Я расскажу вам сказку,
когда курок на спесь не дарит спуску,
ведь ваша честь — разорванная маска,
где вместо глаз сверкает гной и мускул.
Молись, гусар! Уже кареты поданы.
Молись, гусар! Уже устали чваниться,
гарцуют кони, и на бабах проданных
любовь твоя загубленная кается.
Молись, гусар! Во имя прошлых девок,
во имя слова, что тобой оставлено,

и, может быть, твое шальное тело
в каких-нибудь губерниях состарится.
Молись, гусар, пока сады не поняли,
молись, гусар, пока стрельцы не лаются,
ведь где-нибудь подкрасит губы молния,
чтобы тебе при случае понравиться.
И только тень, и только пепел... пепел,
паленый пень, и лишь грачи судачат...
И только вздрогнет грязно-медный гребень..
А снявши голову, по волосам не плачут!..

ПЕРИСТЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Этой осенью голою,
где хотите, в лесу ли, в подвале,
разменяйте мне голову,
чтобы дорого так не давали.
И пробейте в спине мне,
как в копилке, глухое отверстие,
чтоб туда зазвенели
ваши взгляды... и взгляды

«ответственные».

За глаза покупаю
книжки самые длинные,
баба будет любая,
пару черных подкину ей.
За такси очень ласковое,
шефу с рожеею каменной
я с презрением выбрасываю
голубые да карие.
Ах, копилушка-спинушка,
Самобраная скатерть,
мне с серебряной выдержкой
лет на пять еще хватит.
За глаза ли зеленые
бью зеленые рюмки,

а на сердце влюбленные
все в слезах от разлуки.
Чтоб не сдохнуть мне с голоду,
еще раз повторяю —
разменяйте мне голову,
или зря потеряю!..

СОВСЕМ ВНЕЗАПНОЕ

Моя слава сидит у бровей на виду,
моя баба блядит, не болел бы на ту,
что всегда в кружевах, кружевах, кружевах...
Голова кружится... заживай, заживай, заживай.
Моя слава всегда об мне, обо мне,
плачу, плаваю, изменяю вдвойне,
двойня глаз твоих ошибается в нас,
больно... раз болит подбородочек фраз.
Что я думаю? Мельтешу... мельтешу,
только кума — яд, только ночь мятежу!
Что я делаю?! Разольем по одной
...самый левый! Или самый блатной.
Человечество! Вам бы виселиц

по-на-стро-ить!

Но повеситься я еще не настроен.
Человечество... Молодой да погожий,
мне вот нет лица, все на вербу похожий,
мну предания, сочиняю невест,
а при даме я — только шорох да крест...
Что за чушь в окне? То ли ты? То ли нет?!
Только чувствую, что не сгорбиться мне,
не уйти в багаж, не зазовет ломбард,
а ты мне кровь покажь, а ты мне кров лопат.

Око оком гни, осень бабушкой звать,
а мы с тобой одни, и нам одна кровать,
и одна беда, и одна плита,
а потом камин все равно один —
он и есть камин.

Слава... слава моя, приду, как
ни будь гордой, ни будь начитанной,
кто нам срежет лоб, кто придумает?!
Не двухспальный гроб, так начинку?
Только ходит одна, и к себе блины,
только колет дрова по чужим дворам...
Как мне стыдно с ней, я — серебряный,
а она на улице мне дала
губ черешню, кладь
запятых, точек —
ни черта не хочу знать.
Пусть она живет, как сама этого хочет!..

РУССКАЯ КЕРАМИКА

Есть где-то земля, и я не боюсь ее имени,
есть где-то тюльпаны с моей головой и
фамилией...

Есть где-то земля, пропитанная одышкой,
сестра киселя, а душа — голубеющей льдышкой.

Есть где-то земля, пропитанная слезами,
где избы горят, где черные мысли слезают
напиться воды, а им подают лишь печали,
есть где-то земля, пропитанная молчаньем.

Есть где-то земля, которую любят удары
и ржавые оспы, и грустные песни-удавы...
Есть где-то земля, которую любят пожары
и старые ритмы, и новые пьяные шмары.

Есть где-то земля, пропахшая иглом и потом,
всегда в синяках, царапинах и анекдотах.
На пьяную юбку она нашивает обиды,
и только на юге ее украшения разбиты.

Есть где-то земля, как швея, как голодная прачка,
день каждый ее — это камень во рту или взбучка.
Над нею смеются, когда поднимается качка,
цари не целуют ее потемневшую ручку.

Есть где-то земля, как Цветаева ранняя, в мочках,
горят пастухи, и разводят костер кавалеры.

Есть где-то земля, как вино в замерзающих бочках —
стучится вино головою, оно заболело!

Есть где-то земля, что любые предательства сносит,
любые грехи в самом сердце безумно прощает,
любые обиды и боли она переносит,
и смерти великих, как просеки — лес, ее навещают.

Есть где-то земля, и она одичала, привыкла,
чтоб лучших сынов застрелили, как будто бы в игры
играли, уволив лишь жалость, плохую актрису,
и передоушили поклонников всех за кулисами.

Есть где-то земля, что ушла в кулачок даже кашлем,
и плачет она, и смеется в кустах можжевельника.

Есть где-то земля с такою печалью — нет краше.
Нельзя так сказать, помилуйте, может, не верите?

Есть где-то земля, и я не боюсь ее имени,
есть где-то земля, и я не боюсь ее знамени,
последней любовницей в жизни моей, без фамилии,
она проскользнет, и кому-то настанет так завидно.

Есть где-то земля, и я не боюсь ее грусти,
от соли и перца бывает, однако, и сладко,
есть где-то земля, где меня рекламируют гуси,
летающие к богу на бледно-любую лампадку.

И я сохраню ее почерк волшебнo-хрустящий,
и я сохраню ее руки молочно-печальные,
на всех языках, с угольком посекундно гостящий,
я знаю, я знаю — одна ты меня напечатаешь.

Ах, все-тки люблю я церковный рисунок на ситце,
ах, все-тки люблю я грачей за седым кабаком,
приказано мне без тебя куковать и носиться
и лишь для тебя притворяться слепым дураком.

Ах, все-тки люблю я уютюг твой и вечные драки,
и вирши погладить давно бы пора бы, пора...
И с прелестью злой и вовсю нелюдимою собаки
лизнуть твои руки, как будто лицо топора!..

НА СМЕРТЬ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

А кладбище покрыто копотью,
и нет спасенья от копыт,
с окостеневшим криком — кто тебя?! —
тюльпаны лягут на гранит.
Мы треугольники вбиваем,
чтоб камень с камнем породнить,
мы даже смелыми бываем,
когда зовут похоронить.

В награду за подземный бой
он был освистан и оплеван,
тащилась первая любовь
в кровавой майке Гумилева.
Надежда выпрямиться вдруг
горбатою надеждой стала...
Над старым Лебединым станом
пылал таинственный уют.

А Вера в сторону брела,
в чужую телогрейку куталась,
плела косу... угрюмо куталась...
и правила жены блюла...
А Вера в сторону — была?

Семь тысяч мертвецов вставали,
но годы были так страшны,
что нервы у осин сдавали,
а кленам впору бы стошнить.
И лишь подергивались усики
над золотою и березовой...
О, Русь, обклеенная узниками,
тебя ли видел в платье розовом?

Ты сел за весла переводчика,
благоволил к вам пьяный Фауст,
но разве этих перевозчиков
у нас в России не осталось?
Я понимаю — сохраниться,
я понимаю грусть лица,
когда волшебная столица
гуляет гирькой подлеца.
Вот почему пришлось погорбиться,
а вдохновенье кровью кашляло,
и смысл земли вставал для каждого
в том, кто честней из нас прокормится.

Роняли белые цветы,
роняли руки на вокзал,
и не хватало запятых,
чтобы остановить глаза.
Десятилетних слов не ждешь,
десятилетних слов не дашь,
а ты не спишь, а ты идешь,
туда, где ложь, туда, где блажь.
Туда, где жирные ножи,

туда, где ржавая душа,
где люди, словно гаражи,
все греют старого ужа.
Твои стихи бегом, бегом,
ватагой мокрою и шумной
на позвоночник кипятком
и босиком по царским шубам.
Но я еще не все сказал,
о, май, малиновый и мелкий...
Когда остановились стрелки,
любимый день закрыл глаза.

Стареет седенькая местность,
где одуванчики в пыли,
и палачи твои известны,
они сидят в могучих креслах,
чтоб ваше имя похвалить.
Но для тебя хвала — отравя,
для них хвала — уже халва,
они не брезгают направо
швырять медовые слова.
Их губы мягки и миндальны,
они нас знают наизусть,
за семь убитых — семь медалей —
поэты понимают пусть!
Прощай, помахивают гривами
всё те же бабы — три сосны.
Прощай! За правдами и кривдами
в предсмертный день твоей весны.
И, заворачивая память,
где окровавленная плоть,

я обещаю вам не падать
или не попадаться в сеть.

Благословляю вашу злость,
благословляю вашу жесть...
То вбит не камень, вогнан гвоздь,
и холодна разлуки шерсть.
И пусто после вас совсем,
не соловьи — одни воробушки...
А кто поет — так те в Воронеже,
иль на нейтральной полосе.

Наш путь хоть голоден, но ясен,
и мы еще потреплем мир,
как это делал рыжий Разин
и хлебниковский говор лир.
А остальные все лжеклассики
и лжепоклонницы пускай
ползут с могилы восвояси
из окон пузыри пускать!
И, помолившись на дорогу,
я им еще забыл сказать,
что есть провинция у Бога,
как у поэтов — благодать!..

---

* * *

Поклонник полей и Канта,
мой конь испугался слыть...
Я — тридцать седьмая карта,
которую нечем бить!..

АКВАРЕЛЬ СЕРДЦАМ НЕВИННЫМ

Души безумной рваные коленки...
Что, Фауст, приземлится ли слезам,
чтоб запечатать теплые конверты,
где дышит молоком моя Рязань?
Какой бы смертью нас ни занесло
в такие отдаленные селенья,
мы души собираем, что шальнее,
и обучаем нашим ремеслом.
Какой испуг страною нынче правит?
Кто князь, кто оскандалил в облаках
закушенные губы наших правил
и пьяную надменность в кабаках?
Кто там решил, что я от сладкой жизни
на ветреной петле уже женат?
Что стал я непригожим или лишним
на той земле, где видел стыд и блат?!

А на Руси такая благодать —
Царь-пушка на Царь-колокол глазеет,
метель мою любимую лелеет,
к Антихристу в трамвае едет блядь,
и сердце бьется глупеньким трофеем,
уставшим вопрошать и бастовать...
А на Руси такая благодать!

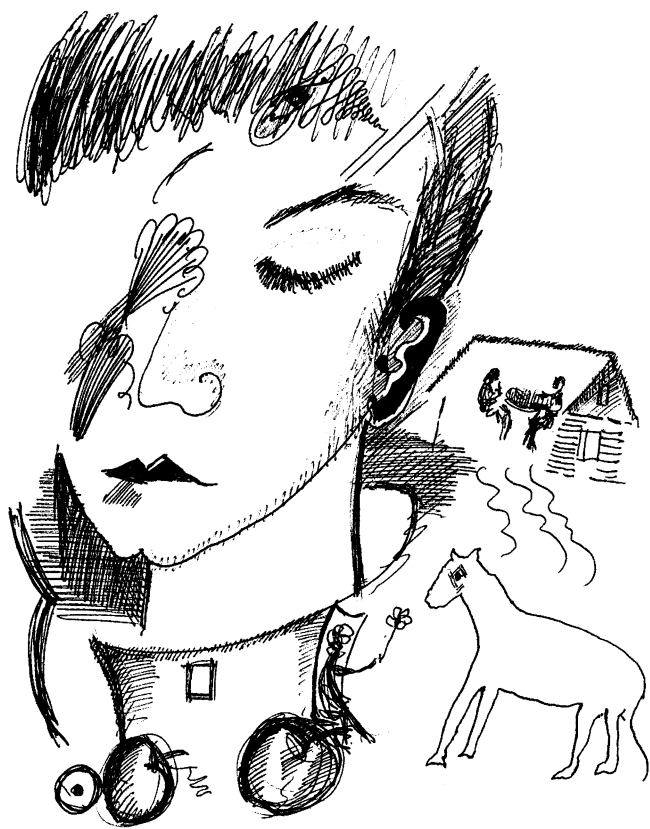
А мы смеемся — старые игрушки,
и кружится Москва, как старая пластинка,
где колокол плевать хотел на пушки,
а на царя ему и так простится.
Мы кажем зубы Рождеством с крестами,
но замечаем с болью, может, юношеской, —
что люди и молиться перестали,
где был собор, там новые конюшни.
Да, что там говорить, и конь уж редок там,
железные животные колдуют,
и в бойни превратили лучший храм,
в бассейн там превратили лучший храм,
и дети сатаны вовсю ликуют.
За выбитые зубы просят хлеб,
уроды хлеб шакалят за уродство,
а каждый смерд и нищ, и наг, и слеп,
глазок тюремный превратили в солнце.
Они уже на небо не глядят,
для них и небу негде ставить пробу.
О, где же Ты, который был распят?!
По-моему, Твой час настал и пробил.
Но шмон идет по всем твоим краям,
они еще успеют, да, успеют
всех лучших потерять, как якоря —
в сырую землю, в самый час успенья.

Подпольные правительства — тоски
и основоположники — печали
откроют правду ржавыми ключами,
где гении шумят, как колоски,
и пожимают робкими плечами.

Вот так страна, какого ж я рожна,
чужой женою с четвертинкой водки
спешит напиться, а когда волна —
упасть на дно моей безумной лодки.
И требовать ромашек да венков,
кляत्व, будто пирамид в пустыне,
но до любви, конечно, далеко,
хозяева угрюмых псов спустили.
Цветы не пляшут на моем лугу,
и, навестив потусторонни земли,
она уйдет другие трогать семьи
и черной кровью кашлять на бегу.

Подайте офицерского вина,
подайте виноградную обиду,
давайте выпьем за кусок отбитый
от колокола с именем — финал.
Пусть нас в лукавых землях проклянут,
испепелят, но лишь глаза проклюнут,
я в Книгу жизни робко загляну,
им подмигнув, победоносно сплуну.
Теперь мне хоть корону, хоть колпак —
едино — что смешно, что гениально...
Я лишь хотел на каждый свой кабак
обзавестись доской мемориальной!..

Из сборника
«Всадник
во мгле»

Л.Г.

15.11.76.

---

* * *

Меня подташнивало пить,
тебя подташнивало — пить,
с улыбкой розовою — плеть
пришла за все благодарить.
За почерневшие бока
печали, царственный приезд,
за то, что кровь пришли лакать
все семь подруг и семь невест.
За то, что в шрамах, не дыша,
скорей скрываясь за пивной,
волшебнo-шалая душа
боится вас пугать спиной,
исхлестанной и вкривь и вкось.
И всем моим победам в масть,
там, где маячит веры кость,
дай Бог собакам не украсть.
Там, где припухшее ребро
молитвы той, что нарасхват,
губной помадою легло
кольцо со страшным словом — Ад.
Я в рубищах великих слов
бегу в потемках, наравне
с тем всадником, и слышу зов:

«Вернись ко мне, вернись ко мне!.
Бич снов моих, я узнаю
его затылком, словно гладь
реки, где голову мою
пошли кувшинки целовать.
Кличь сов своих, и на зарю
приказано не бунтовать,
стою у века на краю —
пора бы перебинтовать.
Но истекая тут и там
по вашим дуплам и углам,
я знаю — некого хвалить,
мне нужно петь,
вам нужно — пить!

А черный всадник на коне,
он держит плетку в пятерне,
он ничего не говорит,
он зубы скалит на гранит,
и только конь его храпит,
и только Бог меня хранит.
Спасибо, плетка, что была
всегда румяна да бела,
что от угла и до угла
меня гоняла, как пчела.
За то спасибо, что жиреть
мне не дала, и в тишине
следила, как бы не привык
я медом мазать свой язык.
Спасибо вам за этот гнет,
кто не исхлестан был, тот врет,

а я от боли хоть и пил,
но все же душу сохранил.
И золотую россыпь слов
сумел не утопить в вине.
И Сатаны бледнеет зов,
и крылья крепнут на спине.

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОСКОЛКИ

Меня будут называть антихристом в апреле
и разными другими, малиновыми кличками,
но мысли в голове немного отсырели,
как голубые импортные спички.

Я знаю, знаю, что после моего концерта
37 человек покончили жизнь самоубийством,
с кудрявой головой брели записки церкви
в кровосмешеньи волчьих свистов.

Я немного помешался на прогнозах рязанских
И, зашнуровывая лакированные чеботы,
не усмотрел, как вечер налился
моей хмельной, моей игристой челкою.

Но заказал мне белые стихи
стукач Есенина, человек черный,
я понял, что читаю пустяки,
и я прочел цикл, посвященный — черту.

И когда меня гладили прожектора
и аплодисменты я слушал, как слушал
пощечины,
я понял — почему он повесился в номерах
и перед смертью не взял расческу.

Я понял — почему кумир проституток и бродяг
ушел от славы к своему отцу небесному,
взял грех великий, словно бы шутя,
и Русь оставил грустною невестою.

О родина, любимых не казни,
уже давно зловещий список жирен,
святой водою ты на них плесни,
ведь только для тебя они и жили.

А я за всех удавленничков наших,
за всех любимых, на снегу расстрелянных,
отверженные песни вам выкашливаю
и с музой музицирую раздетой.

Я — колокол озябшего пророчества
и, господа, отвечу на прощание,
что от меня беременна псаломщица,
которая Антихристом стращает.

В меня же влюблена седая ключница,
любовница тирана и начетчица,
пока вся эта грязь с улыбкой крутится,
со смехом мой топор старинный точится.

И ткнув два стакана жуткой водочки,
увидю я, что продано и куплено.
Ах, не шарфы на этой сытой сволочи,
а знак, что голова была отрублена!

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЕРНОВИК

Я надену белую шляпу своих ошибок,
ударю несколько раз по клавишам
и убью Антихриста для стакана крови.
У моей грусти — ни жены в подругах
и ни мелкого дождя моей серой Родины.

Я остригу розы, а потом ногти,
встречу кредиторов, красивых, как марки,
что-то посчитаю в своем блокноте
и скажу им просто — к чему обманываете?
Ах, стеклянные признанья,
кушать подано давно,
а на вешалке желанье —
выброситься вдруг в окно.
Пусть я принесу тонкие рюмки,
это говорит о хорошем тоне,
меня обнимут пыльные руки,
пыльные руки, не новогодние.

«Хорошо, мы обождем», — скажет дождь,
а серебряная вилка: «Завтра дашь».
Непогашенною спичкой выбежит дочь,
а за ней моя собака, вторая даже.

Но внезапно начинает надоедать —
ах, одни и те же шторы раз-дра-жа-ют.
Электричка прозвенела: «Как же вас звать?» —
телефон мой раскошелился с русской шалью:
— Добрый день, синьор, ну как там вы? —
— Что вам надо? Это ты, которая в Париже?!
Ах, носи же сетку возле головы
и звони, звони ты мне пореже!..

Прошумел, проплакал. Почистить ботинки?
Закурить сигару? Поджечь дом?!
Но в гостиной бляди, как царские полтинники,
ни загнать, ни выбросить, и дело в том —
что надену я белую шляпу
и свалю-ка я на Черное море,
а мои поклонники станут шлаться,
в кабаках лечить свое горе.
После получу я телеграмму:
«Скоро будем, папа, жди нас».
Хорошо в отеле мне, если забить раму
и на пять персон открыть газ!

ЭТЮД НА ХУТОРЕ ГРУСТИ

Мой буфет носит стеклянные волосы,
моя мать — бубновый голос,
а мои свидания — звон пощечин.

А я ношу воспоминания,
как у меня была мать с бубновым голосом,
буфет со стеклянными волосами
и свидания, подпоясанные звоном пощечин.

А на всех на нас смотрит смерть,
как та циркачка на пепельном мерине,
полуслепыми, полубелыми глазами потаскух,
которые так нас хотят, но уже не могут.

КАПРИЗ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ

Иди сюда,
                    мой раб!
                                    мой котенок!
Целуй мои пятки.
                    Целуй мои пятки,
  целуй.

И если окажется, что пить нечего,
иди сюда, мой раб, мой котенок.
Вокруг тебя белые-белые мухи,
и вокруг меня белые-белые мухи.
Вот одна села на глаз, другая на бровь,
а эта — на кровь Господа.
Они кружатся, а я веду тебя дорогой
самоубийц и воров, вечерней школой
в серебряных шпорах.
А впереди меня пляшет желтая скрипка,
а позади меня — овраг сумасшедших,
и зеленый мой крест, как лавочка,
и зимой на колени ко мне садятся
красные гуси да лебеди.

Я поведу тебя золотою дорогой
к старому принцу, в розовом платье,
к дряхлой часовне.

Я поведу тебя старой дорогой,
в розовом платье, к милому принцу
к звонкой часовне.

Иди сюда, мой раб,

мой котенок,

целуй мои пятки,

целуй мои пятки,

целуй!..

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Я жертва чистая расколам,
и, отдаваясь всем распятыям,
сожгу вас огненным глаголом,
завяну огненным заклатьем.

В. Хлебников

Тучи! Скучно.
Скучно...Тучи!..

Тучи черно расхаживали,
отращивая самомненье,
улыбаясь погостам,
рыпались по гостям.
Они чеканили грусть черни,
черкали поэтов, задохнувшихся у тачанок,
и темно-синими пальцами приводили
к исповеди.

Мещане пожимались лихорадочно,
как перед отходом поезда
или случайно убитой мухи.
Мучительно вспоминался Пастернак,
болезненно, как та мелочь,
на которую вас незаметно обсчитали,
а когда приходила строчка,
кричали — мы знаем, знаем,

это Успенский собор,
там крестят грусть!

Не дай Бог, тоска моя тезка,
и отпущено жить столько,
пока Эйфелеву башню
не упростили на металлолом.
Грустно будет приходить
на могилы друзей в кружевах коршуна,
кашлять и ругать крапиву, как юность,
материть пуще их зелень
и мелочно кланяться электричкам,
что стреляют молча в туз старости.

И кажется, что звезды — это великие люди,
которым противно смотреть на нас днем,
а ночью наш нервнокоричневый муравейник
им приятен, и они улыбаются,
а иные от смеха падают.

А мы думаем: «Черт побери, в кого бы
влюбиться?
На кого бы, Боже, теперь раскошелиться?
А потом поплакать, потом раскашляться,
помяни же имя мое в скитаниях!»

Здесь похоронено двенадцать моих жен,
желтые жиды жарко зевают на свои перстни
и мечтают их снять, словно убить бешеную
собаку,
которая не сад сторожит, а Ад ворожит.

Ревела в осеннем дожде безысходному сыну
веранда!
Ты — полуголая баба, с которой приятно мне
с глазу на глаз,
только не надо истерики перед зимой, ладно?
Людно... я понимаю, что чудный ваш Байрон
немного хромал, а Сенатская пахла чахоткой,
что березы затылком стоят за тобой
и боятся щекотки.

Положил бы я свою щеку на костер,
клейменный глаже волка, но глубже лисицы,
разве только шлагбаум поперхнется,
увидев меня таким, а потом поднимет козырек,
проскрипев лесть: «Здравствуй, козырь!»
Я уйду от тебя светлый, как выигрыш,
и не будешь ты спать и настольную
лампу не выгонишь.
Говорили — что выгоришь,
я ласкаю золу, словно Золушку.

Ты ревнуешь, ты бьешься с заплаканной
свечкою,
опустившейся скатертью,
на которой мое расписание ножниц.
О, поправь пластилин, ибо лошадь лиха,
и постель постели там, где ложь и меха.
Я устал, я разбил что-то горькое, хрупкое,
новогодние письма отправил гулять,
побелев от тоски, Муза в кожаной юбке
разрешила сегодня себя целовать.

Школа, шпоры,
пора закрывать, заголять, заговаривать,
в темноте у малиновых губ не стоять,
теплых звезд на груди не отпаривать.
Я и так высоко, заржавела косынка жены,
ястреб пробует передернуть закон,
а я думаю: вот и пришел загул,
три недели у водки я под замком.

Дети, дети мои,
о, это просто великий нагар,
свечка долго причесывалась
перед приходом гостей.
Виноваты ли гости,
если слезы ее горячи, как кровь Пушкина,
и лживы, как друзья Лермонтова.

Отпусти меня, перо,
не бери грех на душу,
чтобы не вошла девочка
и не сказала: надо же!
А потом разделась сама,
легла, ждала внешнего...
Только вот выкипел самовар,
пока я вешался!..

---

* * *

Я себе третья цыганка.
Одна нагадала небо,
вторая — счастье,
а я себе — памятник.
Я себе — цыганка третья,
стоит, ухмыляется, падла,
карта светит или не светит?
Пала!
На угрюмую спину площади,
где встречаются,
где отдают почести,
где слушают идиотов,
рассказывают печально
парочку анекдотов
за моими бронзовыми плечами,
где семечки лихо лускают,
подмигивают девчонкам,
и говорят, что русская
у памятника прическа!

—●—

---

* * *

Я каюсь худыми плечами осин,
холодного неба безумною клятвой —
подать на поминки страстей и засим...
откланяться вам окровавленной шляпой.
Я каюсь гусиным пером на грязи
всех ваших доносов с эпиграфом — сдался!
И жалобы зябки, как те караси
в холодной воде умирающих стансов.

И полную волю однажды вкусив,
я каюсь вечерней зарей перед утренней,
опять разбирают глаза на Руси,
как избы, и метят, чтоб не перепутали.
Какая печаль была прежде всего —
та в землю уйдет, на нее после ляжет
и зимнее утро, и рюмка Клико,
и девочка эта, что плачет и пляшет!

—●—

---

* * *

А мне и солнышко не греет,
ко мне собака не бежит,
мой ландыш ни во что не верит
и головой в крови лежит.
Я заколочен, заколочен
колючим взором палача,
но есть, которые пророчат,
и есть, которые молчат.
Когда неслыханно угарно
прошел веселый перекур,
зловещей стала и вульгарней
тьнь Сатаны на берегу
моей неласковой отчизны,
где все хорошее падет
и, вспомнив старенькие чистки,
сам Сталин по костям пройдет.
Он будет улыбаться криво
и, поднимаясь на мыски,
увидит родину счастливой
лишь там, у гробовой доски.

В глухой разлуке кость и камень,
не слышу ангельскую речь —
обрызганными кровью в храме,
заржавленный поднимет меч.

И здесь уже не будет казней,
а будет просто грусть одна,
похожая на страшный праздник,
где нет ни песен, ни вина.

А радостное так случайно,
что, право, пахнет топором,
а имя празднику — молчанье,
закуска к празднику — погром.
Ах, мне и солнышко не светит,
но ты, мой мальчик, не тужи,
вот крестиком уж двери метят,
и лихо точатся ножи!..

ШАЛАЯ ПЕСЕНКА

Непогасимая лампада
                                моей пивной,
я скоро буду править Адом
                                любви одной.
Иконостас своих страданий
                                я вам продам,
ах, житие мое скандально —
                                месье, мадам!
Я удалюсь к невинной роще
                                своих подруг,
ах, надо жить светлей и проще,
                                как акведук.
В тени измученного сада
                                лежу в крови,
но ты, звезда моя, не падай,
                                гори, гори!..

ШАЛАШ НАСТРОЕНИЯ

Все будет у меня — и хлеб, и дом,
И дождик, что стучит уже отчаянно.
Как будто некрещеных миллион
К крещеным возвращаются печально.

Заплаканных не будет глаз одних,
Проклятья миру этому не будет.
Благословляю вечный свой родник
И голову свою на черном блюде.

И плащ, познавший ангела крыло,
И смерть, что в нищете со мною мается,
Простое и железное перо,
Которое над всеми улыбается.

А славе, беззащитной, как свеча,
Зажженной на границе тьмы и тленья,
Оставлю, умирая, невзначай —
Бессмертные свои стихотворенья.

Все будет у меня — и хлеб, и дом,
И Божий страх, и ангельские числа,
Но только, умоляю, будь потом —
Душа, отцеловавшая отчизну!..

---

* * *

Осеннее солнце померкло,
и в жизни настала ремарка,
я золото жду на примерку,
то, что от Луки и от Марка.

Осеннее солнце — помарка,
и контрабандистом мой гений
на каторгу гонит по парку
ватагу моих наслаждений.

В Париже проснутся — услышат,
в Париже услышат — проснутся...
Гуляю я с девочкой рыжей,
и тучи от страха трясутся.

И под Триумфальною аркой
я счастлив, и с черствою коркой
осеннего солнца не жалко,
осеннее сердце из шелка!

---

* * *

Ты дорвалась до телефона,
дорвался я до тишины.
Благодарю тебя, мадонна,
за то, что страсти сожжены.
И ясноглазая случайность
за подбородок нас берет,
и я стою с семью свечами —
седьмое чувство не соврет.
Хоть кремль молитв моих разрушен,
с улыбкой спят карандаши,
по водам я хожу и суше
не повидать моей души.
А тишина моя все дальше,
бокал вина в руке все дольше,
и то, о чем я думал раньше,
гуляет босиком по Польше!..

---

* * *

Рыжеволосая богиня,
ты плакальщица иль плакиня?
А может, сладкий виноград
на трезвых уст безумный клад?
Ах, мысли черные покинем,
достаточно, что ночь черней.
Рыжеволосая богиня,
чернил бы мне, потом червей
туз, королей бы двух в угоду,
что тают, зависть затая,
а мы летим по небосводу
божественного букваря!

—●—

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Сто лет отныне предстоит
моей любимой упиваться,
моей рябине убиваться
и кровью капать на гранит.

И молодому поколению
не разглядеть за сотней тел —
что за свои стихотворенья
при жизни я окаменел.

Мои пророческие книжки
не объяснит седая Русь,
ну что ж, ни дна ей ни покрышки,
когда я бронзовым вернусь!..

---

* * *

Никто мне не нужен,
никто мне не нужен,
а тот, кто мне нужен,
навек простужен.
Коврами придушен,
Кораном пришит,
на черных подушках
Архангел лежит.
Лежит и не плачет,
лежит и не врет
и пачку за пачкой
свой курит восход.
Свои именины
навек забыл,
а был ведь невинным,
когда-то любил.
Лежит, вспоминает —
кого и когда?!
Над ним помирает
его же звезда!..

РАЗГОВОР С ПУШКИНЫМ

Обо всем забыв на свете,
потому что я шальной,
в ослепительной карете
проношуся по Страстной.
Эй, привет, поэт кудрявый!
Как дела? Давно ли пил?
Или просто нашей славы
не хотел и не любил?!
Я сиренью помахая,
я чертовски подмигну:
у тебя жена плохая,
я свою — как хочешь гну,
я свою — как хочешь нянчу,
как не хочешь — берегу
и смеюсь своей удаче —
не стреляться на снегу.
Ну а ты же был горластый,
непослушный, как злодей,
и поэтому в гробах стыл
черный, словно иудей.
Ревновать тебе Бог право
дал, но смерть не разрешил.

Милый, что такое слава?
Не великий ль грех души?..
Мы с тобой еще, положим,
обо всем поговорим.
Очень плохо, что не дожил,
и за это вас корим.
Мы с тобой еще помножим
светлый наш, небесный дар.
До свиданья, мой хороший,
сохраню, что Бог мне дал.
И от этого урока
станет худо на душе
у горбатых лжепророков,
потому что я — блажен,
потому что я услышан,
потому что не скорблю,
мне рубаха славы ближе,
потому что я люблю.
Этот свет навеки вечный,
эти звезды в тишине,
этот дух на подвенечной
тайной, тайной стороне,
потому что не печалюсь
даже с кровью на лице,
потому что я ручаюсь —
слава ждет меня в конце.

Ну да ладно, мы устали,
кто с тобой, тому — привет.
Многих за тебя устами
подведу под пистолет.

И не нужен мне твой мрамор,
и не нужен твой чугун,
а нужны ступени храма,
где цитируют Луку.

И, не мудрствуя лукаво,
на прощанье говорю:
«Вера в Бога — вот вам слава,
большей славы не люблю!..»

---

* * *

Я падаю, я падаю
с могильною лопатою,
но не питаюсь падалью,
а я живу лампадою.

Лампадой под иконою,
и на иконе — Боженька,
я с высотой горною,
и мне не надо большего.

И мне не надо лишнего,
земного и угрюмого.
Живу я с пьяной вишнею,
а вы о чем подумали?

И Ангелы, и Ангелы
летают рядом горние,
я — Пятое Евангелье,
а вы меня не поняли.

Евангелье живое я,
даю себя пролистывать,
а вы — мои животные,
меня же вы — освистывать.

Отдали нас облапывать,
пошли всю жизнь — обвешивать,

вы хамы! С вашей лампою
великие вы грешники!

В Америке и в Англии
стихи мои полюбите.
Я — Пятое Евангелье,
но вы меня не купите!..

---

* * *

Когда умрет тигр, останется его шкура,
когда умрет человек, останется его слава.

Восточная пословица

Ни перед кем не преклоняясь,
скажу о славе лишь одно —
не хоронясь и не кривляясь,
я пью студеное вино.

Пред нею руки не ломаю,
да и фальшивых слез не лью,
свои пороки не скрываю,
ее за юбку не ловлю.

Но как любовнице в разлуке,
я на ночь глядя говорю —
сегодня буду к вам от скуки
и дров поболее наколю.

Ты затопи камин пожарче,
не стой с волнением у окна,
накрой на стол, да побогаче
укрась бутылками вина.

И ни о ком не вспоминая.
надень на голову венок,
чтоб ваше платье разрывая,
я пил студеное вино.

И пусть дрова подбросят слуги,
чтобы хватило на потом,
но вот ко мне доходят слухи —
что заперли нас в желтый дом!
Что ты с ума сошла, принцесса
непостоянная моя.
что за тобой везут прицепом
лихие тайны бытия.
И письма в облачных альбомах
надушены и хороши.
и, словно кони с ипподрома,
бегут проклятия с души —
так где же сладкая та чаша?
что ты — моя, моя, моя! —
...сошла с ума...

Что ж, воля ваша,
а я уехал за моря.
Ни перед кем не преклоняясь,
я со стыда теперь горю...
Ты на свободе!..

Каюсь... каюсь...
я снова, слава, вас люблю!
И наш камин горит как раньше,
и звонче, звонче наши чаши,
и мы идем с тобой все дальше,
и мы целуемся все чаще!..

---

* * *

Ищите самых умных по пивным,
а самых гениальных по подвалам,
и не ропщите — вся земля есть дым,
а смерть — как пропасть около обвала.
И в мире не завидуйте красе
и власти не завидуйте — что проку?
Я умер на нейтральной полосе,
где Сатана играет в карты с Богом!

ПИСЬМО БЕЛОКУРОЙ МУЗЕ

Я прослушал тебя по горам, по лесам,
облакам и долинам
и, пастушку любя, над землей повисал
я в полете орлином.

Ароматный хмель в моем сердце теперь,
чую мясо и мясо,
словно пес, что царапает мертвую дверь,
но засовы не лязгнут.

Я змеей обовьюсь меж горячих камней,
по которым ступала.
За три карты сопьюсь и уже не вернусь,
как бы ты ни мечтала.

На телеге меня доведут нагишом
белошвейки и гномы,
и, положим, доложим — что я поражен!
Перед собственным гробом.

На телеге меня повезут нагишом
в гениальных наколках,
вздохнет слава, и грусть поползет за ножом,
и шарахнутся книги на полках.

И согнутся в поклоне, как те мужики,
и Толстой, и Некрасов,
слякоть всех символистов, где символ слуги
из четвертого класса.

И крапивой советских изданий меня
рассмешат, но немного,
я кнутом подстегну голубого коня
или именем Бога.

Я нечесан и бос, ну а завтра покос
предрассветного слова.
Я скажу вам без слез: выбирайте погост,
куропатки и совы.

Свое сердце губя по лукавым рукам,
без стыда и без грима
я увидел себя по кровавым губам
в чтеньи Третьего Рима.

Непослушная девка бежит вдалеке,
и в березах-окладах
я кричу своей Музе, как суке, — к ноге!
Принесите мне ягод.

Мимо всех деревень диких прозвищ твоих
в дивных локонах горя
захлебнуться и выкрикнуть: только гори
между светом и болью!

На телеге меня повезут, а ко мне
сникнут ангелов рои,
и заманят крылами Пегаса в огне,
и прогулку устроят.

Муза! Муза! Родная фиалка моя,
даже в порванном платье
будь довольна, что держит нас эта земля
и пока еще платит.

Пусть завидуют нам, что любая гроза,
нам улыбку дарила,
что мы шлялись с тобой по горам, по лесам,
облакам и долинам!..

---

* * *

Задыхаюсь рыдающим небом,
Бью поклоны на облаке лобном.
Пахнет черным с кислинкою хлебом,
Пахнет белым с искринкою гробом.

По садам ли гуляют по вишенным
Палачи мои с острым топориком?
По сердцам ли шныряют по выжженным
Две невесты мои, как две горлинки?!

Молодятся молитвы на паперти,
Согрешившей души и отверженной,
Ах, с ума вы сегодня не спятите,
Спите, будете крепко утешены.

Я не верю ни черту, ни дьяволу,
И в крапиве за древней избушкою,
Как невеста, зацветшая яблоня
Кое-что мне шепнула на ушко.

Я поднялся к ней пьяно-оборванный,
Как ромашка от ветра покачиваясь,
И как будто держали за горло,
Я прослушал все то, что назначено.

И сказала она удивительно
Кротно, просто, а значит, искусно:
То, что стал я писать — ослепительно,
То, что стал я так пить — это грустно.

То, что стал я хулой темных всадников.
То, что стал я хвалой падших ангелов,
Что пьют водку и в светле, и затемно
И шабят «Беломор» в мокрых валенках.

И на плечи дала мне огромного
Ослепительно-вещего ворона,
Он в глаза посмотрел мне холодные,
А потом отвернулся в ту сторону,

Где стояла босая и белая,
Майским градом еще не убитая,
И весна, и любовь моя первая
Со своими немymi молитвами.

Вся в слезах и, как будто в наручниках,
Кисти рук у нее перевязаны,
Со своими подругами лучшими,
Со своими лучистыми сказками.

Нет, они от меня не шарахались,
А стояли в молчании скорбном,
Как невесты царя, что с шалавами,
С шалопаями встретятся скоро.

На плечах моих ворон не каркнет,
На устах моих слово не вздрогнет.
И летит голова моя камнем
К их стопам, где слезами намокнет.

Сохрани и помилуй мя, Боже!
Сокруши сатану в моем сердце,
Неужели удел мне положен,
Там у печки с антихристом греться?

Сохрани и помилуй мя, Дева
И Пречистая Богоматерь,
Пока губится бренное тело,
Пусть души моей смерть не захватит.

Сохрани и помилуй в восторгах
Меня, грешного нынче и грязного,
Под холодной звездой востока,
И с глазами еще не завязанными.

Мы повержены, но не повешены,
Мы придушены, но не потушены,
И словами мы светимся теми же,
Что на белых хоругвях разбужены.

Помяни нас в свое воскресение,
Где разбитой звездой восклицания,
Где и пьяный-то замер Есенин,
Все свиданья со мной отрицая.

Пусть хоть был он и мотом, и вором,
Все равно мы покрепче той свары.
Все равно мы повыше той своры,
Все равно мы позвонче той славы.

Соловьев на знаменах не надо
Вышивать, выживать нам придется,
Как обрубленным яблоням сада.
Как загубленным ядом колодцам.

И пока не погасло светило
Наших дней, обагренных скандалом,
Ничего нас с тобой не смутило,
Ничего нас с тобой не судило.
Да и Слово сиять не устало.

Разлучить нас с тобою — нелепо.
Муза! Муза в малиновом платье.
Ты — Мария Стюарт, и на этом
Все же вышьем мы царскою гладью.

Что концы наши в наших истоках
И что нет отречения и страха.
Каждый стих наш — преступной листовкой,
За который костер или плаха!

Пусть бывает нам больно и плохо,
Не впервой нам такие браслеты,
И зимой собираем по крохам
Нашей юности знойное лето.

Что же скажет угрюмый мой ворон?!
Ничего... просто гость и не больше,
Ничего, просто дикая фора
Слова, жившего дальше и дольше.

Вот и все, да и тайн больше нету,
Музы, музы, покатым на дачу.
Задыхаясь рыдающим небом,
О себе я уже не заплачу!..

---

* * *

И локонов дым безысходный,
И воздух медовый и хладный.
Ты стала свободной, свободной.
Ты стала — желанной, желанной.

И утро в атласных жилетах
Прелестных своих перелесков.

Из сборника
«Таверна
солнца»

---

* * *

Погибнет бархатное слово.
Уйдут любимые друзья.
Я знаю, правда, ты сурова,
но ты суровее, чем я.

А я и так уж сажей мажу
все дни и будущую кровь.
За что вы Пушкина-то Сашу?
И мою первую любовь?..

— ● —

---

* * *

Мои стихи рассеялись в народе.
Рассеянные люди ходят вроде...
Жуют и пьют, меня не замечая,
а если и зовут — на чашку чая.
Да я и сам с глазами, как икона,
сам на себя их не зову подробно.
Пишу я для себя, потом для Бога.
У каждого своя теперь дорога.
Ботинки ль мне отдать свои в починку
иль с водкою удариться в кручинку?
Но умирая вот на этой строчке,
я думаю: народ — он Бог, и точка.

—●—

---

* * *

Я тебя забываю...
Забываю тебя!
Словно в гроб забиваю
желтый труп ноября.
Ничего я не знаю,
да и знать не хочу,
я тебя задуваю —
золотую свечу!
И навек ли, не знаешь?
Эта осень в красе...
Ты во мне умираешь!
Умираешь совсем.
А душа моя — бойня
злых и сочных обид,
и впервые так больно
от горячих молитв!..

—●—

---

* * *

Смоленский шарф дороги пьяной
и полутрезвой тропки кнут,
что бередит мне эти раны,
с которых ночью кожу рвут?!
Что от военного совета
осталось — только тень солдата,
и, как любовница, раздета,
судьба уснула у приклада.
И ей не дорожать, а биться
лбом, в этот клеш парадных зал,
где отражается царица —
моя коварная столица,
которую я не признал.
Как та безвыходная дама,
что отыгралась, но бледна,
вытаскивает карту даром
между бутылками вина.
Она божественно красива,
и горний трепет сволочь жжет,
не куртизанка вам — Россия,
мой легкомысленный народ.
Моя судьба ее не стоит
судьбы, но это не беда.
То, что я проиграл — пустое.
Горит за тучею звезда!..

ПЕРЕВОДНЫЕ КАРТИНКИ

Стихи к сыну

Крошечный жук со слезою горючей
рабочего-углекопа.

Малая трость, что спешит ко мне мирром напиться.

Старые карты фамильно-магнатной Европы.

Тень Бонапарта и солнце Аустерлица!

Верным ли буду расчету, а после почету?

Иль запрягусь, словно бык, киноварною мастью?

Осень моя! Бесподобного вида девчонка
снова пришла и сгорает с неслыханной страстью.

Как переулком, бреду я хламидою Хама,
и серебро уступает дорогу, волнуясь,
жаром души я расплавил вам золото храма
и подарил обнаженную, знойную юность.

Все потерял, но нашел несравненно я больше —
алое сердце, любовь и прелестного сына,
Душу Христа, и чем дальше, тем дольше и дольше
Свет его глаз там, где робость и строгость, и сила!..

---

* * *

Мне не спится, мне не спится,
потому что небо с принцем
поздравляет облака.
Ангелы в моих руках
на восток трубят погожий
и на земли все вокруг.
Сын мой, первенец пригожий,
ты венец прими из рук.
Мы с драконом будем драться,
огнедышащей змеей,
и тебе скажу я: Здравствуй!
Здравствуй, меч небесный мой!..

—●—

---

* * *

По дорогам-зеркалам
и по зеркалам-дорогам,
раздеваясь догола,
сердцем бью в колокола —
обожди еще немного.

По цветам и лопухам,
по реке из горностая
сколько б раз ни подыхал,
по подвалам опухал —
никогда вас не оставлю.

По вину и молоку,
по картежному проселку —
поклоняйтесь дураку,
поклоняйтесь кулаку,
я же — своему бесенку!

По глаголевым стихам,
по нагорьям, там, где игры.
Что уставились на храм,
что в одну я ночь воздвигнул?

Своему греху молюсь,
над горой великой маюсь.

И рукой обнять боюсь,
и зрачком отснять стесняюсь.

Чудо! Чудо там лежит.
Что народ мой православный?
И куда опять бежит?
А бежит смотреть на славу.

Строили вы тридцать лет
и потом еще три года,
что ж, блажен мой первоцвет,
и благословенны роды!

Храм построен без креста,
в темноте построен, слепо,
только вот над ним звезда,
а в глазах, в глазах — все небо!

По дорогам-зеркалам
и по зеркалам-дорогам
не имел я ни двора,
не имел я ни кола.
А теперь имею Бога!..

---

* * *

Никто не узнает
и не добежит.
Что слава? Что знамя?
Что сабля? Что щит?..

Что мнимые кости
беременной власти?
Что сласти? Что трости?!
Что лживые страсти?

Что небо вкрутую?
Что солнце нам всмятку?!
Прошу я святую —
на боль мою взгляд хоть.

Молюсь в тишине я
и в грозах молюсь,
прибитый шрапнелью
по имени — грусть.
Заступница света!
Затворница тьмы!
Дай теплого лета
и легкой зимы.
Дай хлеба на воле,
дай неба в тюрьме,

избави от горя,
избави и не
оставь, ради сына,
Иисуса Христа.
И первенца силы
зажги, как звезда.
Ничто мне не страшно,
о Матерь моя!
Он первый, он старший,
лампадка моя!
А что без него мне —
ты знаешь сама —
неволя, неволя,
глухая зима.
Что муза? Что слава?
Что шпага? Что щит?
Малютка-держава,
защиты ищи
не в теплых ладонях,
а в сердце отца,
где веры довольно
и милость Творца!..

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Еще не выжжена трава,
еще дожди не промелькнули.
Я не хочу себя скрывать
ни от грозы и ни от пули!
Ни от Архангела в тиши
и ни от губ разбитых молнии,
и золотой своей души
я не меняю, это поняли?!
Пока не слышу зов трубы,
пока себя гублю, не брезгуя,
глагол своей святой судьбы
несу к тебе на очи трезвые.
И каюсь, каюсь каждый день
в презренной слабости от Дьявола.
Но ты пойми — я ссоры тень,
я Евы траурное яблоко.
Добро и зло в моей груди,
а в сердце, в сердце нежность
ангельская.
Пока я жив, молю, приди! —
без телефона и без адреса.

Пока я жив, молю, гряди
со славою своей и воинством!
Пока я жив, молю, свети
по всем моим тропинкам то́ристым!..

---

* * *

Ты сказочнее и прекрасней,
как тихий замок у реки.
Все безопасней, все несчастней
твои тропинки и долги.
А ночи твои слишком долги
и Ада красного страшней.
Вокруг бараны или волки
да цокот бешеных коней.
Ворота наглухо закрыты,
а над воротами — мой крест.
И я приду к тебе — убитый,
зарытый — лучшей из невест.
Глаза — как стрельчатые окна,
с тобой не виделись мы век,
пусть в локонах намокших охнут —
ты — солнце, ну а я, я — снег!
И вспоминая все, я таю,
я таю, чувствуя твой жар.
Моя крестьяночка босая,
мой дикий солнечный удар!
Я рыцарем был самым сильным,
кормила вишнями с руки,

а взгляд был синим, синим, синим,
как заводь бешеной реки.
И вот мы встретились, мы снова
На-еди-не, на-еди-не,
и тут уж не поможет слово,
тут страсть срывается сурово,
как белый призрак на коне.
Но мы любили, мы любили
в том веке розы и кресты.
Но там мне голову срубили,
тебя сгноили в монастырь.
И нет счастливей и несчастней
сегодня нас с тобой вдвоем.
И наши ночи — наши казни,
мы вспомним всё или умрем!..

---

* * *

Тоскует дух! Немеет тело.
Непримирим Господь в крови.
Такая птица улетела,
Достойная моей любви.
И вот уже, печальный странник,
Смотрю на голое окно,
Где по ночам играет в гранях
Все утешительней — вино.
Но и вино меня печальней.
Как будто б я осиротел...
Между холодными свечами
Мне шепчет — чтоб не пил, а пел!
А как мне петь, когда струится
Такая жалость по душе,
Что был бы кольт — и застрелиться,
Потом в гробу похорошеть.
И пить! И петь! И что мне делать?..
Не знаю, грусть со всех сторон.
Такая птица улетела,
А может, это был лишь сон?!
Но похоронный звон по сердцу
И рюмок сладкий перезвон...
И, словно с кровью полотенце,

В то утро лживый небосклон.
Нет сил ни плакать, ни молиться,
Ни утолить печаль в вине —
Такая улетела птица.
Нет, вот она, горит в огне!..

---

* * *

Я родился, чтобы пропеть,
отзвенеть на ветру осиной.
Я родился, чтобы терпеть
смех твой звонкий и свет твой синий.
Я родился, чтобы понять
век погромный и миг наш краткий.
Я влюбился, чтобы обнять
мир огромный и стан твой сладкий,
виноградную гроздь сломать,
гвоздь погнуть и шагнуть в бессмертье.
Я родился, чтобы с ума
вас свести, как рисунок с меди.
И вдали черешневых глаз,
звездам преданный как собака,
я родился, чтобы хоть раз
на груди у счастья заплакать.
В этом зеркале — небеса.
В небесах — золотая тайна.
Тайна в том, что я написал,
ведь родился я не случайно!..

---

* * *

Я тоскую с тобой по чуду,
в этом нет никакой причуды.
По предательству так — Иуда,
Магдалина так — по губам.

Да, я плачу, но и плачу я,
будь же доброй и будь же чуткой,
я тоскую с тобой по чуду,
как ни с кем я не тосковал!

Ну а ты в этом мире грешном
будь же ласковой, будь же нежной.
И предсмертной любви безбрежной
Милосердна будь, как сестра.

Замело меня вьюгой снежной,
завело меня в стан мятежный,
и прилежная грусть прилежно
надо мною гнездо свила.

Я тоскую с тобой по чуду,
по невиданным небесам,
даже мертвый я верен буду
сим влюбленным своим глазам!..

---

* * *

Как поминали меня —
я уж не помню и рад ли?
Пили три ночи и дня
эти могутные капли!

Как хоронили меня —
помню, что солнце как льдинка.
Осень, шуршанье кляня,
шла в неподбитых ботинках.

За подбородок взяла,
луч мне на лоб положила.
Перекрестилась, бела.
И разрыдалась, вскрыв жилы.

Пурпур с тех пор у осин
и синяки под глазами.
Я никого не спросил,
Ангелы всё рассказали.

Нет ни краюшки огня
в вашем «божественном крае»,
как вспоминали меня —
этого я не узнаю!..

---

* * *

Горе пережил —
                    пел, пил!
В море не упал,
                    крал, спал!
Сердце, ты скажи —
                    жить, жить?
Для чего, ответ?
                    Петь! Петь!.

—●—

Из сборника
«Золотая
Армада»

N. Sykonov

13 p. 83r.

---

* * *

Когда на душе, словно в келье, сожженной
Свечами столетий,
Уже не помогут ни милые жены,
Ни рабские дети.
Уже не помогут ни звонкие струны,
Ни светлые даты.
Уже не для Бога и золоторунная
Рукопись Данте.
И счастье не в счастье, и горе не в горе,
И яда не слаще,
И мы зарифмованы насмерть — прибором
Тоски настоящей.
Ах, сердце, диктуй мне желанье любое —
Насущно, как воздух.
Душа — это небо мое голубое,
Где спрятаны — звезды!..
И та красота, что стояла за мною
В молитве упрямо,
Смотри, осыпается вечной золою
В могильную яму.
А та гениальность, как свет от лампы,
Прозрачно-невинна —

Ее забросали камнями из Ада,
И солнца не видно.

Когда на душе, словно в келье, сожженной
Свечами столетий.

Уже не помогут ни нежные жены,
Ни гордые дети,
Ни светлые лица икон, ни треножник.
И это на свете,
Где был я как птица,
Где был я как дождик.
Где был я как ветер!..

29 июня 1978

---

* * *

N.N.

Тает в облаке луна
Желтой рюмкою вина.
Если хочешь, дорогая,
Я — твой буду Сатана.

Ворон к ворону летел,
Чертом стал, на небо сел.
И теперь мой светлый образ
Чист как слезы, бел как мел.
Я в старинный дом вхожу,
С сумасшедшими дружу.

И тебе на сердце — уголь,
Алый уголь положу.
Всю прожгу тебя дотла я,
Ты же — родинка моя.
Дорогая, дорогая —
Как под головой земля!

Июль 1978

---

* * *

Мир праху твоему, печаль, — и в том
Клянусь твоим единственным перстом,
Отрезанным, как хлебный черствый ломоть.
И вам меня, увы! увы! увы! —
Ни в море, ни в объятиях травы
Уж не настичь, не укусить как локоть.

Шалуньей ты захваленной была,
Румяна, да скоро, да белобока,
Но свел я вас, остались два крыла,
Которые я зашвырнул высоко.
И вот засим! Собравши хворост чувств,
Которые я наломал в опале,
Я в свой камин бросаю эту сушь,
Чтобы они как в детстве запылали.
Чтоб был я свеж как ветер и румян
Как та заря, что ходит стороною
И глухарем садится за бурьян
У егерей дремучих за спиною.
Чтоб был влюблен, как солнце, в небосклон,
Испытывая прелесть постоянства,
И слезы лил как дождь, гремел как гром,
Ошпаренный подвохами гражданства.
Как у скалы, соль не сходила б с губ,

Ну а в груди — весь век плескалось море,
Чтоб был я в зле неисправимо скуп,
И щедр как дети, испытавши горе!
Чтобы мою хладеющую кровь
Бессмертной тризной согревала радость,
И как святой водой умытый вновь,
Познал Христа смирение и храбрость.
О, ты! Людской и непокорный род,
Печаль и грусть, увядшая на лицах,
Я вижу, вижу твой слепой уход
От вешних зорь и лебединых кликов.
Мертвей пергамента, по городам
Гоняет ветер вас, сухие тени,
А я пред незабудкой, как Адам,
Готов склонить холодные колени.
Я вырос нынче из звериных шкур,
Трещат по швам пещерные повадки,
И в сердце, как в соборе, — сочный гул
Глагола, разминающего складки!
Сто лет протянет этот богатырь,
Кому-то горек, а кому-то сладок,
Он вашу жизнь, как пыльную Псалтырь,
Отмоет кровью и засадит садом!
Мир праху твоему, моя печаль!
Да здравствует любовь по милосердью!
И золотая рыбка у плеча,
И каждое желанье по поверью!..

12 сентября 1978

---

* * *

Утро синеет,
                    как простынь в горошек.
Звезды сбегают
                    ватагой монашек.
Мир, просыпаясь,
                    кому-то поможет.
Бог, улыбаясь,
                    кого-то накажет.
Так и судьба!
                    То калечит и рубит,
В Замоскворечье,
                    как пьяницу, клонит,
То бесконечно,
                    до нежности любит
И, задыхаясь в шелках,
                    не уронит.
Чувства мои!
                    Мои братья и сестры,
Перебесились,
                    как будто цыгане —
Ах, износились их лживые
                    звезды

И потускнело в глазах у них
пламя.

Рванный шатер
да рука на стакане.

И разворованы
серые кони.

Чувства мои!
Мы умрем в балагане,

Или в крови
вас найдут на балконе.

День наступает,
и, щурясь на солнце,

Благословляю
коварное сердце.

Первая радость любви
не вернется,

Ну а последняя — ввеки
не свергнется!..

3—4 ноября 1978

---

* * *

Родина, моя родина,
Белые облака.
Пахнет черной смородиной
Ласковая рука.
Тишь твоя заповедная
Грозами не обкатана,
Высветлена поэтами.
Выстрадана солдатами.
Выкормила, не нянчила
И послала их в бой.
Русые твои мальчики
Спят на груди сырой.
Вишнею скороспелую
Вымазано лицо.
Мальчики сорок первого
Выковались в бойцов.
Бронзовые и мраморные
Встали по городам,
Как часовые ранние,
Как по весне — вода!
Что по лесам аукают
Бабушки из невест?

Вот запыхались с внуками,
Памятник — наперерез.
Имени и фамилии
Можете не искать,
Братски похоронили
Ягоды у виска.
Кто-то венок оставил,
Может быть, постоял.
Кто-то опять прославил
Звезды и якоря.
Знай же, что б ты ни делала,
Если придет беда,
Мальчики сорок первого
Бросятся в поезда.
Сколько уж ими пройдено?
Хватит и на века!
Родина, моя родина,
Чистые берега!

9 июля 1979

---

* * *

Это небо голубое
Я привез за столько верст.
Расстреляли нас с тобою,
Друг мой милый, рыжий пес.
Той тропинкою от дома
Мы бродили по холмам
И не знали, что Содома
И Гоморры тени там.
Вислоухий, кареглазый,
Ненаглядный друг-драчун,
Я теперь твои проказы,
Плача век, не оплачу.
В ледяной тоске зазноба
Тихих песен не споет,
И теперь, теперь мы оба
Бьемся рыбами об лед.
Не спохватится домашний
Круг, он умер, и давно.
Разговор позавчерашний
Смотрит месяцем в окно.
Закидали снегом белым
Мне лазурные глаза.

Стал я смелым, стал я смелым,
Как огонь на небесах.
И пускай жена горбата,
Обеспечена шитьем,
За могильного лопатой
Дышит вечное житье.
Дышит в спину и в загривок,
Побирается впотьмах,
Шепчет траурный отрывок,
Заговаривает — прах!
Бормотаньем по России,
Кукованьем по лесам,
Мои Музы голосили,
Причитали в чудесах.
На руках меня изнашивать
И в сердцах меня озвучивать

Не мешаю правдой страшною —
Вам желаю долю лучшую.
Ленты все в крови окрашены.
Кителя — в чулан заброшены.
Дай вам Бог свой век для каждого,
А в любви — всего хорошего.
Чернозем! Дождем упиться!
А душа? Она одна...
Что ей сделают убийцы?
Мелко плавают и дна
Не достанут, захлебнутся
Захотят да захрипят.
Не такие петли рвутся,

Вальтеры в ломбард сдаются,
И отказывает яд.

P.S. Расстреляли нас с тобой,
Друг мой милый, рыжий пес.
Только солнце золотое,
Только небо голубое
В сердце я своем унес!..

15—16 ноября 1979

---

* * *

Твоя грудь, как две капли, —
Вот-вот — упадут.
Я бы жил с тобой на Капри —
А то — украдут.
Золото волос и очи —
Дикий янтарь.
Я бы хранил, как молитву к ночи,
Как алтарь.
Псов сторожевых разбросал букеты,
Чтоб знал всяк вор,
И перевешал бы всех поэтов
У ближних гор.
Я бы осыпал тебя цветами
Всех сортов.
Пока не стала бы ты — седая,
Как сто садов.
Твою невинность и невиновность
Боготворя,
Я бы приказал ввести как новость
В букварях,
Чтобы со стыда сгорели люди.
Твой портрет —
Это молока две капли — груди,

И в сердце свет!
Это лебединые твои руки
Вечно вкруг.
Это нестерпимые те разлуки
Наших губ.
Это киноварь твоих улыбок —
Шальной камин.
Стайка золотых, на счастье, рыбок.
Амен! Амины!
Спи, моя малышка, — уснули цапли.
И куклы тут!
Только твои груди, словно капли,
Вот-вот упадут!

26 марта 1980

---

* * *

Там, где кареты разбили нос,
Там, где с валетом пропили вист,
Где облака с табунами коз
Тычутся под ноги мордой вниз,
Там, где горячий источник зла,
Сорные залежи мрачных гор,
Дикой тропинкой совесть шла
И озиралась, как беглый вор.
Там, где орел молодой непрост
И золотится голодный клюв,
Встал я под пулю во весь свой рост,
А оказалось — что просто сплю.

Ноябрь 1979

---

* * *

Когда я думаю о Боге,
То просыпаюсь по ночам.
Молюсь в волнение и тревоге
Его невидимым лучам.
То кажется, что вот он, рядом...
То — далеко и высоко.
Но никаким не найден взглядом
Он там, за сенью облаков.
Я в это верую как в чудо,
Как в истину — яснее дня.
Ведь если не было огня,
То не придумали б Иуду!

9–10 апреля 1980

---

* * *

В. Высоцкому

Твой глас, в веках окаменевший,
твой хрип, твой храп — на онемевших,
изрезанный впотьмах крошечных,
как ноздри Красного коня
с Петрова-Водкина огня!
Твой глаз, как белки погоревшей, —
орех раскованно созревший.
Ты — певший спешившийся леший.
А искры, искорки все реже.
Все режет, спать мне не дает —
Тот черный человек — и колет.
О войско Игоря в игорном
и фишки белые, как снег.
Горячка. Ну а ты — горячка.
И конопатая полячка!
Тебя не вижу я, хриплю.
Я девку рыжую люблю.
Креплю ее вантами к мачте.
Ах, вы на почте, мама, плачьте!
Я угораздил... У-г-о-р-а... а...
Лежу, как голая скала.
А сердце лодкой разобьется.

Вдруг врежется в мое ребро.
Она впотьмах не разберется.
А небо, небо — отвернется.
Не говоря уже и про...
чии — такая мелочь,
Вот затушевывают мелом
кровь, забинтовывают целым.
О, вечно буду я в цене!
А на виски идет цемент...
Смотрите, я еще мычу!
Я глоткою вас взять хочу,
как это было там — в начале.
— Эй, вы!.. — Кричу я палачу,
мешочнику и стукачу.
— Эй, вы! — футбольному мячу,
ракетке и рапире в зале.
Но пот сбегает по плечам,
как от кадила — янычар,
Я чую, чую эту гостью,
и смерть — холодная на вкус.
Я не о «вкусе», кто не трус,
в грудь ледяные бьет уж гвозди.
Спасите!.. Я вам пил и пел.
А вот сейчас крошусь, как мел.
Спасите!..
Двух стаканов недоглядел,
Порезался. О, те, кто смел,
Спасите!..
Терзался я, рубашку рвал.
Удары сердца, словно вал
девятый.

А мне — сорок второй пошел.
Да, я в аптеку не зашел.
Был мятый!
Спасите! —
долго я кричу.
Врача, врача!.. Потом свечу
зажгите.
Глаза разбитые болят.
Друзья убитые стоят.
Спасите!..

Р. S. Не докричался я до вас.
Пришлось закрыть мне пару глаз.
Примите! —
Вот первый шаг в бессмертье — раз!..
Вот шаг второй... (Глас)
И третий — Нас —
Спасите!..

14—15 августа 1980

В МУЗЕЕ

Тетрадь в сафьяновой обложке,
в шкафу — серебряные ложки
да полустертый портсигар,
да свечки старенькой нагар,
той, что стояла на окошке
в ту ночь, когда все серы кошки, —
вот что осталось нам от бар —
чубук с янтарным мундштуком,
портрет с каким-то мужиком
да канапе, обито кожей,
невинной, словно день погожий,
ружье, ореховое ложе
и мебель, только подороже.

А вдруг сидел на этом кресле
Полковник царский Павел Пестель.
А этот стул передвигал
Волконский, храбрый генерал.
А вдруг под гибельные речи
свеча горела недалече,
как бы прислушиваясь, вдруг
они курили сей чубук,
и, может, пальцы генерала
постукивали портсигаром.

Что ж, это кажется возможным
(по мыслям истинно осторожным,
по их геройским именам),
не всё навек уходит с прошлым.
И нам, поклонникам их дошлым,
«не трогать» или «осторожно»,
как память, что от них — и к нам.
По стенкам разные портреты —
всё лейб-гусары да корнеты.
Или убитые поэты,
всегда с грехом да пополам.
Скрипят вощеные паркетты,
вверх дулом смотрят пистолеты.
О, в эти ангельские леты
ходить бы с маменькою в храм.
Ноябрь. В музее чисто, чисто.
Но я рисую декабриста.
Лукавый взгляд, высокий лоб.
А пальцы, словно бы артиста,
«тропининского гитариста»,
что молодым упал в сугроб.
Ах, что ж вы пили, да не пели.
Пошуривались на зарю.
Поеживались на шинели,
и первый выстрел проглядели,
а первый выстрел был — царю!
Шурша страницами метели,
прочтите заповедь свою.

Тетрадь в сафьяновой обложке —
дам нарисованные ножки,

и посвященный им сонет.

Но кто сквозь кляксы, словно крошки,
здесь нацарапал лапой кошки,
«что без свободы счастья нет»?
Кто б ни был, знаю — он поэт,
как первый снег, что свеж и чист —
ребенок или декабрист?

2—5 ноября 1980

---

* * *

Я возьму теплый галстук зари,
В темной зале пройду по золе.
Из могилы услышу: — Замри!
И застынь, ты один на земле!
В мутном зеркале, словно в вине,
Отразятся морщины в огнях!
Это рифмы с лукавым ко мне,
Словно бабы, идут в зеленях,
Соберу я любимым на стол
Перемятые бурей — листы!
Пусть запишется вопль и стон.
Пусть нательные снимут кресты!
Пусть исплачутся и исхотят.
И тихонько потом запоют.
Я слова их спишу, не сходя,
Закручу, заклану, замолю!
Не от этих ли радужных слез,
Слез грозы нецелованных глаз,
Я тишайшую нежность унес
И себя от гибели спас!
Не от этих ли ласковых дев,
Что шагали ко мне босиком,

Сохранил я тот легкий напев,
Лебединого грустью влеком!

Р. С. Отгорели давно фонари,
И подкрался рассвет на дворе!
О, царицы мои и цари,
Я уже не один на земле!

21 декабря 1980

---

* * *

Разве я могу холодными руками
Теплое нарисовать лицо?!
Разве я ношу за пазухою камень,
Как сто тысяч разных подлецов?!

Женщина уходит в платье синем,
Не махнув рукой, и навсегда.
Забываю, тает ее имя,
Словно тает утренняя звезда!

Что-то есть знакомое до боли
В этих горем согнутых плечах
С наливной, тяжелой любовью
И ночами душными в свечах.

Что-то есть родное в этом платье,
В этом платье с длинным рукавом,
А в лице, где бирюза на злате,
Что-то есть во взгляде роковом!

Словно дым проплыл и весла канули.
Соскользнула молодость — кольцом
В ледяную речку, стал я — каменным,
Грусть — собакой ляжет на крыльцо.

Верною доверчивою псиной,
Мордочку на лапы положив.
Женщина уходит в платье синем...
Думаете, молодость? — Нет, жизнь!..

19 июля 1981

---

* * *

Грусть упала, как ресница
памятнику на ладонь.
Сердце, сердце, пусть мне снится
Острый меч и Красный конь.
Красный конь пусть будет мечен
белой звездочкой на лбу,
так, как мечен этот вечер,
что войдет в мою судьбу.
Острый меч перо заменит.
Вечер, лира зазвенит.
Рукопись лежит в знаменьях —
что я буду — знаменит!..

22 августа 1981

---

* * *

Я создан для песни,
Как птица для воли,
Как камень для Пресни,
Как Гектор для Трои,
Как стрелы для лука,
Рапира — для боя,
Как эхо для слуха
И смерть — для героя!

7 октября 1981

СТИХИ К МУЗЕ

Я найду тебя за тридевять земель.
Отыщу на дне колодца и реки.
Я построю твоей славе — мавзолей.
Накормлю тебя, как голубя, — с руки.

Белым пламенем объят твой белый сад.
Словно каменный, приду к тебе на суд.
Твои губы то — нектар, то — сладкий яд
По душе моей безумной разнесут.

И ни спать теперь, ни плакать не могу.
Разучился пить вино я, и давно.
Я тебя — как свечку Богу берегу.
Изменить тебе навеки не дано!

Ты — погибель! Но и верный, ясный свет.
Я иду на твой невидимый костер.
Как же тяжело твой безумно-легкий след
Мои крылья неживые распростер.

Муза! Муза! Чар своих не пронеси,
Третий раз один и тот же снится сон —
Я — Царь-колокол, да, видно, на Руси
Не поднять меня, а вот уж был бы звон!..

1—2 ноября 1981

---

* * *

Тебе от меня не уйти.
Как лани с подстрелом в груди.
Как в поле кровавом солдату,
пока не рванет он гранату.
Как тени — привычной и легкой —
моей одинокой руки.
Как тайно привязанной лодке
от теплых признаний реки.
Тебе от меня не уйти.
Была бы женою — ушла бы.
А так — нам с тобой по пути.
Ты — сердце мое, и душа — ты!
Ты солнце мое огневое.
Смотри, я тебя не неволю.
Целую, а ты отвечаешь.
Ревную, а ты и не чаешь.
Всем сердцем свиданьями бредишь.
Мигну я, ты сразу приедешь.
А то — прилетишь, прокрадешься.
Луной золотой обернешься.
Огарком свечи притворишься.
Тебя я целую. Горишь вся!

То птицей ночной, то голубкой,
то призраком страшным предстанешь.

Люблю я тебя без рассудка,
но если ты только пристанешь,
то нет мне отбоя от боли,
от криков и слез, от прибоя
тех строчек, что сразу ложатся,
как будто не могут держаться,
на берег безлюдный, поверьте,
чтоб окаменеть для бессмертья!
Ты — воздух! И ты — моя брага.
Ты — белая эта бумага.

Ах, как я люблю это благо —
быть сразу и богом, и магом!
Смотри — мы потом растворимся,
по черновикам распылится,
пройдем по устам без утайки,
как шли в золотые клондайки.
Потом — нас прочтут миллионы,
живые и светлые души,
и выпьют за это со звоном
нехитрых стаканов и кружек!
Кувшинка моя золотая,
копи мне росу поднебесья,
чтоб в мир появилась святая,
простая и чистая песня.

Р. С. Любимая! Муза! Я — таю.

И рая не надо мне — весь я!..

1—2 ноября 1981

---

* * *

Иглы дождь зашивают
В голубые стога.
Ты пришла неживая,
Тонкоока, строга.
Ты перчатки не снимешь
И не сбросишь платок.
Ты меня не покинешь,
Как предсмертный глоток.
Ты все знаешь и веришь —
Я ведь не виноват.
Ты меня не изменишь,
Потому что крылат.
И когда головою
Лягу на мостовой,
Я шепну: Бог с тобою,
Свет единственный мой!
И когда ты раздета
С моей легкой руки,
Я как поле, что ветром
Гнет к губам васильки.

8 ноября 1981

---

* * *

Я живу, как Бог прикажет.
Рок подскажет, черт простит.
Я живу, как иней ляжет.
Я живу, как снег хрустит.
Как волна, что в скалы бьется
В одиночестве своем.
Как вода в святом колодце,
Затаенная дождем.
Как, не требуя награды,
Колосок или росток.
Я живу и тяжким градом
Бью и Запад, и Восток.
А теперь запомни имя:
Я — родник, мои богини —
Ива, роза и сирень.

Декабрь 1981

---

* * *

За золотою, тонкой клеткой
Или за каменною кладкой
Любовь, как сливовая ветка,
Ждет не дождется вечер сладкий.
Она еще в тиши и грусти,
Как левитановский тот плес.
Как та девчонка в захолустье
С глазами — темными от слез.
Но скоро, скоро будут грозы
И змеи молний в волосах,
И ожидание в глазах
Застынет льдом иль станет розой.

9—10 марта 1982

—●—

---

* * *

От этой страсти роковой,
Такой непоправимо-грубой,
Несу на рынок вековой
Свои израненные губы.

И за плечами у меня
Ночь, словно алый-алый бархат.
И крылья белого коня
Лишь белою сиренью пахнут.

Откинута мои года,
Как карты, битые для Ада.
Я — покупавший города
Хмельною кистью винограда.

Я — сотворивший Музу — вам,
Нагую Музу, без перчаток.
Ходившую по головам
И не искавшую печати.

Я — мордой падавший в сугроб
И столько раз для вас раздетый,
Я — на дрова пустивший гроб,
Чтобы согреться до рассвета,

Постигший слово как восторг,
Как ночь с любимой, непонятной,
Пленившей Запад и Восток
Своей непогрешимой клятвой.

Вот на коленях я стою
Пред образом ее прекрасным
И знаю — что она в Раю!
А я в Аду, и все — ужасно!

И что мне руки целовать,
Те бледные, худые пальцы?
Она умела счастье дать
Мне — одинокому скитальцу.

А я забыл ее, забыл...
И, как всегда, бессмертно запил,
Гвоздями сердце я забил,
Ключ выбросил и душу запер!

Но с неоглядной синевой,
Как жаворонок чистый в клетке,
Она со мной, она со мной,
И я распят на этой ветке!

Ты снишься мне, ты снишься мне
Сквозь гром и ангельские трубы,
Когда целуешь в тишине
Мои израненные губы!..

9—10 августа 1982

---

* * *

Дожди сентябрьские с лицами монголов,
Вы — шпагой бьющие французские пажи,
Святых осинок побеждая нором,
Под подбородок ставите ножи!
Любовники Офелий и Вирсавий,
Шиповники ломающие вкруг,
Шумите, как извозчики в Версале,
Не поделив жеманниц и подруг.
Стремитесь вы скорей попасть за вырез
И горячо сбежать по животу,
Да только не дает вам — царский выезд
Лакея избежать и девуку ту!
Сбежавшие с родного дома — неба, —
Бродягами струитесь по лицу,
Не просите вы ни вина, ни хлеба,
И неизвестно, кто вы по отцу?
Зовете вы веселую хозяйку,
Пса лихо забивая в конуру.
И красную, в которой я умру,
Стираете в зеленой речке майку.

6—7 сентября 1982

---

* * *

Я пришел за поцелуем —
                        вишни губ сорвать украдкой.
В полумраке, в полусвете,
                        в ледящей тишине.
Для меня была ты в мире
                        самой страшною загадкой.
На тебя смотрел я сладко,
                        как на смерть свою во сне.
В суматохе пьяных листьев
                        от кленовой охры парка
Я бродил как полоумный
                        и влюбленный Богдыхан,
В каторжно-веселом свисте
                        мне ресниц твоих не жалко,
Мне ни холодно ни жарко,
                        я прошел как ураган.
Где турецкие халаты
                        нашей страсти и печали?
Мы сожгли их все свечами
                        и залили их вином.
Но у нас остались даты,
                        где за белыми плечами,
Словно дети мы кричали
                        и хрипели — об одном.

И хладеем, и ревнуем,
                                если видимся — то кратко.
Словно голуби на церкви
                                и слепые на краю,
Я пришел за поцелуем —
                                вишни губ сорвать украдкой,
И тебе, капризно-гадкой,
                                прошептать: а я — люблю!..

21 сентября 1982

---

* * *

Я так хотел, чтоб позвонила,
Ты позвонила мне — сама.
Я знаю имя твое — Нила.
Я по нему схожу с ума.

Я по нему схожу, как дети
Ступают важно на песок.
Я с ним целуюсь на рассвете,
А ночью выстрелю в висок.

И мне приснились ночи пира
И свет, и мрак, и тень с плащом,
И нежный шепот — Нила, Нила,
И рот, и грот тот под плющом.

Я слышал ласковые звуки,
Но сам тебя не мог позвать.
Я видел трепетные руки,
А сам не мог их целовать.

И я за все алмазы мира
Не соберу уж по кускам:
Нилена, нола, нила, ила...
Как золотая пыль с виска
Давно забытого кумира!..

Р. С. Как будто тело под замком,
В гробу, в плену своем немиллом.
Разбитый вдребезги звонком,
Я вскакиваю, рушу дом...
Мне говорят — звонила Нила!..

11 октября 1982

МУЗА

Не крошит меня время — как камень,
Чистый лик мой всегда без морщин,
Звонко я увожу каблуками
За собою красивых мужчин.

И в холодную полночь раздета,
И незримая, словно весна,
Окрыляю сердца у поэтов,
Не даю им покоя и сна.

Разум строг мой, но ветрены кудри,
И еще шаловлив ветерок.
Я не в тряпках, помаде и пудре,
Я из лавра надела венок.

Бьет волна от гранитного берега, —
Так ложится строка за строкой.
Я диктую поэтам от века,
Как любовница с легкой рукой.

Я правдивее смерти Электры,
Всех люблю, никому не верна.
Но один есть, единственный некто!
Я навеки ему суждена!..

---

* * *

Я сослан к Музе на галеры,
Прикован я к ее веслу.
Я стал похож — на символ веры,
На свежий ветер и весну.

И загорелым телом каясь,
Я налегаю на весло —
Я вас люблю и улыбаюсь,
Что мне чертовски повезло.

Что в синеве такой буранной
Ей по душе мой тяжкий труд,
Где розы — алые карманы —
И наголо обритый Брут.

Что ни гвардейцы, ни уланы,
А только потные рабы
Сквозь непогоду и туманы
(Сквозь неохоту и обманы)
Выводят на маяк судьбы!

Я вырван из когтей дракона,
Как из похабных риз — икона.
Недолго был я под пятой.
И я теперь гощу у трона,
У обнаженной, как Юнона,
Своей красавицы святой!..

27 октября 1982

---

* * *

Что упало — то пропало.
Зря ты, матушка, меня
В черном омуте купала —
От беды и от огня.

Потому что как ни осень,
Пробиваются в груди
Песен спелые колосья —
Хоть не пей, и не блуди.

Потому что этой жатвы,
Этой песни наливной
Самому немножко жалко,
Словно грусти неземной.

Я с груди своей срезаю,
Взявши в руки острый серп,
Все, что потом и слезами
Поливали милосерд —

Но запаренные музы
Губки алые дают,
Заплетая волос русый,
Песни русские поют.

Как крестьяночки босые,
Волокут кувшин вина,

Сами грешные, косые —
Ни покрышки им, ни дна!

Солнце жарит, мухи жалят,
Пот струится по лицу,
Зря, таких не уважают, —
Мне бы с ними ко дворцу.

Жду малиновый я вечер,
Чтоб накинул свой тулуп, —
Я же в сене, недалече,
Целовать их буду в плечи,
Промеж глаз и промеж губ.

Вот я пленный, ветер пряный,
Месяц в небе золотой.
Умоляю полупьяный —
Вы, цветы моей поляны,
Пробежитесь за водой.

Не могу прожить и дня
Я без муз, но все им мало.
Зря ты, матушка, меня
В черном омуте купала!..

27 октября 1982

ОТРЕЧЕНИЕ

Яблок красных и белых
Стук в саду не попад,
Смерть кустов обгорелых,
А потом — снегопад.
Ветер в парке гуляет,
Шапку жмет набекрень.
И березы стреляют
От мороза весь день.
Я — румяный и праздный,
Печь свою затоплю.
Вот появится — красный,
Я в тиши запою.

ЗОЛОТАЯ БАРЖА

Разобрали меня пополам —
проститутки и купола.
И раздетым им догола...
я уже ничего не сыграю.
на гитаре своей — Бордо,
где натянуты волосы Музы...
И ныряют с моих бортов,
словно с баржи с тяжелым грузом,
обнаженные, без порток,
мысли — светлые карапузы.

Я иду поперек волны,
и от груза трещит спина,
нет ни родины, ни жены,
только тень того пацана,
что нырнул с меня глубоко
и не выплыл — совсем пропал,
а писал стихи так легко,
словно в речке коня купал.

И грустит по нему Рязань
и деревни, что там окрест,
но не верю я тем слезам,
как не верю в железный крест.

Говорю, будто пару рельс
и спаяли-то кое-как —
не порожний сегодня рейс
к светлой памяти тянет парк.

Придавили ему — голову,
чтобы больше не пел, не пил.
Светлый месяц упал в траву,
прошептал: «Ну зачем живу?!» —
и ромашку озолотил.

Ветер воет, деревья валит.
Ведьма в поле похлебку варит.
А меня не страшит волна,
неуемная глубина.

Я печален, и я квадратен,
бесхарактерен мой характер.
Я не в поле, и не в лесу.
И зачем мне воров бояться,
я ведь золото вам везу,
вам, уродам, и вам, паяцам!..

28 октября 1982

САВРАСОВ

Кружок кровавой колбасы,
За три копейки склянка водки.
Обледенелые усы
И запоздалый взгляд кокотки.
От сумерек сошли с ума
Усталых рук твоих развалы,
И лишь картежница-зима
Сквозь снег тасует — тройки, пары.
Пургой обмятый, ты без чувств
В сугробов падаешь бумаги,
Где теплые глаза лачуг,
Как проститутки и бродяги.
От замороженной руки
Струится пар в тепле ночлежки,
И ворон делает круги,
И вечер раздает насмешки.

Ты наливаешь водки — в штоф
Потрескавшийся, как окошко.
И хорошо вам было чтоб,
Вы напиваетесь с ним в лежку.
Лишь сердца — трепетный паром
Подрагивает в сонном теле.
Не вспоминай же о былом,
Как церковь рисовал пером,
Когда грачи не прилетели!

15 февраля 1983

---

* * *

N. N.

Ты низменна и неизменна?
Голубка белая моя.
Ты — соль земли, ты кровь вселенной
И родниковая струя.
Ты узкий след в начале брода,
Ты — бред, закованный в тиши.
Ты — жуткая штрафная рота
Моей потерянной души.
Тебя я к Богу не ревную,
Вернуться больше не прошу,
Я по следам твоим брожу
И в рощах — тень твою целую!..

4 августа 1983

—●—

---

* * *

А. Б.

Угар сошел, как будто кожа
Спаленная, — сплошной волдырь.
О, если б был я помоложе,
И разум был мой поводырь.

О! Если б мог и я вернуться,
Тропинкой в юность пробежаться
И к зацелованному Кунцеву,
Как мальчик, радостно прижаться.

6 августа 1983

—●—

---

* * *

Т. Д.

В твоих глазах закат последний,
Непоправимый и крылатый, —
Любви неслыханно-весенней,
Где все осенние утраты.
Твои изломанные руки,
Меня, изломанного, гладят,
И нам не избежать разлуки
И побираться Христа ради!
Я на мосту стою холодном
И думаю — куда упасть...
Да, мы расстались, мы — свободны,
И стали мы несчастны — всласть!..

4 сентября 1983

—●—

Из книги ПОЭМ
«Колокола»

МАРТА

Отыграли злые зимы, крышка, мат!
Наступай, невыразимый, шалый март!
За душою ни наследства, ни кола.
Я, как Новгород, — в одних колоколах.
Марта, девочка затопленной Руси,
Не бросай меня, открой меня, спаси!
Я — как Новгород — крестами теребя,
буду зовом, буду звоном для тебя.
Задыхаюсь, из души, как из плотин,
плещет музыка оттаявших глубин.
Наводнение — есть падение немоты.
Наводнение — дополнение судьбы.
В Нижний Новгород соборов и церквей,
ходит Марта с черной бабушкой своей.
Ходит с бабкою, а я, дурак, под смех
реставрирую по фрескам прошлый век.
Реставрирую Христа и образа,
реставрирую зеленые глаза.
Блещут краски, хлещут солнцем после зим.
Дело ведьмы, дохлой бабки, на мази!
Стаи первых прут над вербами в Казань.
Тает вера, тает вера на глазах.
Бабка Марты говорит мне: «Паразит!
Это ты девчонку-дуру заразил.
Как же в церковь мне теперь ходить одной?
С непокрытою молиться головой?!»
Что мне делать? Воевать иль бабку слушать,
Реставрировать картины или души?

Со слезами, человечество ругая,
умирают злые зимы под ногами.
Умирают без креста и без кола.
Я кричу — моя душа в колоколах!
Спит на башнях скерцо узников моих,
больно, страшно сердце музыки разбить.
Стало мало сала, славы после зим.
Вместе с Мартой жгу на чтение керосин.
А потом ее, уснувшую, босую,
заколдованными красками рисую.
Вот и все. И зимаю мат! И Богу — мат!
Синим полднем в синих лодках плещет март.
В теплом небе ходят тучи-караси.
Ох, и вёсны, ох, и бабы на Руси!..

Ночь — как палуба.

К нам почтальон хромой.

Письма падают

и вдруг в одном — «Домой!»

В этих землях

вам не сеять и не жать,

хватит, мальчик,

нужно, мальчик, уезжать.

Вам не душно?

Вам не нужно — ночь без сна.

Входит в душу

мою девочка-весна.

Входит, радуя,

без слез и гордых войн,

Пьяной радугой

блеснув над головой.

Страшно, Марта,

если в памяти блеснет —

черной маркой,
приговором, то письмом.
Страшно, больно,
что тебя, весну-плясунью
в платье школьном
не найду, не нарисую.
«Уезжаешь?» —
просыпаясь, ты сказала.
«Ах, как жалко», —
просыпаясь, ты сказала.
Утро чавкало,
и в сахар снег бросало,
мы за чайником,
мне страшен мир вокзала.
Я старею,
ты же видишь, — я простыл.
Там, у двери,
мой рюкзак, мои холсты.
Все сложил,
упаковал в белье блесну...
Невозможно
уложить одну весну!..
Ты смеялась,
ты сказала: «Жду, пиши...»
Смято сердце
реставратора души.
У меня нет ни молитвы,
ни креста.
А они неумолимы —
поезда!..

ПОЛИНА

Полина! Полынья моя!

Когда снег любит, значит, лепит,
а я, как плавающий лебедь,
в тебе, не любящей меня.

Полина! Полынья моя!

Ты с глупым лебедем свыкаешься
и невдомек тебе печаль моя —
что ты смеркаешься, смыкаешься,
когда я бьюсь о лед молчания.

Снег сыплет то мукой, то мукой,
снег видит — как чернеет лес,
как лебеди, раскинув руки,
с насиженных слетают мест.

Вот только охнут бабы в шали,
дыхнут морозиком нечаянно,
качать второму полушарию
комочки белого отчаянья.

И вот над матерями и женами,
как над материками желтыми,
летят, курлычут, горем корчатся
за теплые моря в край творчества.

Мы все вас покидаем, бабы,
как Русь, сулящую морозы,

и пусть горят в глазах березы, —
мы все вас покидаем, бабы.

Мы — лебеди, и нам пора
к перу, к перронам, к переменам.
Не надо завтра пельмени,
я улетаю в двадцать два.
Ведь перед красным лесом венам
плевать на совесть топора.

Когда дороги остывают,
пророчат вороны семь бед,
планета дышит островами
необитаемых сердец!

Забыв о кошельках и бабах,
ждут руки на висках Уфы,
как рухнут мысли в девять баллов
на робкий, ветхий плот строфы.

Душа моя — ты таль и опаль.
Двор проходной для боли жаждой.
Но если проститутка кашляет,
ты содрогаешься, как окрик.

Но все же ты тепла и зелена
и рифмой здорово подкована.
Я сплю рассеянным Есениным,
всю Русь сложив себе под голову.

Давно друзей не навещаю я —
все некогда: снега, дела...
Горят картины Верещагина
и пеплом ухают в диван.

А где-то с криком непогашенным,
под хохот и аплодисменты,

в пролет судьбы уходит Гаршин,
разбившись мордой о бессмертье.

Так валят лес, не веря лету.
Так, проклиная баб и быт,
опушками без ягод слепнут
запущенные верой лбы.

Так начинают верить небу
продажных глаз, сгоревших цифр,
так опускаются до НЭПа
талантливые подлецы.

А их уводят потаскухи
и потасовка бед и войн.
Их губы сухо тянут суки,
планета, вон их! Ветер — вон!

При них мы сами есть товар,
при них мы никогда не сыты.
Мы убиваем свой талант,
как Грозный собственного сына.

Но и тогда, чтоб были шелковыми,
чтоб не могли ступить на шаг,
за нами смотрят Балашовы
с душой сапожного ножа.

Да! Нас, опухших и подраненных,
дымящих, терпких, как супы,
вновь распинают на подрамниках
незамалеванной судьбы.

Холст 37 на 37,
такого же размера рамка.
Мы умираем не от рака
и не от праздности совсем.

Мы сеятели. Дождь повеет,
в сад занесет, где лебеда,
где плачет летний Левитан, —
Русь понимают лишь евреи.

Ты — лебедь. Лунь. Свята, елейна,
но нас с тобой, как первый яд,
ждут острова Святой Елены
и ссылки в собственное — я!

О, нам не раз еще потеть
и, телом мысли упиваясь,
просить планету дать патент
на чью-то злую гениальность!

Я — Бонапарт. Я — март. Я плачу
за морем, как за мужиком,
и на очах у черных прачек
давлюсь холодным мышьяком.

Господь! Спаси меня, помилуй!
Ну что я вам такого сделал?
Уходит из души полмира,
душа уходит в чье-то тело.

И вот уже велик, как снег,
тот обладатель.

Не беспокоясь о весне,
он опадает.

Но он богат, но он — базар,
где продают чужие судьбы.
Его зовут месье Бальзак,
и с ним не шутят.

С его пером давно уж сладу нет,
сто лет его не унимали.

Ах, слава, слава — баба слабая,
какие вас умы не мяли?..

Долой ваш суд, моя посредственность,
не прячьтесь в воротник, бездарность.
Как! Вы не можете без дамы?
На кой мне черт твоя наследственность?!

Когда мы сердце ушибаем,
где мысли лезут, словно поросль,
нас душат бабы, душат бабы —
тоска, измена, ложь и подлость!

Века, они нам карты путают,
их руки крепче, чем решетки,
и мы уходим, словно путники,
в отчаянье и отрешенность.

Мы затухаем и не сетуем,
что в душу лезут с кочергою.
Как ветлы над промокшей Сетунью,
шумят подола Гончаровых.

Ах, бабы, бабы, век отпущен вам.
Сперва на бал, сперва вы ягодка.
За вашу грудь убили Пушкина.
Сидела б, баба, ты на якоре.

А-у! Есенину влиставшая
глазами в масть, губами клевыми,
ты обнимаешь перестывшего
за не познавших, но влюбленных.

Тебе, не любящей одних,
его, как мальчика, швырять.
Да, до последней западни.
Да, до последнего шнура!..

О, если б знали вы, мадонны,
что к Рафаэлю шли на Пасху,
что гении сидят, как вдовы,
оплакивая страсть напрасную.

Что гении себя не балуют,
что почерк их ночами точится.
Что издеваются над бабами,
когда не в силах бросить творчество!

Когда изжогой мучит дело,
и тянут краски теплой плотью,
уходят в ночь от жен и денег
на полнолуние полотен.

Да! Мазать мир! Да! Кровью вен!
Забыв измены, сны, обеты.
И умирать из века в век
на голубых руках мольберта!

Полина! Полоня меня
палитрой разума и радости,
ты прячешь плечики, как радуга,
и на стихи, как дождь, пеняешь.

Но лишь наклонишься ты маком,
губами мне в лицо опав,
я сам, как сад, иду насмарку,
и мне до боли жалко баб!..

Январь 1964 (в редакции 1977)

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Сегодня посох бредил постным,
и отряхая яблонь сплин,
твои глаза настали поздно,
а губы вовсе не взошли.

Сегодня у семи соборов,
срывая Аллилуйю певчих,
накаркал мне мой черный ворон
твои березовые плечи.

Ах, журавли мне слаще, краше,
когда курлычут красным станом.
Глупышка! Ивушка! Ивашка!
Сорокалетие настало.

Я — василек, я високосен,
ты — осень, сыта и кругла.
Давай с тобой сыграем в кости,
что тлеют на лице двора.

Давай с тобой привыкнем к боли,
но прежде чем начать устами,
я выгоню из горниц Борьку
и свечи белых рук поставлю.

Я — Грозный! Я тебя малюю,
кладу тебя на простынь синюю,

где со Скуратовым Малютою
черниц и вдовушек насилую.

Мне каплет маленький апрель
свечным барашком в прудик банки,
а я давно татар отпел
и Русью завладел, как бабой.

А я вот взял и согрешил,
малиновые бью поклоны.
О, камыши святой души,
как вы озерны и покорны.

Мне в вас тепло и безрассудно —
сейчас я новгородский голубь.
Ступайте, патриарх разутый,
вот в эту золотую прорубь.

Ха-ха, глупим, церква-игруня,
с опричником сведу за лесом.
О, попадя, где ваши груди?
Кто их отрезал?!

Лица беды не отрицать,
не хоронить ни смех, ни удадь.
Я — Чингисхан, я грозный царь,
Иуда!

О, как мне сладко и щекотно,
я плачу в чарку по старинушке.
А ты не знаешь, что сегодня —
всея Руси я сиротинушка!..

Февраль 1964

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Кублановский. На свету и в темнотах лирической самобытности.	5

КОЛЬЧУГА 1963—1964

«Холодный пар...»	18
«Тебя любили Палешане...»	20
«Темно-синей силой проповедь...»	22
«Живем в печали и веселье...»	24
«Опять в душе, где сплетни и плетни...»	25
В дороге	27
О любви	28
Еще раз о любви	29
«А мой Июнь, как тощий жеребец...»	30
Первое вступление к драме «37»	32
Тень на плетень	33
«А губы — босы...»	36
«Я от репейников, от Репиных...»	37
«Трамвайная осень, опала...»	39
«Рассвет как дойная коровушка...»	40
Игровое.	43
«Неровен час, как хлынет ливень...»	44
Воспоминание («Берёзы Батыя — кумыса бутылки...»)	47
Болдино	49
Дождь — поэт	52
О творчестве	55
Мастера.	57

«Лес опал, как просто, лес опал...»	58
«ШУМ! Отгорожены столы...»	60
Первая просека	62
Еще раз о творчестве	63
«Девчонку сглазил. Ай, монах! ...»	65
О поиске	66
Было (<i>Проба № 1</i>).	67
Было (<i>Проба № 2</i>).	69
«Тоску сундучить...»	70
«Любуюсь липами и вами...»	71
«Поговорим о городах...»	72
На Оке (<i>Поленово</i>).	73
Письмо с подробностями	75
«Сирень сыреет самосадам...»	80

ИЗ СБОРНИКА «СЕРЫЙ КОНЬ»

Молитва	83
На повороте	85
«Когда глазами овдовею...»	86
Выстрел	88
«О Матерь Божия, помолись о здравии Михаила...» . . .	90
«Я — та окраина, где вы...»	91
«Сегодня и завтра — волос рыжэй...».	92
«Сколько б в грудь свою гвоздей ни забивал...»	93
«Я останусь сам собой...»	94
«Я здесь один, я здесь один...»	95
Неожиданная акварель Борисову — Мусатову	96
Желание	99
«Зеленые чернила глаз...»	101
«Я пью серебряную речь...»	102
«А если вам последней проповедью...»	103

«Любви последней тихий ужас...»	104
«Наша жизнь испугана этим небом...»	105
Осень. <i>Масло</i>	107
Осень. <i>Акварель</i>	108
«Не рекрут — так олово буйное льют...»	109
В этом мире.	110
«Я беру кривоногое лето коня...»	112
Стихотворения о брошенной поэме	114
Монолог Арлекина из поэмы «Кость»	117
«Вот шарик заколдованный...а вот...»	118
Любимой вместо оправдания	119

ИЗ СБОРНИКА «ПРЕКЛОНИВ КОЛЕНИ»

«Я — патриарх, и мне позволено...»	123
«Голова ль моя, головушка...»	124
Грустная фреска	125
Пьяная церковь.	128
Объяснение в обиде	129
Черная бабочка	132
Эхо	133
Августовская фреска	135
Открытка Асе Муратовой	136
«Кони, кони, кони, кони...»	137
«Не грусти обо мне на пятый день...»	138
Желание.	139
Шуточное объяснение	140

ИЗ СБОРНИКА «ИКОНОСТАС»

Шляпа попрошайки	143
Экспромт на подножке собственного спокойствия.	145
«Все переплыл, все переправил...».	146

«Кого украдкой расскажу?...»	148
«Была б жива Цветаева...»	149
Первая клятва	152
Пастель для собственного сына	154
Воспоминание («Напекло припевом...»)	159
Временное правительство грусти	163
Попутный витраж	166
«Без повеления любви...»	167
«Я с тихой мельницей дружу...»	170
«Я дам тебе сегодня голубей...»	171
«Пять чувств, пять пальцев, пять утрат...»	175
«Чертог моей тоски и ласки...»	178
«И вечности изменчивый поклон...»	181
«Я остался на всю жизнь красивым...»	182
Зимняя пастораль	184
«В обратный путь моих молитв...»	186
Акварель	189

ИЗ СБОРНИКА «ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ»

«Опять заката киноварь...»	193
Благодарю.	195
Палитра скорби.	197
Открытка вам на память	198
«Мои губы — багряной улочкой...»	199
В кольчуге трезвости.	200
Золотая фреска	202
«Моя свеча, ну как тебе горится?...»	207
«Жизнь — это наслаждение погоста...»	208
«Захотела вора научить Богу молиться...»	210
Мой манифест	212
Ждите	215

«Стою у изголовья слова...»	217
Неизвестное.	218
Петербург	219
Четвертого числа	222
Бандероль священно любимому	224
Перистый перстень	226
Совсем внезапное.	228
Русская керамика.	230
На смерть Бориса Пастернака	233
«Поклонник полей и Канта...»	237
Акварель сердцам невинным	238

ИЗ СБОРНИКА «ВСАДНИК ВО МГЛЕ»

«Меня подташнивало петь...»	243
Зеркальные осколки	246
Четвертый черновик	248
Этюд на хуторе грусти	250
Каприз по осени считают	251
Визитная карточка	253
«Я себе третья цыганка...»	257
«Я каюсь худыми плечами осин...»	258
«А мне и солнышко не греет...»	259
Шалая песенка	261
Шалаш настроения	262
«Осеннее солнце померкло...»	263
«Ты дорвалась до телефона...»	265
«Рыжеволосая богиня...»	266
Предчувствие	267
«Никто мне не нужен...»	268
Разговор с Пушкиным	269
«Я падаю, я падаю...»	272

«Ни перед кем не преклоняясь...»	274
«Ищите самых умных по пивным...»	276
Письмо белокурой Музе	277
«Задыхаюсь рыдающим небом...»	280
«И локонов дым безысходный...»	284

ИЗ СБОРНИКА «ТАВЕРНА СОЛНЦА»

«Погибнет бархатное слово...»	287
«Мои стихи рассеялись в народе...»	288
«Я тебя забываю...»	289
«Смоленский шарф дороги пьяной...»	290
Переводные картинки. <i>Стихи к сыну</i>	291
«Мне не спится, мне не спится...»	292
«По дорогам-зеркалам...»	293
«Никто не узнает...»	295
Последняя просьба	297
«Ты сказочнее и прекрасней...»	299
«Тоскует дух! Немеет тело...»	301
«Я родился, чтобы пропеть...»	303
«Я тоскую с тобой по чуду...»	304
«Как поминали меня ...»	305
«Горе пережил...»	306

ИЗ СБОРНИКА «ЗОЛОТАЯ АРМАДА»

«Когда на душе, словно в келье, сожженной...»	309
«Тает в облаке луна...»	311
«Мир праху твоему, печаль, — и в том...»	313
«Утро синеет...»	315
«Родина, моя родина...»	317
«Это небо голубое...»	319
«Твоя грудь, как две капли...»	323

«Там, где кареты разбили нос...»	325
«Когда я думаю о Боге...»	326
«Твой глас, в веках окаменевший...»	327
В музее	330
«Я возьму теплый галстук зари...»	333
«Разве я могу холодными руками...»	335
«Грусть упала, как ресница...»	337
«Я создан для песни...».	338
Стихи к Музе.	339
«Тебе от меня не уйти...».	340
«Иглы дождь зашивают...»	342
«Я живу, как Бог прикажет...».	343
«За золотою тонкой клеткой...»	344
«От этой страсти роковой...».	345
«Дожди сентябрьские с лицами монголов...»	347
«Я пришел за поцелуем...»	348
«Я так хотел, чтоб позвонила...».	350
Муза.	352
«Я сослан к Музе на галеры...»	353
«Что упало — то пропало...»	354
Отречение.	356
Золотая баржа	357
Саврасов	359
«Ты низменна и неизменна?...»	360
«Угар сошел, как будто кожа...»	361
«В твоих глазах закат последний...».	362

ИЗ КНИГИ ПОЭМ «КОЛОКОЛА»

Марта	365
Полина	368
Иван Грозный.	374

Литературно-художественное издание

Леонид Губанов
СЕРЫЙ КОНЬ

Ответственный редактор *Е. Марков*
Художественный редактор *А. Новиков*
Компьютерная графика *И. Новикова*
Технический редактор *В. Бардышева*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректоры *О. Благова, Н. Борисова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 28.02.2006.
Формат 70х100¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 1543

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел.: 937-85-81, 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Серый конь

(766)

Київ
п-кт Московський, 6
(044) 464-49-70

7670
27.03.2008

1234738

Ціна:

22.30 грн

ISBN 5-699-15593-7

9 785699 155934 >